ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 21 (4515)

21 мая 1975 г. СРЕДА

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ—70 ЛЕТ

24 мая исполняется 70 лет со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. В связи с этим правление Союза писателей СССР направило ему приветствие.

Дорогой Михаил Александрович!

В дни, когда миллионы почитателей Вашего таланта с радостным волнением встречают семидесятилетие любимого писателя, мы — Ваши товарищи по перу, соратники и друзья — пользуемся случаем не только сердечно проникновенно поздравить Вас, но и сказать слова благодарности за все, что сделано Вами для развития советской литературы и культуры.

Подобно многим молодым писателям первого революционного десятилетия, Вы рано приобщились к литературному труду и в краткий срок обрели гражданскую и творческую зрелость. Залогом Вашего всемирного роста как художника явилось настоящее, доскональное знание народной жизни, умение глубоко заглядывать в душу человеческую. Именно этим обусловлена органичность Вашего мастерства.

Нет в нашей стране человека, который не знал бы Ваших книг и не вчитывался бы в их талантливые страницы. «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека» — высокохудожественные творения, ставшие гордостью нашей социалистической культуры. Счастлив писатель, чьи произведения вошли в умы и сердца читателей, обрели поистине всенародное признание.

Мы по праву называем романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» эпосом революции. В них отображена живая действительность в моменты крутого исторического перелома и наивысшего напряжения сил народа. Путь от свержения ненавистного царского строя к созиданию новой жизни увиден Вами, художником революционной эпохи, во всей сложности конфликтов и человеческих судеб, широко, многообъемно и в высшей степени драматически.

Ваше творчество утверждает литературу социалистического реализма, могучую силу ее воздействия на жизнь общества. На примере Вашего творчества особенно наглядно видно растущее влияние этой литературы на умонастроение масс и судьбы национальных культур всех народов и всех континентов.

Замечательные достижения шолоховского таланта принадлежат к вершинам советской литературы. Они служат образцом для молодых писательских поколений. Поразительны Ваша требовательность к своему творчеству и взыскательность. Ваше слово самобытно, неповторимо. Нас восхищают в Ваших творениях высокая правда искусства, полнокровное изображение народной жизни и народных характеров.

Пламенное слово Шолохова-публициста и художника-коммуниста не раз звучало с трибуны партийных съездов, со страниц газеты «Правда». Вот уже много десятилетий Вы неустанно ведете большую общественную деятельность, будучи членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР всех созывов, секретарем правления Союза писателей СССР. К Вашему голосу, голосу писателя-гуманиста, прислушивается широкая мировая общественность, заинтересованная в установлении взаимопонимания между народами, мира во всем мире.

Еще раз горячо приветствуем Вас — народного писателя, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, Нобелевской премии, академика, по-братски обнимаем, желаем крепкого здоровья и дальнейших творческих достижений!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛИДИЯ КЕДИВА— КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ

На Доске почета [illegible] опытного завода «Электроприбор» [illegible] работницы Лидии Кедивой. [illegible] проработав на заводе, она своим [illegible] в труде и [illegible] деятельности заслужила [illegible] коммунистического труда. Л. Кедива была [illegible] награждена знаком «Победитель социалистического соревнования». Коллектив предприятия выдвинул Лидию Петровну кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по [illegible] избирательному округу Москвы. [illegible] товарищи по работе тепло поздравляют [illegible] со знаменательным событием в ее жизни.

Фото А. ХРУПОВА и А. ГУЩИНА

НА ГРЕБНЕ ВЕКА

Много могучих усилий стоит народу явить миру великого художника слова. Он рождается в недрах народа, в его муках и радостях, в его яростных и добрых побуждениях, в его исторических потрясениях. Он рождается эпохой и сам становится выразителем идей и устремлений своей эпохи. Он рождается в многотрудной и нескончаемой борьбе человека, в познании себя и окружающего мира. Он вбирает в свое творчество все, что присуще человеку: от крика младенца до вершин подлинного мирообъемлющего разума, с тем чтобы снова и снова, потрясая человеческие сердца, в который раз вместе со своими предшественниками воспевать людскую жизнь во всей ее сложности и красоте. Так приходили в мировую литературу Сервантес, Гете, Пушкин, Толстой. Так пришел в мировую литературу на гребне XX века в обновленной Октябрьской революцией России наш современник Михаил Шолохов.

Мы выделяем сегодня его имя с полным на то правом и основанием, с великой гордостью за нашу культуру, явившую миру гениального советского писателя.

Грозы революции и раскаты гигантских сражений Великой Отечественной войны, муки социальных преобразований и трудные плоды первых побед человека, шагнувшего в новую жизнь. Все, что прошумело над головой человека в XX веке, все, что он сумел и достиг, утверждая социализм, — все это нашло свое глубокое, реалистическое, подлинно художественное воплощение в творениях Шолохова. И все это нашло свое неповторимое, личностное выражение в живых, полнокровных, незабываемых шолоховских образах.

На его творениях лежит печать истории, печать высокого духа и печать земли. Это редкостное сочетание. В этом уникальность Шолохова, в этом величие Шолохова.

Вот уже более полувека минуло с тех пор, как появились в печати первые произведения Шолохова, столько воды утекло с тех пор в тихом Доне. И автору уже 70 лет. А на шолоховских страницах все с той же могучей силой возгораются зарницы и рассветы! Зарницы и рассветы!

Чингиз АЙТМАТОВ

С 14 по 20 мая в городе-герое Волгограде, на земле, где гремело одно из самых грандиозных сражений второй мировой войны, проходил Первый международный кинофестиваль антифашистского фильма.

Большое политическое значение фестиваля, состоявшегося в дни празднования 30-летия Победы над фашизмом, отметили открывшие смотр председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш и секретарь правления Союза кинематографистов СССР А. В. Караганов.

Более 70 фильмов, созданных советскими кинематографистами, кинодеятелями стран социализма и прогрессивными режиссерами Запада, было представлено в Волгограде. Фестивальный экран вместил многое из того волнующего, что дал кинематограф мира более чем за 30 лет. Шли фильмы, в которых отразилась история антифашистской борьбы от «Радуги» М. Донского, от итальянского фильма «Рим — открытый город» до премьеры 1975 года — фильма «Они сражались за Родину» С. Бондарчука по роману М. Шолохова, который был показан в день торжественного открытия.

Кинематографисты почти 30 стран мира приняли участие в работе фестиваля. Разнообразны мероприятия, в которых участвовали советские и зарубежные мастера экрана. Они встречались со зрителями на заводах и фабриках, знакомились с прошлым и настоящим города-героя. Волгоградцы горячо приветствовали ветеранов антифашистского движения. Состоялось возложение венков у Вечного огня.

Была проведена творческая дискуссия «Антифашистская тема в мировом киноискусстве».

Вчера, 20 мая, Волгоградский фестиваль антифашистского фильма закончил свою работу.

Корреспонденты «ЛГ» попросили поделиться впечатлениями от фестиваля известных кинематографистов Марка Донского (СССР) и Джузеппе Де Сантиса (Италия).

ФИЛЬМЫ СРАЖАЮТСЯ...

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ АНТИФАШИСТСКОГО ФИЛЬМА В ВОЛГОГРАДЕ

Марк ДОНСКОЙ:

— Трудно переоценить значение этого фестиваля. Его фильмы сейчас, в дни празднования 30-летия Победы над фашизмом, зримо напомнили молодым поколениям о том, какой ценой добыты мир и свобода народов. Сейчас, когда наша страна неуклонно осуществляет Программу мира, выдвинутую XXIV съездом КПСС, мы должны продолжать борьбу своим оружием — кинокамерой.

Я считаю, что подобные фестивали должны стать традиционными и их надо проводить регулярно в городах-героях нашей страны, в тех городах Европы, которые особенно пострадали от фашистского нашествия. В память о прошлом и в назидание будущему.

Джузеппе Де САНТИС:

— Фильмы о войне — это не только воспоминания, не только историческая оценка фашизма, вынесенная прогрессивным человечеством. Это предостережение против угрозы возрождения «коричневой чумы».

Фестиваль антифашистского фильма, который проходил в Волгограде, в героическом городе, известном каждому человеку в мире, показал нам, как много создано значительных лент, как плодотворен труд их создателей — постановщиков, сценаристов, актеров.

Наша борьба с фашизмом — а он многолик — не завершена. Вся накопленная человечеством культура (в том числе и кинематограф!) — это огромная сила в борьбе за торжество прогрессивных идей. У кинематографистов, выступающих в защиту этих идей, есть могучее оружие — их искусство. Мы, художники кино, должны вновь и вновь обращаться к теме борьбы с фашизмом.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ДРУЗЕЙ

В связи с праздником Победы в Союз писателей СССР поступили приветствия от союзов писателей социалистических стран. «...В годы Великой Отечественной войны, — говорится, в частности, в приветствии правления Союза монгольских писателей, — монгольские писатели вместе со своим народом оказывали посильную помощь советскому народу и воспевали его боевые заслуги».

В приветствии правления СП ГДР подчеркивается, что «благодаря освобождению немецкого народа от фашизма была создана основа для тесной и нерушимой дружбы между нашими государствами и народами, между писателями СССР и ГДР». Николас Гильен от имени Союза писателей и деятелей культуры Кубы пишет, что «единство всех народов в борьбе открывает широкий путь к победе социализма и коммунизма». Чехословацкий комитет союзов писателей также прислал приветственную телеграмму с поздравлениями.

Правление Союза писателей СССР направило ответные телеграммы братским союзам писателей со словами благодарности за поздравления в связи с Днем Победы.

ХУДОЖНИК-КОММУНИСТ

«...Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества».

О том, что Михаилу Александровичу Шолохову удалось выполнить эту поставленную перед собой задачу, свидетельствует всемирное признание его произведений.

Эпические полотна Шолохова неразрывно связаны с подлинной жизнью — не бесстрастно фиксируют ее, а становятся как бы ее составной частью. Художник социалистического реализма, Шолохов явил своим творчеством пример безграничных возможностей этого метода.

Я узнал Шолохова еще совсем молодым и с первой встречи ощутил необыкновенную власть его незаурядной личности — слушая, как он читает свои новые произведения, я растворялся в созданном им мире. Каждая новая встреча с Шолоховым — на фронтах Великой Отечественной, в редакции «Правды» и позже в Вешенской — запечатлелась в памяти на всю жизнь. Наш народ ценит и любит Шолохова не только как выдающегося мастера, но и как коммуниста, активного общественного деятеля, борца за мир.

Шолохову исполняется 70 лет в годовщину празднования 30-летия Победы над фашистской Германией. В грозные военные годы герои романа «Они сражались за Родину» становились в ряды живых бойцов, плечом к плечу со всем советским народом, неотделимые от него. А судьба Андрея Соколова, прошедшего все земные испытания, но не утратившего права именоваться Человеком, будет потрясать сердца все новых и новых читателей, раскрывая одну из «тайн» непобедимости советского народа.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ЛЮБЛЮ И ВЕРЮ

С тех пор как я и сам написал первый рассказ, я стал словно бы иными глазами читать книги других писателей. Не сравнивая их со своими работами, не бахвалясь, хотя бы перед самим собою, своим умением, боже упаси, нет, а просто — читать с тем чувством увлеченности, с каким, вероятно, разглядывал под изобретенным им микроскопом живой шевелящийся мир Левенгук.

Иначе говоря, сам приобщившись к литературному делу, я перестал быть только читателем, а наряду с этим превратился в дотошного исследователя, целью которого стало разгадать с профессиональной стороны, как написана лежащая перед ним книга. И нередко ловил себя на мысли, что временами даже не очень-то и вникаю в ее содержание, не поддаюсь охватывающему меня волнению, следя за драматизмом событий, за судьбами ее героев, а главным образом как бы высматриваю, так сказать, нитки, которыми книга сшита.

Однако далеко не все книги от первой и до последней страницы оставались мертво лежать под холодными линзами моего «микроскопа». Поле зрения вдруг стремительно раздвигалось, полностью исчезало ощущение искусственности того, что я делаю, и я, забыв обо всем на свете, сам тут же оказывался соучастником жизни книжных героев. И для меня тогда уже не имело значения, как «сделана книга», передо мною развертывалась подлинная Жизнь во всей своей не зависящей от воли писателя изначальности.

Так, в частности, вошли в мой ум, в мое сердце, в мое творческое сознание и книги Михаила Александровича Шолохова. В моем представлении они не написаны, а созданы. Таинственной силой, неведомо как. И я не хочу вскрывать их скальпелем, пытаясь обнаружить расположение питающих живую плоть кровеносных сосудов. Я их, то есть книги Шолохова, то есть Шолохова, люблю. Просто — люблю. А любить — всегда значит и верить. Верю Шолохову. Человеку, мыслителю, художнику.

И это — хотя я и не знаю, как, каким образом — естественно и желанно сказывается на моем внутреннем видении мира, на моем понимании общественной роли писателя в мире.

Сергей САРТАКОВ

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

В минувшее воскресенье в Колонном зале Дома союзов состоялся творческий вечер поэта Роберта Рождественского.

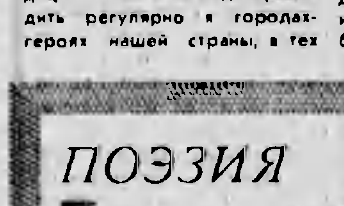
Вечер начался песней О. Фельцмана на слова Р. Рождественского «Так будет!», которую исполнил Академический большой хор Всесоюзного радио и телевидения и эстрадно-симфонический оркестр под управлением Ю. Силантьева.

Затем прозвучали песни, написанные поэтом совместно с композиторами М. Фрадкиным, А. Пахмутовой, Е. Птичкиным, В. Шаинским, А. Бабаджаняном, А. Флярковским, М. Таривердиевым, П. Бюль-Бюль оглы и другими. В большой программе были исполнены не только известные, давно полюбившиеся слушателям песни, но и новые.

В вечере приняли участие ленинградский вокально-инструментальный ансамбль «Дружба» под управлением А. Броневицкого, большой детский хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио, певцы А. Абдалова, О. Воронец, М. Кристалинская, Э. Пьеха, С. Захаров, И. Кобзон, Л. Лещенко, М. Магомаев.

Р. Рождественский прочитал свои стихи.

ПОЭЗИЯ



НОВЫЕ СТИХИ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ.

ЧИТАЯ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

стр. 7

ПРИРОДА И МЫ

ЛЕС: КЛАДОВАЯ ИЛИ МАСТЕРСКАЯ!

Отклики читателей на статьи писателя Олега ВОЛКОВА и министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. ТИМОФЕЕВА

стр. 10

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ — 70 ЛЕТ

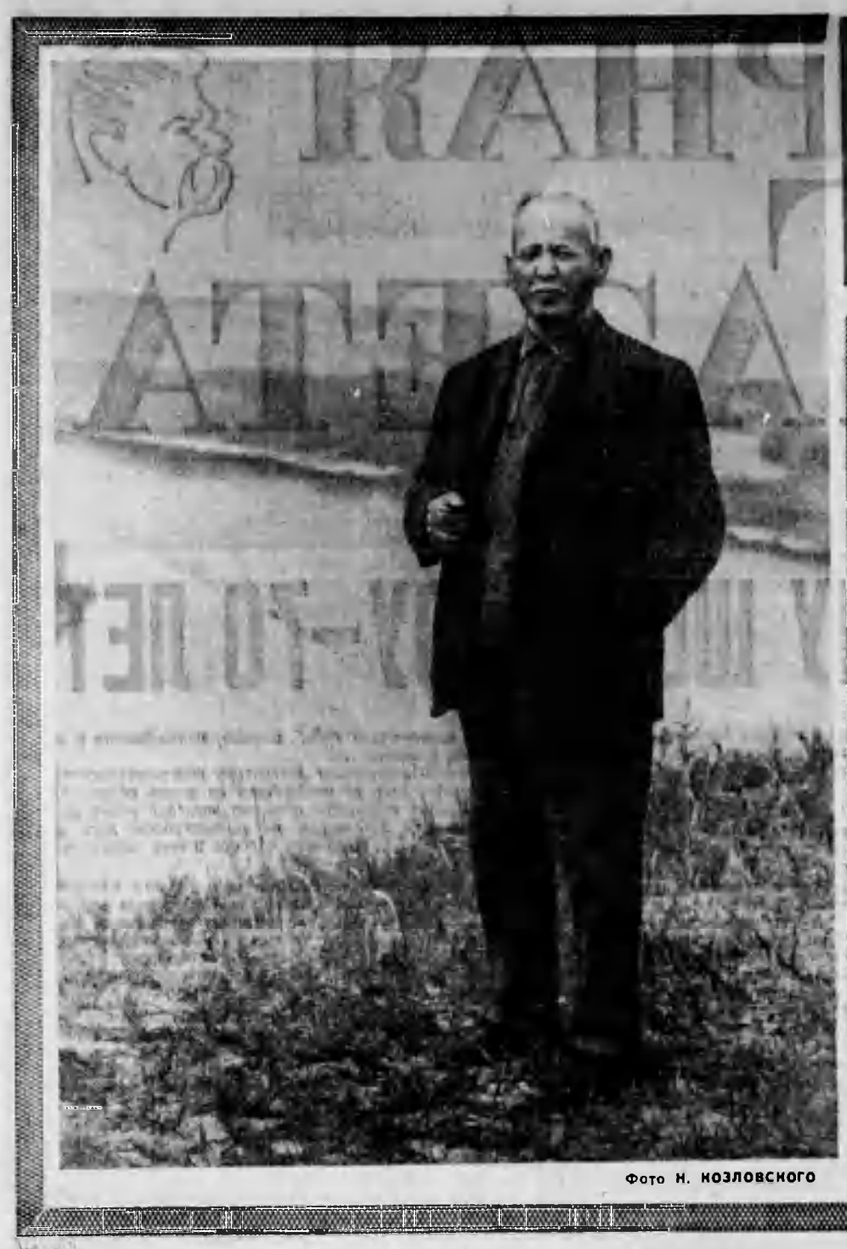


Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

А. МЕТЧЕНКО

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

ТВОРЧЕСТВО Шолохова, как и все великое в искусстве, поражает своей неисчерпаемостью. Десятки раз возвращаешься к его произведениям и всегда открываешь в них что-то новое, неожиданное. Между тем «убедительность прозы Михаила Шолохова — по верному замечанию Ярослава Ивашкевича — заключается прежде всего в ее прозрачности». Загадка шолоховского феномена — это загадка родника, бьющего из земных глубин. На ее «разгадывании» растут и наша литература, и наша творческая мысль. Произведения Шолохова заставляют нас глубже, вдумчивее относиться и к самой жизни, и к постижению ее в искусстве.

Когда в 30-е годы делались первые попытки подытожить реальные достижения социалистического реализма, критика еще не знала, куда отнести «Тихий Дон». В наши дни уже и за рубежом можно услышать призывы судить о социалистическом реализме по таким его шедеврам, как «Тихий Дон». Не мудрено, что в это же время противники советской литературы, понимая силу такого аргумента, настойчиво пытаются вывести гениальную шолоховскую эпопею за пределы социалистического реализма. Нет нужды доказывать, что признание «Тихого Дона» классическим образцом искусства социалистического реализма было вызвано отнюдь не тяжбой с «советологами», а всем ходом развития советской литературы и нашей литературной критики, призванных на новом этапе решать большие проблемы усложнившейся действительности.

Творчество Шолохова, демонстрируя безграничные возможности социалистического реализма, в то же время показало несостоятельность любой — как вольной, так и непредусмотренной — попытки сузить, ограничить, догматизировать основные творческие принципы этого метода. Подкупающая правдивость художественного мира писателя, прозрачность и завораживающая действенность его образной речи потому и оборачиваются неисчерпаемой глубиной и сложностью, что творчество Шолохова — это «сгусток самой жизни», как сказал о нем Хо Ши Мин. Но это определение, выдвигающее на первый план верность жизни, одновременно означает и величайшую способность художника творчески преображать жизнь, способность превращать в великое, бессмертное, общечеловеческое то, что многим казалось обычным, неприметным, даже заурядным.

Всемирное признание творчества Шолохова убеждает, что человечество ждет от искусства прежде всего высокой, полной жизненной правды, страстного и прямого разговора о жгучих проблемах современности, волнующих сотни миллионов людей. Не случайно в мировой процесс с творчеством Шолохова так прочно ассоциируется слово «правда». «Он показывал читателям одну только правду» (Алан Маршалл, Австралия). Главный герой Шолохова — «сама правда» (Мартти Ларни, Финляндия). «Проникновенный реализм Шолохова» зиждется, по убеждению Ярослава Ивашкевича, на «гармонии слова с правдой человеческого переживания и с правдой картин природы». Сам же Шолохов требует от искусства еще большего: «...писать правду нелегко, но этим не ограничивается писательское предназначение». Важна истина.

Разумеется, реализм Шолохова — как и любого отдельно взятого писателя — не исчерпывает всех возможностей социалистического реализма. Но вряд ли подлежит сомнению то, что избранное художником направление творческих усилий на поиски гармонии слова с истиной наиболее плодотворное. Это в равной мере признают как писатели, считающие Шолохова своим «университетом», так и те, которые хотя и восхищаются его творчеством, но пришли к выводу о невозможности перенять секреты шолоховской поэтики, не утрачивая при этом собственного творческого лица. Огромное положительное воздействие Шолохова на советскую литературу не ограничивается кругом писателей, считающих себя его последователями. «Особенно благотворно влияние его неистового творческого подвижничества на становление и развитие наших национальных литератур, долгую жизнь которым дала Советская власть», — пишет Алим Кешоков. Признания такого рода могут составить объемистый том. При этом отмечается прежде всего та роль, которую играет творчество Шолохова «в становлении и взрастании реалистического письма» (Чингиз Айтматов).

Все это придает особую актуальность изучению сущности и многообразия художественных принципов и форм шолоховского реализма. Первое и наиболее существенное, чем привлекает Шолохов как читателей, так и писателей, — это то, что он нашел в реализме огромные возможности, позволившие ему совершить такие блестящие открытия, какие вряд ли способен был дать любой другой метод.

Образ Григория Мелехова нарисован так объемно, так многосторонне, что продолжает жить в наши дни и уже воспринимается не только как образ заблудившегося на перепутьях истории донского казака, но и как тип эпохи. В его судьбе находят много близкого для себя все те (а это миллионы людей), кого неумолимый ход истории ставит перед необходимостью сделать выбор: капитализм или социализм, прошлое или будущее. Наша эпоха — эпоха обострения борьбы за Мелеховых. И хотя в современных условиях, когда развитой социализм убедительно демонстрирует свои преимущества перед капитализмом, сделать выбор как будто легче, чем было Мелехову, нельзя забывать и о том, что именно сегодня миллионы людей в большей степени, чем когда-либо, подвергаются ежедневно и ежечасно изощренной идеологической обработке и дезинформации со стороны разномастных противников социализма. В условиях всемирной популярности шолоховской эпопеи особенно бросаются в глаза неточность, ограниченность подхода к образу Мелехова как к образу отщепенца, морально деградирующего человека, которого ждет якобы неизбежная гибель. Это противоречит отношению к нему самого автора и большинства читателей. Шолохов учит мудрому соединению политической проницательности и принципиальности с гуманностью и чуткостью.

КОГДА мы говорим о вкладе Шолохова в искусство социалистического реализма, нас в равной степени должно интересовать как то, что роднит автора «Тихого Дона» с другими представителями этого творческого направления (так сказать, типологическое), так и то, что несет на себе печать авторской индивидуальности писателя. Без учета последнего сам творческий метод легко превратить в несколько застывших догм. Именно это личное, «шолоховское» (как и «горьковское», «леоновское»...) зиждется на прочном фундаменте общего и представляет особую ценность.

В «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека» — при всем различии их содержания и жанровых признаков — бросается в глаза один общий конструктивный момент: стремление слить воедино предельно конкретное, единичное с общим, всемирным, вернее — показать конкретное как органическую часть всемирного.

Известно, что в «Поднятой целине» предполагалось рассказать о том, как проводилась коллективизация в нескольких станицах, но вскоре действие было сосредоточено в Гремячем Логе. И здесь, как тонко подметил Вас. Федоров, через Макара Нагульнова с его идеей мировой революции, изучающего ради нее английский язык, и бывшего есаула Половцева, готовящегося по указке из-за рубежа поднять мятеж против Советской власти, происходящее как бы проецируется на мировой экран.

Наиболее выразительно этот принцип слияния предельно конкретного со всемирным, общечеловеческим реализован в «Судьбе человека». Образ двух песчинок, поднятых невиданной силы военным ураганом, казалось бы, усиливает мотив человеческого одиночества и бессилия перед стихией мирового зла (так истолкован был рассказ некоторыми недальновидными литераторами). Сосредоточив внимание на бедствиях Соколова, хлебнувшего горя «по самые ноздри», Шолохов меньше всего хотел бередить незажившие раны. Всем острием своим рассказ был направлен против усердно распространявшейся на Западе идеи «отчуждения», объективно воспитывавшей примирение со злом, непротивление злу. Пафос «Судьбы человека» — в неистребимости человеческого, в утверждении, что как ни огромны нанесенные фашизмом, этим воплощением мирового зла, ущерб и страдания, человек находит в себе силы к возрождению. Ибо силы ему дает пробудившаяся в условиях социализма человеческая гордость.

Реализм Шолохова неотделим от его гуманизма. Гуманизм — один из источников всесилия шолоховского реализма. В гуманизме и оптимизме «Тихого Дона» видят пафос романа многие наши зарубежные друзья.

Творчество Шолохова не только обогащает наше восприятие и осмысление жизни, но уточняет, делает более гибкой и нашу эстетическую мысль. Что греха таить, даже принципы социалистического реализма — партийность, народность, гуманизм — еще нередко истолковываются как застывшие в своем содержании и чуть ли не изолированные друг от друга критерии. У Шолохова же это взаимосвязанное, целостное единство: одно не существует без другого, одно усиливает другое. Он органически, разумом и сердцем, принял ленинский принцип партийности как творческий принцип, способный поднять народность, гуманизм, реализм на уровень требований XX века.

Художественный мир Шолохова покоряет, по выражению австралийской писательницы Катарины Сусанны Причард, «мудрым проникновением в людские души и дела». И это, несомненно, одна из сильных сторон его творчества. Но и дела, и души людей у Шолохова всегда находятся в сложных связях и отношениях с историческим процессом. При этом, как неоднократно отмечалось у нас и за рубежом, внимание писателя сосредоточено на узловых, переломных этапах истории. Художник не боится проникать в сложнейшие лабиринты исторического процесса. И там, где буржуазное сознание способно увидеть лишь хаос, случайность, впасть в безысходное отчаяние либо обратиться к мифотворчеству, Шолохов, руководствуясь принципом партийности, находит в переплетении случайностей закономерность победы прогресса. Это обусловило бесстрашное реалистическое решение остротрагедийных коллизий в «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека».

Шолохов не оспаривает права писателя на известную долю романтизации того хорошего, что есть в рядовых людях, созидателях и воинах. Но он ставит перед собой самую трудную задачу: заставить читателя полюбить своих героев, несмотря на то, что каждому из них присущ какой-либо человеческий недостаток, обусловленный временем, средой, обстоятельствами. «Кровью и потом» завоевывая победу, они не могли быть иными. Но и такие, как есть, они таят в себе огромный потенциал интеллектуальных и нравственных сил. «На коленях большевики ни перед кем не стояли и никогда стоять не будут, факт!» — это слова Давыдова. И такое же чувство человеческого достоинства видим мы в поведении беспартийного Соколова. Шолохов учит нас глубже, шире подходить к человеку, утверждая своими произведениями неисчерпаемость людских возможностей.

Поразительно умение Шолохова открывать в своем герое, сохраняя единство образа, все новые и новые качества. Способность человека к проявлению всего лучшего, что есть в тайниках его натуры, способность к возрождению и обновлению особенно дорога писателю, характеризует его отношение к народу. Ибо человек у него не человек вообще, а прежде всего частица народа.

Перед героем, которого писатель любит или которому сочувствует, всегда открываются простор. Он, этот герой, может вызвать слезы сострадания, но не может превратиться в жалкое, ничтожное существо. Он никогда не выглядит и не чувствует себя «маленьким человеком». Творчество Шолохова в наши дни — самый убедительный и неотразимый удар по концепциям элитарности, технократизма, «массовой культуры».

Безмерна наша благодарность волшебнику слова, так щедро одаряющего нас жемчужинами своего мудрого, сердечного таланта, укрепляющего веру в человека труда и тем самым содействующего единению трудящегося человечества.

Ян КОЗАК,
председатель Союза чешских писателей

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ ИСТОРИИ

Я был еще ребенком, когда впервые увидел в витрине книжного магазина книгу, на которой большими буквами было написано «Тихий Дон». Позднее я прочел этот роман, и он навсегда вошел в мою жизнь. Это не просто фраза. Герои шолоховских книг своей убежденностью в борьбе за добро и правду, за настоящую жизнь и счастье были со мной всегда. Живое дыхание революции, встающее со страниц произведений Шолохова, грандиозный пафос в битве за идеи Октября потрясли меня, определив мою судьбу писателя.

При чтении «Тихого Дона» и «Поднятой целины» я глубоко осознал, какой силой способна обладать книга, каким оружием она может стать в переустройстве общества.

Ваши герои, дорогой Михаил Александрович, поднимали свой страстный голос вместе с нами, подтверждая нашу правду. Я желал бы, чтобы вы увидели сегодняшний день нашего села, и уверен, что вы гордились бы тем вкладом, который внесли в строительство новой чехословацкой деревни ваши книги. Ваши книги, ваши герои помогали нам на нашем пути к социализму. Разве может быть для художника более прекрасная миссия!

Шолохов показал силу убежденности социалистической литературы, способствующей созиданию социализма.

Иштван ШИМОН,
заместитель генерального секретаря Союза писателей ВНР

КРАСОТА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

В Венгрии тяга к книгам Шолохова была велика всегда, даже в условиях фашистского террора. Огромное, потрясающее влияние оказывала «Поднятая целина». Могу смело сказать — по крайней мере о себе — это самое запоминающееся впечатление, связанное с советской литературой.

Каждая страница «Поднятой целины» пленяла, доставляла истинно художественное наслаждение. Достоверным было каждое слово. Такой же была и исторически новая идея романа. В «Поднятой целине» донские казаки во время борьбы с кулаками, постепенно побеждая свое прежнее «я», организуют колхоз. Давыдов, Нагульнов или Разметнов представляют Советскую власть и как положительные герои символизируют новое. Это новое мы чувствуем повсюду в романе. Шолохов помещает человека в ураган истории. Его роман утверждает социалистический гуманизм.

«Поднятая целина» — классическое произведение мирового значения.

Чарльз СНОУ, английский писатель

«ТИХИЙ ДОН» — ВЕЛИКИЙ РОМАН

ПЕРВАЯ часть «Тихого Дона» была опубликована в Англии вскоре после того, как она вышла в Советском Союзе. У нас она появилась под названием «And Quiet Flows the Don» («А Дон тихо течет»), и в странах английского языка так называют с тех пор весь роман. Наименование это слишком цветистое, в нем нет благородства, заключенного в русском названии. Однако перевод самого текста романа, выполненный Стефеном Гарри, безусловно, хорош; он был использован во всех последующих изданиях. В нем встречаются иной раз английские выражения, которые сегодня звучат несколько неуклюже и старомодно, но в целом он с такой естественностью передает авторский стиль, в высшей степени характерный, яркий, эмоциональный и колоритный, что кажется, будто книга никак иначе и не могла быть написана. Так и только так — вот формула, определяющая великое творение искусства.

Вероятно, справедливо будет сказать, что «Тихий Дон» потерял в переводе меньше других великих произведений русской литературы. И, вероятно, английский перевод не уступает переводам на другие языки.

Книга с самого начала имела громадный успех. Все мы тогда же ее прочли. Она дошла до широчайшего круга читателей. Так было повсюду на Западе. Многим из нас она казалась не только первым великим романом, написанным в советское время, но и великим романом вообще, по любым стандартам. Это впечатление и теперь, спустя много лет, не изменилось.

У критики книга нашла самое теплое безоговорочное признание, на какое только может рассчитывать современный роман.

«Тихий Дон» живет своей собственной жизнью. Конечно, не иностранцу предсказывать, какие именно русские произведения навсегда останутся в разряде классических, но если эта книга не окажется в их числе, душе моей не знать покоя. В Англии с момента ее выхода в свет она никогда не исчезала из продажи, переиздаваясь вновь и вновь. Если вы зайдете сегодня в любой порядочный книжный магазин в Англии, вы найдете ее в очень привлекательном пингвиновском издании. «Пингвин» — наша самая известная издательская фирма, выпускающая так называемые «paperbacks» — маленькие компактные томики, которые теперь имеют глянцевитую иллюстрированную обложку. Весь «Тихий Дон» уместился в двух толстых книжках небольшого формата; дата последнего переиздания — 1974 год.

«Тихий Дон» — великий роман, но при всей легкости и блеске его внешней оболочки это роман загадочный и трудный. На первый взгляд речь в нем идет о растерянности простых людей — людей из плоти и крови, обуреваемых страстями, живущих в конкретное историческое время, в период конкретного всемирного потрясения. Однако, если бы содержание книги этим исчерпывалось, ее не читали бы сегодня молодые люди за рубежом, для которых тогдашняя борьба — если они вообще о ней что-либо знают — есть всего лишь глава в учебнике истории.

Если не ограничиваться одной лишь внешней стороной, то окажется, что роман сообщает нам нечто, имеющее всеобщее значение, хотя что именно, мы не можем с уверенностью сказать. Повествование представляется — опять-таки на первый взгляд — объективным. Здесь нет толстовских личных высказываний и философских комментариев, которые играют столь важную роль в «Войне и мире», независимо от того, согласны вы с ними или нет, и вносят в текст новые интонации.

Однако под внешней оболочкой «Тихого Дона» скрыто страстное субъективное восприятие жизни. Трагическое восприятие жизни. Я написал эти слова сознательно. Как у нас говорит, иной раз игру яснее видит тот, кто следит за ней со стороны. Великолепная концовка произведения — одна из сильнейших в мировой литературе трактовка темы смерти. Почти все людские жизни, описывавшиеся на страницах этого романа, теперь уже мертвы. Смерть — это неизбежный факт, с которым не поспоришь. Никому из них не помогла их поразительная жизненная сила. Последнее звено, связующее Мелехова с жизнью, — его маленький сын. Это все, что соединяет его с будущим. Он может надеяться, что его ребенок будет жить лучше в лучше устроенном мире. Его же самого ждет конец.

Это звучит гораздо более жестко, чем, например, окончание «Войны и мира» или «Братьев Карамазовых». Только писатель, питающий суровое уважение к истине, мог избрать такую концовку. И, как это ни странно, она рождает у нас ощущение духовного подъема.

Последний том «Тихого Дона» вышел в свет в 1940 году, когда Шолохову было 35 лет: он был принят с таким же восторгом и нашел столь же широкого читателя, что и первая книга. Следует помнить, что Шолохов приобрел мировую славу спустя всего несколько месяцев по выходе первой части романа. Это случай необычный, но не небывалый. На Западе можно привести несколько сходных примеров. Пожалуй, наиболее известный среди них — это Диккенс. Когда он начал печатать частями свои «Записки Пиквикского клуба», ему было 24 года, то есть даже меньше, чем Шолохову в 1930 году, и за какие-нибудь несколько недель он стал в Англии фигурой национального масштаба.

Некоторые писатели словно бы родятся «готовыми», им остается лишь вырасти, чтобы сказать то, что они имеют сказать. Одни писатели обретают зрелость в одном, другие — в другом возрасте, и менее везучие завидуют тем немногим, которые уже в молодости добились большого успеха.

Впрочем, не такое уж это безусловное благо. Если в двадцать лет с небольшим вы удостаиваетесь всех наград, коими литература способна вас одарить, у вас вполне может закружиться голова. Так было с Диккенсом, хотя он был человек чрезвычайно самоуверенный. Как говорят английские спортсмены, достигшие в своем деле абсолютной вершины, оттуда путь только один — вниз. Для писателя вторая книга становится тяжким испытанием. Но «Тихий Дон» можно рассматривать как четыре полноценных романа.

Второй самостоятельный роман Шолохова — «Поднятая целина» (в английском переводе «Virgin Soil Upturned») — был опубликован в Англии в промежутке между двумя первыми и двумя заключительными книгами «Тихого Дона». К нему отнеслись с уважением, и расходился он очень хорошо. Однако о нем нельзя сказать, что он так же покорил на Западе людские сердца и так же несокрушимо противостоял натиску времени, как и первый роман (впрочем, совсем недавно его выпустили вновь, тоже в приятном пингвиновском издании), хотя, на наш взгляд, многие его страницы отмечены тем же самобытным блеском, что и «Тихий Дон», а отдельные места исполнены той же волнующей душу силы.

Ну что ж, написать «Тихий Дон» — уже само по себе было достаточно великим деянием. «Поднятая целина» — еще один громадный роман. С тех пор производительность Шолохова снизилась. Подобного рода примеров также имеется великое множество, особенно среди писателей, проявивших необыкновенную одаренность в молодости. Диккенс на протяжении последнего десятилетия своей жизни напечатал сравнительно мало, хотя он умер, когда ему было всего лишь 58 лет. Толстой после «Анны Карениной» написал только один роман, да и то не особенно хороший. Мы мало что знаем о процессе высшей творческой деятельности, помимо того, что он совершенно различен у различных писателей.

Мне хотелось бы добавить к сказанному и личную ноту. Думаю, что я — один из сравнительно немногих представителей Запада, лично знакомых с Шолоховым. В каждый свой приезд я Англию он бывал у меня дома. Он сидел возле моей постели, всячески стараясь меня подбодрить, когда мне предстояла отправка в больницу для глазной операции. Я имел удовольствие присутствовать при получении им почетной степени от одного из наших старейших университетов. Он был, пожалуй, первым после Тургенева русским писателем, удостоившимся подобного признания, хотя после него эта честь была оказана еще двоим или троим (в том числе Чуковскому и шекспироведу Аниксту). Я часто встречался с Шолоховым также в Советском Союзе и пользовался его щедрым гостеприимством в станице Вешенской на Дону. С тех пор, как мы прочли «Тихий Дон», прошло так много лет, и как же приятно было провести несколько летних дней в тех самых краях!

Шолохов обладает замечательным остроумием, какого я не встречал ни у кого больше, — тонким и язвительным в одно и то же время. Он наделен также редкостным чувством юмора, столь ценным во взаимоотношениях между людьми. В споре он может быть порою резок, но при этом всегда остается вежливым и тактичным: улыбаясь, он заявляет: не будем пытаться переубедить друг друга.

Он не слишком жалует любопытствующих чужаков, льстецов и подхалимов. С самой лучшей стороны он проявляет себя тогда, когда имеет дело со своими, в особенности когда те приходит к нему за советом, и вообще со всяким, будь то даже странствующий чужеземец, кто попал в настоящую беду. Не в такую беду, которую он называет салонной. Он не любит салонной литературы — по отношению к ней он нетерпим. Но когда дело касается подлинной беды, вы не обнаружите и следа нетерпимости с его стороны...

В прошлом номере «Литературной газеты» был опубликован материал В. Позднякова «Слово о старших товарищах», в котором рассказывалось об общественной и литературной деятельности писателей-депутатов — И. Шемякина, М. Гаттуева, М. Арашиной.

Сегодня на вопрос корреспондента «ЛГ» Р. Каары: «Как общественная деятельность писателя связана с его литературным творчеством?» — отвечает народный писатель Эстонии Аду Хинт, в прошлом депутат Верховного Совета ЭССР, ныне депутат Верховного Совета СССР.

— Вы спрашиваете о движущих силах моего творчества, об импульсах, дающих ему взлет и вдохновение. Могу ответить лишь односложно: жизнь. Она и дает взлет, только она. Не будь я всем своим существом связан с островом Сааремаа, не родилась бы тетрелогия «Берег ветров». Не оставался бы я по сей день членом колхоза «Сааре калур», не работал бы в свое время председателем Союза рыбаков Эстонии, не были бы написаны мои пьесы «Шхуна рыбаков Тагаранна», «Куда идешь, товарищ директор?» и другие. Изо дня в день следил я за тем, как жизнь на острове переходила в новое, социалистическое русло, изучал проблемы, возникавшие в борьбе нового со старым, изменения в мировоззрении, в психологии людей и, со своей стороны, пытался помочь им в уяснении происходящего, в преодолении встречавшихся у них трудностей.

Великую радость приносит автору возможность непосредственно откликаться на события нашей действительности. А как было в буржуазной Эстонии? Написанная мною в 1935 году антирелигиозная пьеса «Чудо» хоть и получила на конкурсе волею некоторых прогрессивно настроенных членов жюри первую премию, однако ни на сцену, ни в печать допущена не была. Ее премьера состоялась уже в советское время. И, признаться, я порадовался, что пьеса выдержала испытание временем.

Участие в жизни родной страны, родного народа, проникновение в его мысли и чувства — таково веление совести писателя-гражданина.

Чувство сопричастности к делам моих земляков и навело меня в свое время на мысль организовать своеобразные состязания между островами Кихну и Рухну. Состязания в ловкости, выдумке, профессиональной рыбацкой сноровке превратились в настоящие праздники труда и культуры. Нужно было видеть, с каким подъемом кихнусцы и рухнусцы готовились к соревнованиям, как красиво были разукрашены их флотилии, с каким рвением и азартом они состязались в рыбной ловле, в искусстве водить суда, как мерялись силами на спортивных площадках, а художественными способностями — на певческой эстраде, до чего же тщательно они убирали свои сады и украшали жилища, делали все, чтобы удовлетворить требования взыскательного жюри.

Пример оказался заразительным. Вскоре «игры» распространились на северную часть Эстонии, затем на побережье Чудского озера. В последние годы мне выпала честь быть членом жюри «игр», которые проводили колхозы, расположенные в районе озера Выртсъярв. И опять я испытываю восхищение перед красотой и творческой силой, заложенными в душе народа, где бы и как они ни проявлялись — в полеводстве или на сцене самодеятельного театра. Главным итогом подобных «игр» я считаю факт повышения самосознания тружеников села.

Как депутат, я непрестанно ощущаю всю меру ответственности и значительности возложенных на меня обязанностей. Все, что затрагивает интересы народа, людей, доверивших мне быть их представителем в высшем органе государственной власти, считаю для себя очень важным.

Я стараюсь вникнуть в дела своих избирателей, понять их каждодневные заботы и на заседаниях исполкома Совета депутатов трудящихся района Сааремаа содействовать в меру своих сил решению общерайонных проблем.

Не так давно ко мне обратился начальник Кингисеппской механизированной строительной колонны Э. Виркус. Он высказался за сооружение завода, который изготовлял бы силикатные блоки из природного сырья, имеющегося на Сааремаа. Ведь транспортировка силикатного кирпича морем требует определенных средств.

Я немедленно занялся выяснением, насколько реально и целесообразно предложение, внесенное моим избирателем. Сейчас этот вопрос находится в стадии разрешения.

Другой пример. Уже много лет жители Сааремаа испытывают неудобства от расплодившихся на острове диких кабанов. Их число явно превышает естественные нормы. Страдают и колхозные поля, и огороды. Надо принимать решительные меры, считают пришедшие ко мне на прием заведующий сельскохозяйственным отделом Кингисеппского райисполкома Х. Раннисте, а также редактор районной газеты Э. Прооссс. И опять я принимаюсь за порученное дело: консультируюсь со специалистами по охране природы, веду переговоры с Министерством лесного хозяйства и охраны природы республики, пока не добиваюсь полной ясности. Ведь речь идет о биологическом равновесии окружающей нас среды.

Я подробно рассказываю об этой деятельности из желания подчеркнуть, как много она для меня значит и насколько сильно питает работу писателя.

Где же, как не из действительности, из ежедневных проблем одного человека, одного района, республики, всей страны, рождается литература, правдиво отражающая жизнь, читаемая и почитаемая народом?

Вспомним хотя бы такие произведения наших классиков, как «Война в Махтре» и «Ходоки из Ания» Э. Вильде, пятитомную эпопею «Правда и справедливость» А.-Х. Таммсааре, повести и рассказы О. Лутса, и многие другие вещи, созданные на основе подлинного жизненного материала и освещенные высокой гражданской позицией писателя. В своем творчестве я стараюсь продолжать эту традицию.

Если в первые послевоенные годы я пытался непосредственно и в кратчайший срок откликнуться на злободневные проблемы той поры, в последующий период оценить прошлое моего народа, с марксистской позиции показать борьбу жителей острова за правду и справедливость, начиная с революционных событий 1905 года, то теперь, будучи очевидцем и в какой-то мере соучастником огромных перемен, происшедших в социально-экономической и культурной жизни моих соотечественников, хочется протянуть живую нить от минувших дней к нашему времени, дойти до истоков и питательных корней, давших сегодня столь богатые всходы. И здесь во многом помогает постоянное общение с моими односельчанами и избирателями. Вот и сейчас, работая над новым произведением, я пользуюсь сведениями, почерпнутыми из рассказов жителей острова.

В первой части книги, над которой я тружусь, события развертываются на Сааремаа в середине прошлого столетия, во время большого голода. Я показываю далее, как, преследуемые царскими карателями, многие жители Сааремаа — участники событий 1905 года — отправляются в поисках лучшей доли в далекие края, на чужбину. Но и там их ждет разочарование.

Вторая часть книги строго документальна — повествование ведется от лица очевидца, с которым мне довелось встретиться.

В 1924 году часть рыбаков уезжает из Канады в Страну Советов и создает на берегу Азовского моря коммуну. Об этом периоде рассказывает третья часть книги. Мне хочется довести повествование до наших дней, показать, как обрели островитяне социальную справедливость, право на труд и счастливую жизнь.

«Нет, не ветром песня навеяна»,— сказала эстонская поэтесса. Не ветром навеяна и проза, добавил бы я, вспоминая ранее созданное и задумываясь над тем, что мне хотелось бы написать.

15 ИЮНЯ — ДЕНЬ ВЫБОРОВ В СОВЕТЫ

Аду ХИНТ:

НЕ ВЕТРОМ ПЕСНЯ НАВЕЯНА

ДРАМАТУРГИЯ — ОСНОВА ТЕАТРА

Совместное заседание коллегии Министерства культуры СССР и секретариата правления Союза писателей СССР

СОСТОЯВШЕЕСЯ на днях объединенное заседание коллегии Министерства культуры СССР и секретариата правления Союза писателей СССР было посвящено задачам дальнейшего развития драматургии, улучшения работы по созданию нового репертуара драматических театров. С развернутыми сообщениями о сегодняшнем состоянии драматической литературы и сценического искусства выступили начальник Управления театров Министерства культуры СССР Г. Иванов и секретарь правления Союза писателей СССР А. Салынский. В обсуждении приняли участие писатели, режиссеры, критики, театроведы, представители учреждений культуры.

Было отмечено, что советская многонациональная драматургия, развиваясь в направлении, определенном историческими решениями XXIV съезда КПСС, добилась известных успехов. Советская пьеса занимает сейчас главное место на афишах театров. Репертуарно-редакционные коллегии Министерства культуры СССР и союзных министерств ежегодно рассматривают около 2 тысяч новых пьес.

Управления театров и писательские организации систематически ведут большую и разнообразную работу, направленную к улучшению положения в современной драматической литературе. Одной из форм этой работы является практика государственных заказов на пьесы.

Проводятся тематические конкурсы. Так, к примеру, в апреле 1974 года были подведены итоги конкурса на лучшую пьесу о рабочем классе. Недавно завершен конкурс к 30-летию Победы над фашистской Германией.

Семинары драматургов (всесоюзные, кустовые, республиканские) способствуют выявлению молодых творческих сил.

Важным аспектом деятельности репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры СССР являются отбор и перевод на русский язык произведений драматургов союзных республик.

Можно с удовлетворением отметить, что за последнее время создан ряд талантливых произведений, посвященных теме рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции. В них нашли свое отражение примечательные черты характера нашего современника, важные общественно-политические проблемы, вопросы коммунистического строительства, НТР, борьбы за мир во всем мире. Пьесы эти широко вошли в репертуар драматических театров.

За последние годы в активную деятельность по формированию репертуара театров включилась группа молодых писателей, в том числе Г. Бокарев, Н. Анкилов, М. Рощин, Э. Володарский, Р. и М. Ибрагимбековы. Пришли в драматургию писатели-прозаики, поэты.

Все это свидетельство значительных успехов современной драматической литературы и театрального искусства.

— ВОПРОСЫ, которые обсуждаются на совместном заседании коллегии и секретариата Союза писателей, — сказал Г. Иванов, — чрезвычайно важны. Речь идет о театре в современных условиях, о его особом месте в системе других видов и жанров искусства, в системе идеологической работы нашей партии. В нашей стране — большая театральная сеть, насчитывающая 561 творческий коллектив разных жанров, спектакли которых смотрят ежегодно более 110 миллионов человек. За последние десять лет у нас в стране возникло свыше 70 новых театров, 11 высших театральных учебных заведений готовят актерские, режиссерские, театроведческие кадры.

В настоящее время театр выполняет свои функции, находясь в достаточно сложном и разнообразном окружении других зрелищных искусств, в постоянном соревновании с кинематографом, телевидением. Это диктует позицию театра в создании репертуара, в уровне воплощения спектаклей.

Мы вправе говорить о все возрастающей роли драматургии в сценическом искусстве. Пьеса советских драматургов составляет основу текущего репертуара. А текущий репертуар — это около 3 тысяч спектаклей, которые в течение года показываются примерно 170 тысяч раз!

Мне кажется, что сегодня можно говорить о том, что существующая система создания репертуара себя оправдывает. Репертуарно-редакционными коллегиями накоплен большой положительный опыт работы.

— Однако, — продолжал Г. Иванов, — есть вопросы, от решения которых во многом зависит дальнейшее развитие драматургии и театра. Речь идет, в частности, о совершенствовании структуры, организации творческого процесса в театре. Необходимо создать коллегии при главном режиссере, одной из забот которых было бы определение репертуара, привлечение драматургов. Это и повышение роли художественных советов. Укрепление литературных частей. Не менее существенна задача утверждения произведения драматургии как литературного произведения — в журналах, альманахах, специальных сборниках.

— МЫ ОТЧЕТЛИВО представляем и успехи драматургии и театра, и недостатки нашей творческой работы, — говорил А. Салынский.— Главная задача, конечно же, — в создании крупного характера современника, строителя коммунистического общества. Отсюда проблема совершенствования мастерства драматургов. Жизнь дает нам богатейший материал. Отбор материала, разработка гражданственно острого конфликта пьесы — первостепенные элементы мастерства.

Рост мастерства драматического писателя во многом определяется его связью с театром. Сейчас эта связь затруднена. Автор фактически не имеет возможности улучшать свою пьесу в репетиционной работе с артистами и режиссером. Такое положение нельзя назвать нормальным. Пьесы Н. Погодина, К. Тренева, В. Вишневского, А. Корнейчука дорабатывались авторами в живой, непосредственной связи с театрами.

Наши театры — с их высокопрофессиональными коллективами, квалифицированным художественным руководством, партийной организацией — должны снова стать подлинно творческой лабораторией современной пьесы.

Драматургия, по выражению Белинского, венец поэзии, далеко не всегда рассматривается в издательствах как полноправное звено литературы. Издание пьес в журналах, отдельными книгами, в антологиях, в собраниях сочинений должно стать нормой издательской и журнальной практики. Статьи критиков и теоретиков драматургии и театра редко публикуются в литературно-художественных журналах. Слабо поставлено дело с подготовкой кадров критиков театра. Мало издается книг о творчестве драматургов, режиссеров и выдающихся артистов. Назрела необходимость возродить издание альманаха «Современная драматургия».

Лучшие пьесы писателей наших братских республик должны не только в период праздников и фестивалей, а постоянно находиться в репертуаре театров Москвы, Ленинграда, других городов России, так же как пьесы русских драматургов — в репертуаре театров союзных республик.

Забота о дальнейшем развитии драматургии и театра отвечает высшим интересам духовной жизни советского общества.

— ГОВОРЯТ, что театр — это «школа жизни», — начал свое выступление секретарь правления СП СССР С. Михалков.— С этим трудно спорить. Люди разных профессий и возрастов, называемые зрителями, ежевечерне добровольно объединяются общим желанием получить «урок жизни» со сцены театра. И первоочередная задача театра — удовлетворить запросы зрителя, в массе своей умного и взыскательного, пытливого и образованного. Однако за последнее время мы, драматурги, все чаще и чаще слышим нарекания в наш адрес. Спектакли, эти «уроки жизни», не часто радуют наших зрителей.

Драматург пишет для всех советских людей. Он вправе желать, чтобы его пьесу опубликовали, чтобы его пьеса шла и получила оценку прессы. В первую очередь надо пересмотреть путь прохождения пьесы от рабочего стола автора до репетиционного периода, повысить ответственность театрального коллектива во всех его звеньях.

Об инициативе и ответственности театра в работе с драматургом, о формировании репертуара говорил секретарь правления Союза писателей СССР В. Озеров.

— Мне кажется, сегодняшний разговор — свидетельство общегосударственной постановки вопроса о нынешнем положении и нынешних возможностях драматургии. Нам нужно целым рядом мер поправить положение в драматургии, прежде всего в драматургии на современную тему. Не настала ли пора руководителю театра взять на себя всю меру ответственности за репертуар, за качество спектаклей? Надо найти новые формы поощрения лучших спектаклей, лучших режиссеров, лучших авторов.

«Театр — автор» — вот центральное звено, уцепившись за которое можно вытянуть все репертуарное дело. Должен быть и какой-то общесоюзный орган, в котором были бы представлены и Министерство культуры, и Союз писателей, наблюдающий за положением дел в области репертуара, оценивающий репертуарную политику. Усиливая инициативу и ответственность реальных звеньев — театра и писателя, — создающих спектакли, мы должны помочь им целенаправленным руководством, чутким контролем, вдохновением и поощрением.

Одним из серьезнейших просчетов сегодняшней театральной практики В. Розов считает недостаточный приход в драматургию молодых сил.

— Когда у нас на глазах появляется в драматургии первый росточек, когда еще нет плодов и нет даже цветения, мы тем не менее должны обращать на него самое пристальное внимание. Здесь наша ответственность особенно высока. Мы должны почувствовать — талант это или нет. Воспитанию смены молодых литераторов может способствовать создание новых экспериментальных театров.

А. Софронов отметил, что, если рассматривать сценическое искусство как трибуну общественного мнения, многое в нашем театре вызывает тревогу. Прежде всего он коснулся вопросов переводов пьес русских писателей на языки народов СССР и переводов произведений национальных драматургов для постановки на общесоюзной сцене. Остро стоит проблема критики. Чем критика будет объективней в сравнении театральных произведений с драматургией жизни, тем больше будет пользы и для драматургии, и для жизни. Тревожит и то, что из репертуара театров, скажем, Москвы почти ушли сатирические и народные комедии.

Председатель правления ВААП Б. Панкин подчеркнул, что неотъемлемой частью рассматриваемых на заседании вопросов является круг забот, связанных с продвижением произведений советской драматургии за рубеж и использованием лучших произведений зарубежных писателей в нашей стране. С тех пор как Советский Союз присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве, возникли совершенно новые условия. За истекший период 215 советских пьес идут или ставятся за рубежом по контрактам с агентством. Однако и в нынешних условиях нужно изыскивать новые формы пропаганды лучших достижений советской драматургии.

РЯД существенных вопросов творческого и организационного порядка был затронут в выступлениях министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева, заместителей министра культуры СССР К. В. Воронкова, В. Ф. Кухарского.

Заседание коллегии прошло под знаком поисков наиболее эффективных мер, которые помогли бы дальнейшему расцвету нашей драматической литературы, появлению выдающихся произведений, раскрытию талантов.

Особенно подчеркивалось значение того, чтобы в круг литераторов, пишущих для театра, влились свежие силы. И чтоб отряд ныне работающих драматургов мог трудиться с наибольшей отдачей. А это означает необходимость поднять общественное звучание драматургии, ее художественный престиж.

Серьезные претензии высказали участники совещания к театральной критике, печатным органам, редко выступающим с глубокими аналитическими статьями по вопросам драматургии, не прослеживающим процесс формирования современного репертуара.

Одним из существенных вопросов, обсуждавшихся на заседании, было право ряда наиболее зрелых театральных коллективов самостоятельно вести работу над новыми пьесами непосредственно с авторами. Каждый театр, говорили выступавшие, призван стать подлинной лабораторией творчества. А для этого необходимо укрепление литературных частей, режиссерских коллегий, художественных советов, в которые следует привлечь драматургов, научных работников, критиков.

В театрах должна быть создана такая атмосфера, такая обстановка, которая бы позволила с наибольшей полнотой раскрыть талант драматурга, режиссера, художника.

Первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков призвал к творческому решению важнейших вопросов, поднять на совместном заседании коллегии и секретариата, что поможет дальнейшему подъему советской драматической литературы.

На заседании выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ПОЧТА РЕДАКТОРА

Уважаемая редакция!

В номере «ЛГ» за 7 мая была напечатана заметка «Танк «Владимир Маяковский», в которой сообщалось о боевой судьбе машины, построенной на личные средства замечательного советского артиста В. Н. Яхонтова, выдающегося исполнителя произведений великого поэта. Хочу дополнить этот рассказ.

Недавно в московской школе № 79, где активно работает музей-клуб В. В. Маяковского, состоялась волнующая встреча, которой предшествовала довольно длинная история, многолетний поиск. Дело в том, что после войны экипаж знаменитого танка оказался разбросанным, все потеряли следы друг друга. И вот спустя 30 лет двое из танкового экипажа увиделись вновь. И встретиться им помогли школьники, члены музея-клуба В. В. Маяковского.

Около восьми лет шел трудный поиск, прежде чем удалось установить боевой путь танка, узнать данные о членах экипажа.

...В переполненный актовый зал школы под горячие аплодисменты ребят вошел, прихрамывая, высокий широкоплечий человек, очень взволнованный и смущенным вниманием, оказанным ему. Волнение не оставляло его в течение всей встречи: и когда он слушал стихи Маяковского в исполнении юных чтецов, и когда ему рассказывали о том, как работает школьный музей, и когда было зачитано решение совета дружины о приеме его в почетные пионеры. Это был командир танка Ю. П. Латышев.

После этой встречи в музее появился новый стенд «Танк «Владимир Маяковский» в боевом строю». На одной из фотографий — весь экипаж. Во главе коротконогой шеренги — командир. Совсем еще молодой... А недавно Ю. П. Латышев увиделся со стрелком-радистом В. А. Бычковым, которого тоже разыскали ребята.

С. БОГУСЛАВСКИЙ,
директор
79-й московской школы

ЧЕЛЯБИНСК. На вечере поэзии, посвященном Международному году женщины. Автографы дают (слева направо) Т. Зумакулова, М. Алигер, Л. Татьяничева. Фото В. КРОХИНА

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

СОСТОЯЛСЯ...

...пленум правления Союза писателей Армении, рассмотревший организационные вопросы. Первым секретарем правления избран В. Петросян, вторым секретарем — Л. Мкртчян, секретарем правления — П. Зейтунцян. Пленум выразил благодарность Эд. Топчяну за многолетнюю плодотворную работу на посту первого секретаря правления СП Армении.

ПРОШЛИ...

...в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева вечер «Советские женщины в годы Великой Отечественной войны на фронте и в тылу». Председательствовали Герой Советского Союза И. Кравцова и Н. Бабенко.

■

...в связи с 70-летием со дня рождения в ЦДЛ имени А. А. Фадеева творческий вечер известного советского литературоведа и искусствоведа И. С. Зильберштейна «Путешествие в неизвестное». Вел вечер И. Андроников.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Уйгуна (Атакузиева Уйгуна) орденом Октябрьской Революции

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Уйгуна (Атакузиева Уйгуна) орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
13 мая 1975 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Антонова С. П. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Антонова Сергея Петровича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
15 мая 1975 г.

ЮБИЛЕИ

ЧЕСТВОВАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»

Литературно-художественному и общественно-политическому журналу «Новый мир» исполнилось полвека.

На днях в Колонном зале Дома союзов состоялся вечер, посвященный этой знаменательной дате.

На чествование юбиляра собрались трудящиеся промышленных предприятий и колхозов, работники газет и журналов, московские литераторы, студенты.

В президиуме — видные советские писатели, представители общественности столицы, многочисленные гости.

Вечер вступительным словом открыл секретарь правления СП СССР В. Озеров.

— За полвека своего существования, — сказал он, — журнал «Новый мир», у истоков которого стояли такие выдающиеся государственные деятели, как М. И. Калинин, Д. В. Луначарский, Н. Н. Скворцов-Степанов и другие, внес достойный вклад в развитие социалистической культуры. Все лучшее и значительное, что появлялось на его страницах, отличали художественная взыскательность, высокая идейная направленность, истинная народность.

Под аплодисменты собравшихся избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем товарищем Л. И. Брежневым.

На вечере выступил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Ясное, который огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении «Нового мира» орденом Трудового Красного Знамени и прикрепил орден к знамени журнала.

В ответном слове главный редактор журнала С. С. Наровчатов выразил горячую благодарность за высокую награду Родины, рассказал о пути, пройденном «Новым миром».

Юбиляра приветствовали бригадир плотников-бетонщиков Камского автомобильного завода Ю. И. Лазарев, бригадир овощеводов совхоза имени Моссовета Московской области Герой Социалистического Труда А. Е. Глазихина, первый секретарь Шекснинского райкома КПСС Вологодской области Д. М. Кузовлев, директор Центрального экономико-математического института АН СССР Н. П. Федоренко.

В заключение заместитель главного редактора журнала О. Смирнов зачитал телеграммы, адреса, письма, пришедшие в редакцию журнала в связи со знаменательной датой.

Участники торжественного заседания направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Алеко ШЕНГЕЛИА

Грузинская литература понесла тяжелую утрату. Скончался известный поэт и общественный деятель Алеко Шенгелия, в творчестве которого нашли яркое отображение героизм и духовные стремления советского человека. Именно поэтому первый советский космонавт Юрий Гагарин называл его в числе своих любимых поэтов.

Алеко Шенгелия родился 20 ноября 1914 года в селе Хабуме Чхороцкуского района. Первое стихотворение напечатал в 1938 году. Много лет он работал в редакциях и издательствах Грузии. Был директором Грузинского отделения Всесоюзного управления по охране авторских прав, избирался членом правления и президиума СП Грузии.

Ему принадлежит ряд сборников стихов и поэм, в числе которых — «Рассвет», «Родники в горах», «Время петь», «Современник», «Люблю», «Песня весны» и другие. Стихи А. Шенгелия переведены на русский и другие языки народов нашей страны.

Партия и правительство высоко оценили заслуги Алеко Шенгелия: он был награжден двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

Грузинские писатели и многочисленные читатели с глубокой скорбью провожают поэта в последний путь.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Секретариаты правления Союза писателей СССР, правления Союза писателей РСФСР и Якутская писательская организация с глубоким прискорбием извещают о смерти известного якутского писателя

ВАСИЛЬЕВА
Сергея Степановича

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

Секретариаты правления Союза писателей СССР и правления Союза писателей Белоруссии с глубоким прискорбием извещают о смерти известного белорусского писателя

СОБОЛЕНКО
Романа Карповича

и выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Л. Н. МАРТЫНОВУ — 70 лет

В связи с семидесятилетием со дня рождения Леонида Николаевича Мартынова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения.

Мы, Ваши товарищи, друзья, с уважением оглядываемся на пройденный Вами творческий путь, который начался более пятидесяти лет назад с Вашего сотрудничества в омских газетах, где Вы опубликовали свои первые стихи. Молодым поэтом, влюбленным в природу Сибири и Казахстана, Вы воспели ее в стихах и поэмах, рассказали читателям о замечательных людях этих краев, о народных умельцах, изобретателях.

Ваш талант раскрылся в вышедшей в 1939 году книге «Стихи и поэмы», полной высокого поэтического звучания, радостно волнующей сердца читателей, посвященной теме дружбы народов нашей страны.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время Вы создали целый ряд талантливых книг: «За Родину», «Мы придем», «Лукоморье», «Эрцинский лес», «Лирика», «Стихотворения», «Новая книга», являющихся ценным вкладом в советскую поэзию.

В последующем Вашем творчестве Вы особое внимание уделяете жанру философской лирики. Ваш поэтический двухтомник (1965 г.) зовет читателя к раздумью о высоком предназначении человека в труде и быту.

Высокую оценку читателей и литературной общественности получили Ваши книги стихов — «Первородство», удостоенная Государственной премии РСФСР имени М. Горького, и «Гиперболы», отмеченная Государственной премией СССР. За заслуги в развитии советской литературы Вы дважды награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Вы являетесь одним из крупных мастеров художественного перевода с языков народов СССР и зарубежных социалистических стран. За переводы стихов классика венгерской поэзии Петефи Вы награждены тремя орденами Венгерской Народной Республики.

От всей души желаем Вам, дорогой Леонид Николаевич, доброго здоровья и новых больших успехов в Вашем творчестве».

■

Леониду Мартынову — 70! Конечно, я знаю, что он старше меня — другое поколение, но все-таки немного странно и неожиданно. Мы живем по соседству, и я часто встречаю его, высокого, прямого, об руку с женой, милой Ниной Анатольевной, которую он называет Ниночкой. Он несет в сетке хлеб, пестрые бумажные пакеты с молоком. Он выглядит и чувствует себя очень естественно. А как же иначе? Ведь он — поэт. Ведь если внимательнее глянуть на его творчество, то нетрудно заметить, что оно при всей даже фантасмагоричности, сказочности имеет исключительно прочную, земную, человечную основу.

Мне случалось жить с ним рядом и в Крыму, в почти еще пустынном старом Коктебеле. Я поражался, как к нему, с виду замкнутому, углубленному в себя, тянутся люди, прежде всего молодежь. Как его любят дети!

Известна его страсть к камням. Не к увлажненным прозрачным морем полудрагоценным коктебельским камешкам, а к камням серьезным, крупным, несущим в себе рисунок, форму, идею. Он собирает камни в окрестностях подмосковной деревни. А в Черемушках несколько лет назад он обнаружил настоящий скифский курган. Что же касается Коктебеля, то там, на окраине, по дороге к Лягушачьей бухте работала археологическая экспедиция, производились раскопки древнегреческого поселения. Мартынов чуть свет уходил туда. Среди ученых и рабочих он был свой человек. Он вполне профессионально знал то, чем они занимаются.

Признаюсь, порой при разговоре с ним делается неловко, что ты знаешь гораздо меньше, чем он. Хотя сам он, разумеется, совершенно не стремится дать вам это почувствовать.

Удивителен его неослабевающий интерес к наукам, к искусствам, к природе, к деревне, к молодым поэтам — почти ко всему. Он очень современен — по взглядам и средствам выражения. Он исключительно доброжелателен.

Вспоминаю, с какой радостью я открыл для себя после войны, что, помимо давно любимых мною замечательных поэтов, есть еще и такой. Какие стихи! «Царь природы». Или «Сахар был сладок...», где говорится о том, как поэт сгружал с барок рафинад, а потом соль... «Сахар был сладок, и соль солона. Мы на закате осеннем вспомним про то за бутылью вина, прошлое снова оценим. Время уходит! Тоскуй, человек, воспоминаньями полон, — поздней осенью падает снег, тает, не сладок, не солон. Ну-ка, приятель, давай наливай! Тает, не сладок, не солон!»

Я почти непроизвольно переписал эти стихи длинной прозаической строкой. Потому что вспомнил «Тобольского летописца», превосходную, явно недооцененную у нас поэму, написанную с истинным размахом, историзмом, блеском, изяществом.

Вообще Сибирь в творчестве Мартынова — не только одна из основных тем, но и сама основа. Он прекрасно рассказал об этом в «Воздушных фрегатах». Да и его острый глаз и тонкий слух — качества, столь нужные сибирскому охотнику, — так же необходимы поэту. Как он чуток к оттенкам народной жизни («Сон женщины», «Балерина», «Леонардовна», «[illegible]» и многое другое).

Начал он рано, и, когда ему пошел двадцать первый год, он приехал в Ленинград («Шатался я везде, музеи посетил, и Тихонов в «Звезде» стихи мои пустил»). Но его творческая дорога не была усыпана цветами. Своеобразие, резкая непохожесть на других в искусстве довольно часто поначалу встречаются в штыки. Размеренный организм литературы, как всякий организм, пытается отторгнуть новую ткань, прежде чем сперва смириться, а затем и гордиться ею. У Мартынова есть короткие стихи о том, как к нему «привязывались пьяные», но он лишь отмахивался от них. Заканчиваются стихи словами: «Когда привязывались трезвые — вот это было пострашней». Но он сумел постоять за себя — своими стихами. Сейчас Леонид Мартынов признан безоговорочно.

И еще. Ему остро свойственно ощущение связи сердец и времен. Когда-то он написал известное:

Что такое
случилось со мною?
Говорю я с тобою одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною...

А недавно словно развил это, имея в виду художников, идущих следом:

Свои стихи
Я узнаю
В иных стихах,
что ныне пишут.
Тут все понятно: я пою,
Другие эту песню слышат.
Сливаются их голоса
С моим почти
в единый голос.
Но только вот
в чем чудеса:
Утратив молодость,
веселость,
Устав пророчить горячо,
Я говорю все глуше, тише,
И все, что только лишь еще
Хочу сказать,
от них я слышу.
Не дав и заикнуться мне,
Они уж возглашают это.
И то, что вижу я во сне,
Они вещают в час рассвета.

...От души поздравляю Вас, дорогой Леонид Николаевич!

Константин ВАНШЕНКИН

Ф. А. ПЕТРОВСКОМУ — 85 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по художественному переводу направили Федору Александровичу Петровскому приветствие:

«В день Вашего славного восьмидесятипятилетия шлем Вам, известному литературоведу, исследователю и переводчику античной литературы, одному из мастеров советской школы художественного перевода, наши сердечные поздравления.

Первый Ваш творческий опыт, опубликованный в 1917 году, положил начало Вашей многолетней плодотворной работе в области перевода и изучения литератур Древнего Рима, Греции и Византии. Как поэт-переводчик, историк литературы и научный редактор, Вы внесли большой вклад в классическую филологию.

Ваши переводы — поистине мост через тысячелетия, соединяющий современного читателя с вечно живым и молодым искусством древних мастеров.

Все свои переводческие работы Вы предваряли и предваряете детальным исследованием подлинника с целью как можно глубже вникнуть в его суть, чтобы найти в неисчерпаемых богатствах русского языка достойную оригинала силу выражения.

Своим упорным и вдохновенным трудом Вы — литератор и ученый, доктор филологических наук, отдавший три десятилетия работе в Институте мировой литературы Академии наук СССР, — заслужили признание читателей и уважение коллег. Вы постоянно оказываете бескорыстную помощь молодым исследователям и переводчикам.

Желаем Вам, наш товарищ и друг, доброго здоровья, бодрости, новых дерзаний и замечательных успехов на избранном Вами благородном поприще».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

НАМ СООБЩИЛИ...

ПАМЯТИ Б. М. КЕРБАБАЕВА

Совет Министров Туркменской ССР принял постановление об увековечении памяти народного писателя Туркменистана, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР и Туркменской ССР, академика АН республики Берды Мурадовича Кербабаева.

В доме, где жил писатель последние годы, будет открыт литературный музей. На родине писателя — в Теджене, а также в Ашхабаде решено установить бюсты писателя. Имя его присвоено одной из улиц Ашхабада. Учреждены также три стипендии имени Б. Кербабаева — для студентов Туркменского государственного университета имени А. М. Горького, Педагогического института имени В. И. Ленина и Педагогического института искусств.

АШХАБАД

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Григорий БРОВМАН

УВЕРЕННЫЕ ШАГИ

«Я ВЕСЬ содрогаюсь от напряжения творческой силы, а вы советуете мне пробовать себя на очерке. Что это — насмешка?» Эти слова одного из начинающих авторов, адресованные А. М. Горькому, невольно вспоминаются, когда речь заходит об очерке и художественной публицистике. Сейчас никто, пожалуй, не скажет, что очерковой прозе не нужна творческая сила, что это, мол, второразрядная словесность. Но скептическое отношение к деятельности очеркистов и недооценка их места и роли в развитии современной художественной литературы еще встречаются. Таким маловерам я посоветовал бы взять в руки только что вышедший первый выпуск ежегодника Союза писателей СССР «Шаги»*.

Многие из этих произведений мы читали в газетах и журналах, но когда воспринимаешь их порознь, трудно составить правильное представление о глубине, размахе и эстетическом уровне творчества мастеров этого жанра. Собранные воедино, тщательно отобранные, лучшие работы наших очеркистов и публицистов обретают новое звучание. Перед нами — коллективно воссоздаваемая история современности в самых разнообразных ее проявлениях. Известно, что именно создание «истории современности» В. И. Ленин считал «постоянным делом» публицистики, которая одновременно приносит «посильную помощь непосредственным участникам движения и героям пролетариям». Диалектически определяются тут два аспекта задачи: запечатлеть великие свершения социалистической современности и средствами своего искусства распространить опыт лучших, обличая в то же время [illegible] зла.

Богатая и сложная жизнь современного общества с его противоречиями и проблемами... И люди всех трудовых профессий с их переживаниями, мыслями, чувствами и настроением, с героическими и драматическими обстоятельствами бытия... Частицу этого мира мы и найдем в сборнике «Шаги».

Да, прежде всего — шаги! Шаги пятилеток, шаги на пути к коммунизму. Созидательная устремленность народа. Пафос труда и воспитания. Может быть, лучше всего наблюдать эти процессы на новостройках, где вступают во взаимодействие люди и новая техника. В Набережных Челнах, где воздвигается КамАЗ (Рустам Валеев «Должно же быть в жизни что-то такое...»), на строительстве Байкало-Амурской магистрали (Леонид Шинкарев «БАМ»). Или на крупнейших предприятиях, находящихся на высоком уровне научно-технического прогресса (Павел Волин «ВАЗ — это стиль»), в шахтах (Анатолий Мартынов «Горный сдвиг»), в сельскохозяйственном производстве (Гвидо Раудвер «И физики вышли на хлебное поле»). В этих очерках знание существа дела умело совмещается с «человековедческим» подходом: люди, их опыт, инициатива, личная ответственность — вот от чего зависит успех. Об этом хорошо рассказывают очеркисты. А рядом с ними способные, но еще не профессиональные литераторы, работники: слесарь-монтажник Колымской ГЭС Леонид Коновалин, Георгий Кулагин — руководитель сектора в «Гипро[illegible]», Борис Вайсберг — инженер Свердловского турбомоторного завода, Игорь Сантуряв — официант одного из московских ресторанов... Их выступления знаменательны. Это рассказы о своих товарищах, об их общем производстве, о том, что их волнует, о себе самом. На мой взгляд, составители правильно поступили, включив в ежегодник эти работы. В них бьется горячий пульс жизни.

Сборник поделен на разные тематические группы статей и очерков. Но я вижу в нем две внутренние линии. Одна посвящена людям, реальным героям сегодняшних трудовых будней. Здесь преобладает портретность, анализ индивидуального облика, психологические наблюдения. К другой линии я отнес бы публицистику проблемную, исследующую общественное сознание, гражданственность, идеалы современности и присущие ей социально-нравственные конфликты. Мое деление относительно, линии взаимодействуют и пересекаются, но для удобства разговора о сборнике хотелось бы прибегнуть к такой условной систематизации.

В «портретной галерее» ежегодника меня привлекает представленное в ней широкое разнообразие профессий, характеров, человеческих судеб. Председатель колхоза Блум у Иманта Зиедониса, молодая балерина Надя Павлова и ее педагог Людмила Сахарова у Эд. Полянского, солдат Отечественной войны, потерявший на фронте обе ноги и ставший отличным бомбардиром, Петр Чеканов у Василия Субботина, директор новосибирского завода «Точмаш» Михаил Королев у Андрея Илларионова, вратарь Владислав Третьяк у Александра Марьямова, вожатый трамвая Елена Башилова у Бориса Гусева, маршал Георгий Жуков у Василия Пескова, милиционер Алеша Русов у Ольги Чайковской... Какое богатство индивидуальных натур, страстей, порывов и свершений! Но есть нечто общее, сближающее каждого из этих людей. Советский образ жизни, единое мировоззрение, коммунистические идеалы. И еще: беспокойство, неудовлетворенность достигнутым, неутомимые искания, жажда открытий. На производстве, в науке и технике, в искусстве и спорте. В нравственной микроструктуре личности сегодня господствует дух новаторства. Это по справедливости выдвигают наши очеркисты на первый план. Ибо такие качества обнаруживают они в своих героях.

Виталий Моев рассказывает об известном социальном, экономическом и производственном опыте коллектива Щекинского химического комбината. Вспоминает он и нефтяников Башкирии, строителей знаменитой бригады Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина. Очерк начинается метко: «После эксперимента — перед экспериментом». В этом волнующем состоянии беспрестанного поиска находятся рабочие, инженеры, хозяйственники. Все новые и обновляющиеся задачи ставят они перед собой. И получается так, что по плечу они лишь тем работникам, кто всегда пробует и ищет. Только в поиске хозяйственник становится человеком больших мыслей и сильного характера. Да, сила характера и мужество, в полном смысле слова, нужны ему далеко не в последнюю очередь. Ведь это очень непросто — вести малый и крупный корабли новизны по кручам житейских волн.

Велика и героика трудовых будней. Но Константин Симонов в статье «Люди и дело» с присущей писателю публицистической остротой ставит вопрос о вынужденном героизме, который является следствием нерадивости иных работников, плохой организации труда. Монтажники липецкой домны вручную истинный героизм, работая на сорокаметровой высоте в свирепое зимнее время семнадцать часов, сменяя друг друга. Но была ли необходимость именно так вести работу? Такими вопросами задается писатель, справедливо полагая, что перед нами не только пример героизма, но и урок «для тех, кто был первоначально причастен к возникновению такой ситуации».

Публицистика не только не может проходить мимо подобных несообразностей, она должна решительно бороться с ними. Об этом верно говорит Георгий Марков во вступительной статье «Писатель и пятилетка». Ежегодник дает нам ряд примеров боевой, проблемной, критической публицистики. На мой взгляд, она представлена здесь яркими выступлениями недавно ушедшего от нас Георгия Радова («Безнаказанность»), Анатолия Аграновского («Вишневый сад»), Олжаса Сулейменова («Быть и казаться»), А. Старкова («Воробьиная история»). Непримиримость к разгильдяйству, бесхозяйственности, бюрократизму, формальному отношению к делу отличает многие работы авторов сборника.

Не менее важны и выступления в защиту социалистической нравственности, против душевной черствости, бессердечия, [illegible], которые, к сожалению, дают себя еще знать и наносят немалый урон коммунистическому формированию советского человека. Воспитанию патриотического чувства уделяет внимание Николай Грибачев в статье «С чего начинается...». И здесь мы видим основательную полемику в данном случае против неверных толкований понятия Родины и односторонних суждений о любви к ней, когда социальный, революционный пафос устраняется из этих представлений.

Читательскую аудиторию привлечет обширная проблематика ежегодника, открытый взгляд писателей на современность со всеми ее реальными коллизиями. Существенно и то, что авторы сборника (Александр Кривицкий, Сергей Образцов и др.) вводят нас в круг наблюдений международной жизни и размышлений, связанных с ее противоречиями. Кругозор «Шагов» оказывается широким и масштабным. Думается, что в этой части сборника следует отводить больше страниц публицистике на международные темы.

Я одобрил бы справочные разделы альманаха: интересную, живую хронику «Шаги пятилетки», сведения о новых очерковых, публицистических и документальных книгах и «Литературную хронику». Они хорошо дополняют основной материал.

Итак, сделан первый шаг нового ежегодника очерка и художественной публицистики. Будем с интересом ждать его следующих «шагов».

* «Шаги». Выпуск первый. Ежегодник Союза писателей СССР. Очерк и художественная публицистика. Издательство «Известия». М. 1975.

СРЕДИ КНИГ

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТРРАТУРЩИНА

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ

ОХ, УЖ ЭТИ СЛУЧАЙНОСТИ!

Продолжаем разговор о художественности подлинной и мнимой, начатый статьей Вл. Гусева «Дым без огня» («ЛГ», № 41, 1974).

КАЗАЛОСЬ БЫ, все просто и ясно: литература — хорошо, литературщина — плохо, о чем спорить, что доказывать? Но вот после нескольких месяцев дискуссии стало очевидным, что было о чем спорить, есть что доказывать. И, пожалуй, наиболее сложным оказался вопрос о том, как порой отличить от настоящей литературы произведение, ловко сработанное профессиональным литератором и на первый взгляд читателю (да и иному критику) кажущееся явлением художественным. Литературщина, как справедливо пишет в своей статье «Тупики вторичности» В. Сахаров, многолика. Правда, он же утверждает, что есть «простое и верное средство отличить литературу от литературщины, так как-де если литература, условно говоря,— тень жизни, то литературщина — тень тени». Но в том-то и беда (правильно возражает В. Сахарову М. Чудакова в статье «Вторичность или традиция?»), что различить сразу, где «тень», а где «тень тени», отнюдь не так-то просто...

По В. Сахарову, например, произведения, навеянные не жизнью, а книгами или героями наших предшественников, всегда есть «тень тени», то есть литературщина. Но существуют классические произведения, которые давно перестали существовать в нашем сознании только как литература, а являются неотделимой частью нашей жизни. Мы с трудом порой представляем себе, что герои созданы воображением художника, и воспринимаем их как реальных, живых людей, которые дороги и близки нам именно как живые люди, а не литературные образы. Когда я читала тома академического собрания сочинений Льва Толстого, где собраны варианты романа «Война и мир», мне открывались новые черты характера, детали быта и жизни любимых мною людей — Пьера, Наташи, князя Андрея, Николая Ростова... Для меня это была новая встреча с ними, а не просто познание истории создания мирового шедевра.

Без досконального знания такой литературы, без осмысления ее опыта, ее традиций современный художник жить и работать не может. Да ведь и классики наши не отрицали своей органической связи с предшественниками, и когда Достоевский говорил, что все мы «вышли из «Шинели» Гоголя», или Толстой восхищался «Таманью», указывая на лермонтовскую прозу как на один из источников своего творчества, это вовсе не означало, что они признавали свою «вторичность». Александр Фадеев много говорил о связи своей прозы с прозой Льва Толстого. В своих книгах он откровенно строил по-толстовски свою фразу, по-толстовски разрабатывал характеры, но это ни в малой мере не умаляет достоинства его произведений, потому что он сумел заполнить массивную толстовскую фразу новым содержанием, а используя метод Толстого в описании характеров, ввел в русскую литературу новый тип людей и стал одним из основоположников реализма социалистического.

Мне кажется, что если говорить об опасности литературщины, то большего внимания заслуживает мысль Вл. Гусева о том, что массовое приобщение к культурным ценностям имеет свою оборотную сторону. Особенно отчетливо это просматривается в поэзии. Однако если в стихах «заштампованность», как говорится, лежит на поверхности, то в прозе она подчас бывает ловко замаскирована. В прозаических произведениях набор стандартных изобразительных средств шире и раз[illegible] воображение. Теперь уже редко кто из пишущих прибегнет к штампу стилистическому, уже не встретишь «косых лучей заходящего солнца» и не прочтешь о том, что лица пламенели [illegible] в холодном стекле. Но есть штампы сюжетно-психологические, которые не подчеркнешь карандашом, они легко вводят в заблуждение неискушенного читателя, и он вот-вот готов принять литературщину за литературу...

ОТЧЕГО ЖЕ одни произведения мы упорно причисляем к вещам, написанным в русле традиций и оставшимся оригинальными творениями, а другие — [illegible] в следовании традиции, стереотипу, а значит, во вторичности? Да прежде всего оттого, что в подлинном произведении «вечный» сюжет, известный «ход» наполнены неповторимым жизненным содержанием, точной внутренней психологической достоверностью, [illegible]. [illegible] не подменят собой наблюдения жизни, человека, [illegible] характера.

В журнале «Молодая гвардия» (№№ 7, 8, 9, 1974) опубликована повесть С. Клебанова «Спроси себя». Автор задался целью нарисовать облик молодого героя, яркой личности. Он хотел бы поставить Алексея Щербака в один ряд с Павкой Корчагиным и Олегом Кошевым. Маленький Костя так и пишет в своем сочинении на вольную тему: «Мне хочется стать таким, как он. Павка Корчагин и Олег Кошевой жили давно. А вот Алексей Фомич Щербак всегда рядом...» Так заканчивается повесть. Остановимся на сопоставлении на совести С. Клебанова и постараемся разобраться в том, почему все-таки читатель не может поставить этого героя в тот ряд, почему можно смело утверждать, что в повести не состоялось развитие традиции героического характера.

Прежде всего потому, что в повести «Спроси себя» герои написаны одноплановo, каждый имеет лишь одну определенную краску, характеры неподвижны. Мы встречаемся с главным героем молодым инженером Алексеем Щербаком при обстоятельствах, для него трагических: не сумев предотвратить аварию, вызванную стихийным бедствием и принесшую государству огромные убытки, он оказывается не [illegible]. Ситуация [illegible]. Как же ведет себя Алексей Щербак? Он отказывается от защитника и признает себя виновным по всем пунктам. [illegible] Разве не Щербак, а [illegible] своем упорном нежелании объективно изложить обстоятельства аварии, повинен в его смерти? Вот к каким поистине роковым последствиям может повести героев литературная неумелость автора... Использовав уже не раз бытовавшее в литературе сюжетное клише, С. Клебанов не сумел наполнить его психологической подлинностью.

А. Финк в статье «Бумажные страсти» («ЛГ», № 42, 1974) говорила о таком литературном штампе, как тайна. Не избежал этого штампа и С. Клебанов. Во время процесса у судьи Градовой возникает подозрение, что в годы войны судьба уже сталкивала ее с Щербаком. Военный летчик, он отказался вывезти тяжело раненную санитарку Катю Градову с поля боя. Казалось бы, чего проще — поговори с подсудимым, расспроси о подробностях рокового эпизода... Но нет, во имя ложного напряжения сюжета автор пренебрегает этой естественной возможностью. Каких только мук из-за этого не испытывает Градова: он или не он?! Но поскольку ситуация с самого начала искусственна, даже фальшива, то автор не достигает задуманного: эта тайна раздражает, отвлекает от главного. В конце концов все разрешается благополучно. Но не произойди на последних страницах повести случайная (ох, эти литературные случайности, они ведь из того же набора!) встреча главного героя с его фронтовым другом, который был свидетелем и участником тех давно минувших событий, все могло бы обернуться иначе...

«В зале суда было очень тихо, и люди, казалось, не дышали, увлеченные процессом, как театральным спектаклем», — пишет автор. К сожалению, не только судебный процесс, изображенный С. Клебановым в повести «Спроси себя», но и вся повесть в целом напоминает срежиссированный спектакль, лишенный и жизненной правды, и правды характеров.

«У всякого искусства есть два отступления от пути: пошлость и искусственность, — говорил Л. Толстой. — Из двух страшнее: искусственность». Именно в искусственном построении произведения, когда автор идет не от жизни и правды характеров, а лишь следует традиционной схеме, и кроется, на наш взгляд, неудача С. Клебанова. А ведь на первый взгляд действие в повести развивается как будто логически, естественно.

Однако случается и так, что, казалось бы, не слишком естественная жизненная ситуация утверждает правомерную нравственную проблему, а характеры действующих лиц не вступают в противоречие с логикой действия, а движут его. Так, мне кажется, можно посмотреть на повесть Аллы Драбкиной «Мы стоили друг друга». К ней обратилась в своей статье «Маленьких искусств не существует...» («ЛГ», № 9, 1975) Д. Тевекелян, упрекая автора в искусственности и даже в надуманности, вызванной особенностями стилистики вещи. Мне все же повесть представляется иной, а именно — взволнованным (хотя и далеко не безупречным в художественном постижении жизни) рассказом о первой любви, рассказом искренним и по-своему точным. Но, видимо, субъективизм этой точности дал основание серьезному, интересному критику оспорить соответствие его художественному эквиваленту жизни. Героиня честно признается, что сначала она придумала свою любовь, и лишь потом любовь стала реальностью. Критику это кажется искусственным. Но вспомним пушкинское: «Пора пришла, она влюбилась». И здесь пришла «пора». Героиня в этом честно признается. Меня эта откровенность подкупает и заставляет верить в происходящее.

Молодой автор затрагивает очень серьезную тему: главное в любви не добиться взаимности, а, добившись ее, удержать любовь любимого человека. И вот перед этой высотой героиня оказывается беспомощной.

Мне понятны настороженность и взыскательность Д. Тевекелян, с которой она читала повесть А. Драбкиной,— так часты разочарования, что у критиков невольно вырабатываются повышенная требовательность и опасения. Повторяю, повесть «Мы стоили друг друга» не свободна от недостатков, но все-таки, по-моему, заслуживает внимания молодых читателей, так как писательница в ней с серьезностью обращается к серьезным проблемам нравственности, воспитания чувств.

Думаю, те, кто внимательно следит за дискуссией «Литература и литературщина», должны признать, что на страницах газеты были подняты очень существенные вопросы. Несомненная ценность дискуссии еще и в том, что она интересна и литераторам, и читателям, в частности педагогам и библиотекарям, — не случайно же мне приходилось присутствовать на читательских диспутах, организованных библиотеками на тему «Литература и литературщина». И вероятно, и по окончании дискуссии спор о том, что такое литература и что такое литературщина, будет продолжаться, потому что это один из главных и насущных вопросов писательской работы.

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Дружеские шаржи Н. ЛИСОГОРСКОГО

Петр ВЕГИН

Петра ДАРИЕНКО

Валентин ЕЖОВ

Владимир КАРПОВ

СРЕДИ КНИГ

ПЕРВЫЙ РОМАН. ОБРЕТЕНИЯ И УРОКИ

ДИАЛОГ. АВТОР — КРИТИК

Виль ЛИПАТОВ — Нина ПОДЗОРОВА

Роман Виля Липатова «И это все о нем...» вызвал разноречивые суждения и споры. Вот почему представляется уместной такая весьма необычная форма критического разговора, как диалог автора и критика. Это, по мнению редакции, дает возможность не только объективно рассмотреть новое произведение, но и прояснить замысел писателя, его отношение к суждениям критики.

Н. ПОДЗОРОВА. Виль Владимирович, вы написали свой первый роман «И это все о нем...», за восемнадцать лет литературной деятельности впервые обратились к этому жанру. Значит ли это, что круг проблем, к которым вы обращаетесь сегодня, не вмещается в рамки привычного для вас жанра — повести?

В. ЛИПАТОВ. Да, я впервые поставил после заголовка слово «роман», но никогда, в общем-то, не задумывался о жанре. Всегда искал форму, которая должна была соответствовать содержанию. Пусть мое заявление будет выглядеть категоричным, но мне кажется, что традиционная форма романа трудно вмещает в себя быстротекущие события современной жизни. Глубоко убежден, что писатель, обращающийся к теме современности, пишущий о сегодняшнем дне, должен искать новые формы выражения действительности. Вы как критик, вероятно, заметили, что и в предыдущих книгах я пытался искать новую форму. Так, в «Сказании о директоре Прончатове» стремился заглянуть даже в будущее героя. Это уж, кажется, нечто мистическое для бытового взгляда...

Н. П. ...но не для искусства. Мы знаем, что его законы «терпят», более того — нуждаются в подобных и иных формах познания героя, жизни.

В. Л. Почему в последней книге я себе позволил (очень робко) поставить такое сакраментальное слово — «роман»? Мне казалось, что проблемы, которые я пытаюсь рассмотреть в этой книге, несколько шире того, что способна вместить традиционная повесть. Почему еще это — роман? У меня впервые в книге погибает молодой человек. Мне казалось, что я вместил в повествование всю жизнь Столетова.

Необычная форма нашего разговора о романе, эта своеобразная рецензия — диалог о новом произведении с автором, мне кажется уместной, выигрышной и для писателя: она позволяет автору откровенно высказаться о своем детище перед читателями, прояснить замысел, уточнить свои «взаимоотношения» с героями.

Н. П. После заголовка романа следует — «Комсомольцам семидесятых годов посвящается». Адресование романа молодым в вашем творчестве традиционно, здесь вы верны себе. В самом деле, если вспомнить повести «Шестеро», «Стрежень», «Сказание...», «Лида Вараксина», «...Еще до войны», то окажется, что главный герой всюду, как правило, молодой человек.

Я задумываюсь, почему молодой герой занимает всегда главное место в конфликтах и вопросах жизни, которые вы поднимаете. И теперь в новом романе молодые герои, которых вы наделили основательным чувством хозяев жизни, играют в конфликте главную роль.

В. Л. В молодом герое общество и литература ощущают всегда большую потребность, ибо он несет в сегодняшний день черты будущего. Зрелая жизнь его будет протекать через годы, но сегодня он улавливает и аккумулирует в себе новые нравственные ценности, присоединяя свой опыт к опыту предшествующих поколений, заглядывает куда-то «за горизонт». И поскольку я стараюсь вглядываться в современную действительность, в то, как она развивается и меняется, то и вверяю своим молодым героям повышенную ответственность.

Н. П. Итак, конфликт, Женька Столетов и его друзья заметили то, чего не замечали или с чем мирились другие лесозаготовители и руководители Сосновского лесопункта, — занижение в корыстных целях мастером Гасиловым норм выработки, заведомое сдерживание роста производительности труда, что ребята метко назвали «гасиловщиной» и чему объявили борьбу, устроив «забастовку наоборот». Цель ее — показать, как можно и нужно работать, и тем самым разоблачить Гасилова.

Что ж, молодой герой, которого вы выбрали для идейно-нравственного поединка с Гасиловым, по своему духовному заряду готов к разоблачению одного из ликов современного мещанства, «гасиловщины» — этого закамуфлированного потребительства, паразитирования. Комсомольцы, естественно, воспринимают Гасилова как нечто чужое, чужеродное, что мешает жизни развиваться по новым законам.

Но вот почему идут молодые герои столь окольным путем, путем игры, «забастовки наоборот», а главное — борются тайно? Почему не заявят о своих наблюдениях прямо, на собрании рабочих, например, или не придут к Сухову, начальнику лесопункта, к секретарю парторганизации Голубину? Наконец, к учителю Радину, комиссару, как называет его Столетов? Здесь, признаться, поворот конфликта меня озадачивает, смущает... Правда, вы как бы предусматриваете эти возражения — Сухов занят изобретением своего трелевочного трактора, и он настолько «не от мира сего», что нет у него ни сил, ни желания заниматься «черновой» работой руководителя лесопункта. Парторг Голубин по воле автора лишь недавно в лесопункте и еще не разобрался в том, что есть Гасилов. К тому же у Голубина со Столетовым, вожаком сосновского комсомола, — взаимное недоверие. Что ж, в жизни такое сочетание неблагоприятных обстоятельств случиться может. Но в произведении вы, писатель, властны привести обстоятельства в соответствие с ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДОЙ.

В. Л. Если все одновременно видят недостатки, тогда конфликтной ситуации нет и быть не может, тогда мы давно жили бы без недостатков. Тогда и герой невозможен.

Потому Евгений Столетов и герой, что он был первым. Мало того, я всем романом отвечаю: Прохоров вовлекается в этот конфликт и осуждает ребят за их самонадеянность, за игру, за желание по-мальчишески, в одиночку, бороться с коварным и опытным противником, с явлением. Женька открыт, он кинулся в драку один, и это его ошибка. Пафос романа в том, что в конце концов на борьбу с Гасиловым поднялись все. Но кто первый заметил? Столетов. А если бы все смотрели на жизнь его глазами, конфликта не было бы и «гасиловщины» не было бы. А она есть и, к сожалению, процветает...

Н. П. Чтобы назвать явление «гасиловщиной», у Гасилова должны быть сторонники, последователи тенденции работать вполсилы, а получать сторицей. Значит, есть в Сосновке и другие затруднители жизни? И «гасиловщина» процветает также благодаря близорукости Голубина?

В. Л. «Гасиловщина» явно не видна. Помните, на сколько Петр Гасилов выполняет норму — на 102 процента. Но только пристальное внимание к участку дает возможность пенять, что он обманывает. Иначе о чем бы шла речь? В ходе научно-технической революции наступают моменты, когда один человек может быть прозорливее коллектива.

«Гасиловщина» не проста. Нужно было родиться в поселке, жить с Гасиловым рядом, чтобы понять, кто он такой. Ни Сухов, ни Голубин этого сделать не могли. Тем более, что своим паразитическим стилем жизни и работы Гасилов развратил других людей — Притыкина, Заварзина, Петухова, уже колеблется Никита Суворов, уже попривыкли другие лесозаготовители... Если хотите, то в образе Сухова осуждается крайне технократический взгляд на жизнь, когда за техникой пропадает видение живого человека.

Н. П. Говоря о вашем новом романе, о его проблематике и конфликте, нельзя упускать из виду его форму, средства художественного воплощения.

Роман сложен по своей архитектонике. В самом деле, внешне — это распутывание детективной, казалось бы, истории, за которой таится не расследованное до конца преступление или несчастный случай, а разгадывание «тайны» требует своеобразной композиции произведения. Само расследование диктует показ, привлечение то одного, то другого, то третьего героя. Одновременно в романе сопоставляются как бы две жизни, две судьбы — Женьки Столетова и Александра Прохорова, который в прошлом «был Женькой», но в чем-то уступил, отступил, — отсюда его размышления, монологи, возвращения к себе, освобождение от наносного, всяческой житейской чепухи, болтовни. Словом, в романе очень тесно сплетены многие жизни и проблемы.

К тому же художественные средства, к примеру, ирония, которая весьма присуща вашему письму, приемы гротеска в портретах персонажей, некоторая ирреальность изображения тоже кладут на «холст» свои густые краски. Все это придает, с одной стороны, объемность картине жизни, которую вы рисуете, а с другой — усложняет и вашу задачу, и восприятие романа.

Вот и случилось, что роман, сложный по проблематике, по охвату нравственно-социальных проблем, проблем общественного развития, обогащенный, а во многом и ОТЯГОЩЕННЫЙ структурой и стилем, оказался очень не прост для восприятия и осмысления.

В. Л. Писателям, работающим над темой сегодняшнего дня, зачастую приходится нелегко, на этом пути мы набиваем немало шишек, случается делать и ошибки. Но здесь есть и позитивная сторона — благодарность читателя, который в какой-то степени находит в твоих произведениях своевременный отклик на собственные думы и размышления. Удачно или неудачно, но я ищу, постоянно ищу, а ведь известно — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

И еще: я отлично понимаю, что органичной художественной формы, которая отразила бы многосложность и ритм жизни, напряженность конфликтов и взаимосвязанность человеческих судеб, еще не нашел. Предстоит еще много на этом пути пройти...

Н. П. Вернемся к проблематике романа. Вы не сказали до конца, какие проблемы ставили. Мне показалось, что в этом романе вами сделана попытка взглянуть на общество и его проблемы и зорким взглядом социолога. Из бесед Радина и Прохорова, в размышлениях Прохорова, в высказываниях ребят, в авторском повествовании проступает социологический «облик» Сосновки и ее обитателей. И оказывается, что и в этом дальнем сибирском селе, в этой крохотной части мира действуют законы научно-технической революции, сказываются ее позитивные и негативные последствия: здесь и информационный взрыв, и влияние массовой культуры, и взаимоотношения человека и машины, и занятость населения, и проблема потребления, соотношение мира духовного и мира вещей...

В. Л. Да, вероятно, в какой-то степени мне это удалось. Но одной из важнейших проблем романа я считаю проблему «отцов и детей». Но вот в каком преломлении: не только «дети» учатся у «отцов», но и «отцы» — у «детей». Вспомните, учитель Радин называет Столетова не только «учеником», но и «другом». Преемственность и взаимообогащение поколений без конфликта между ними — вот какую мысль я пытаюсь романом утвердить. Да, высокая цель, борьба сообща во имя этой высокой цели.

В какой связи к этому сообществу «Столетов—Радин» стоит Прохоров?

Нужно помнить два высказывания Радина, чтобы об этом рассуждать. При первой встрече Радину, который слеп (для которого Столетов выглядит красным, Гасилов — бесцветным, Соня Лунина — голубой), Прохоров кажется темно-красным, а «был когда-то красным», говорит Радин. Когда Прохоров приезжает в поселок, в жизни его в самом деле не все ладно. У него была неудачная любовь. Прохоров устал от жизни. Он долго ходит в капитанах. Он приезжает усталым и немного разочарованным человеком. Он чрезмерно ироничен, ворчливо разговаривает с Пилипенко, Никитой Суворовым. На следственном же эксперименте Радин ему говорит, что вы стали ярко-красным. Как вы умудрились сделать это?

Влияние личности Столетова на Прохорова, уже пожилого капитана уголовного розыска, — этот акцент для меня в романе самый главный. Прохоров говорит матери Столетова, что многому научился у Евгения. Поэтому так много внимания уделяю Прохорову: я писал его и Столетова в сопоставлении. Для понимания обострим вопрос. Капитан Прохоров когда-то упустил возможность быть Евгением Столетовым и вот теперь возвращается к тому, что потеряно. Становится, по словам Радина, ярко-красным, как Столетов.

Н. П. Столетов, Радин и Прохоров все время в центре внимания читателя. К Радину, при всей его необычной судьбе, стиле жизни, нет претензий. Он в романе четко выверен, определен. Он оригинален, как образ, человек идейно чистый и гармоничный. Радина принимаешь в той условности, с которой он написан.

Но вот Прохоров... И стиль его поведения, манера бесцеремонного разглядывания своих собеседников, его внутренние монологи — все написано слишком густо, даже навязчиво, и это отделяет от сущности конфликта.

В. Л. Не понимаю, почему вам неинтересно следить за Прохоровым, который проходит сложный эволюционный путь?

Н. П. Мне интересно, но в том-то и дело, что мне мешает в этом сам Прохоров, эта его чрезмерная своеобычность...

В. Л. Значит, «переписал», перестарался...

Н. П. ...Говорит, например, с Пилипенко, а сам думает о чем-то другом, он смотрит, как у того вздернулась бровь, слушает себя или кого-то за окном, разглядывает Ватинин, болтает безудержно... Можно привести немало примеров, но вы сами их знаете.

В. Л. Да, пожалуй, я «перегрузил» Прохорова, особенно в начале романа.

Н. П. Значит, вновь и вновь перед художником стоит одна из заповедей искусства — проблема соразмерности целого и частностей, законы гармонии, чувство меры...

Вы говорили, Виль Владимирович, о том, что намеренно писали параллельно две жизни, две судьбы — Столетова и Прохорова, дабы подчеркнуть их общность и их отличие. Что ж, я согласна, что Женя Столетов как тип гражданина, как нравственно-социальный тип начался не с «нуля». Он духовный преемник деда, бывшего политкаторжанина Егора Столетова, верный ученик своего учителя, коммуниста и фронтовика Викентия Радина, в нем — общественный темперамент Александра Прохорова. Однако в романе образы Прохорова и Столетова не нашли, думается, той меры соотношения, чтобы эта мысль выявлялась более отчетливо. Все-таки один из главных героев должен был «уступить»...

В. Л. Я так хорошо знаю как героя Женю Столетова, что у меня был соблазн писать его «впрямую». Все события можно было рассматривать с его точки зрения. Не было бы Прохорова, сохранились бы те же самые поселковые события. Вот начинается конфликт, вот он кончается случайной смертью Столетова.

Я долго думал и пытался так писать. Но меня подстерегала опасность засахарить образ Евгения. Когда все события повести рассматривались его глазами, то откуда-то появилось то, что в нашей памяти имеет недоброе название лакировки. Получался такой приглаженный герой и чудаковатый.

Мне нужно было держать Столетова очень крепко в шорах. Для его показа нужен был остраненный взгляд, я для этого избрал Прохорова. Может быть, Прохоров не так преломляется, но только через кого-то я мог писать Столетова, не делая его чудаком и не залакировывая.

Н. П. И все-таки известной «голубизны» Женька Столетов не избежал. И потом — эти его пристрастия: сама мать, Евгения Сергеевна говорит, что в его собирательстве портретов старых негров и фонариков (чтоб негров можно было разглядеть и в темноте) было что-то болезненное.

В. Л. Это обостренное чувство справедливости.

Н. П. Мне кажется, что в своей попытке нарисовать молодого современного героя, парня интеллектуально развитого, с высоким чувством ответственности, идейно убежденного, несущего в себе черты революционных традиций, вместе с тем не отталкивающего и стиля жизни века, его мод и ритмов (вспоминаю яркую, живописную сцену танцев в клубе), — так вот, в этой попытке не все удалось: необходимых бытовых, реальных, земных черт вы Столетову недодали. Хорошо, что он философствует, хорошо, что он иронизирует, фантазирует, он начитан и остроумен. Но всего этого в нем чрезмерно много. В то же время мы мало видим Столетова в бытовых ситуациях: в деле, в реальном конфликте, который он разрешает, — борьбе с «гасиловщиной». И почему вы, к примеру, нигде не показываете его в работе, ведь он — тракторист лесопункта!

В. Л. Понимаете, я слишком много писал парней на тракторах и убедился, что это «заземление» ничего не дает. Трактор идет, человек молчит — точка. И поэтому мне это неинтересно, а заземлять Женьку не хотел. Может быть, «переголубил», может быть, оромантизировал, но заземлять не хотел. Не хотелось будничности в Женьке. Даже когда писал, как он конструировал сиденье для трактора, чувствовал себя как-то неловко. Вы должны меня понять. Для меня фонарики и негры, которых он коллекционирует, значат больше, они важнее для меня...

Н. П. Почему гибнет ваш любимый Женька? Случайность в искусстве не может быть решающим «аргументом» в судьбе героя. Ведь Толстой сначала не думал о гибели Анны Карениной, Шолохов — о смерти Семена Давыдова, но логика их жизни, судьбы привела к этому. Смерть главного героя оправдана тогда, когда она неизбежна. Она как одно из проявлений жизни служит авторской концепции, в ней тоже проявляется философия произведения.

Так не потому ли умер Столетов, что он еще нежизнеспособен, такой, каким вы его создали, — чрезмерно уязвим, раним, нервен? И не потому ли, что без опоры на старшее поколение, на массу, коллектив, в одиночку, «партизанскими» средствами невозможно победить новоявленное мещанство, потребительскую психологию, иждивенчество? Наверное, такая авторская логика была бы более оправдана...

В. Л. Он не обязательно должен был умереть: был дождь, было скользко, он сорвался. И это тоже в логике его характера — немедленно убедиться самому в предательстве Людмилы Гасиловой, вмешаться в события. Но в борьбе с «гасиловщиной» еще умирают. Да, гибель Столетова — несчастный случай, но подготовлен он безнравственностью Гасилова и его вольных или невольных последователей. Да, в смерти Столетова «виновны» все те явления, которые противопоказаны социалистическому образу жизни.

Конфликт между Столетовым и Гасиловым — это конфликт между созидателем и потребителем. У нас из года в год повышается материальный уровень жизни. Это прекрасно. Это достижение социалистического строя. Но в то же время мы не скрываем, что увеличивается и число потребителей, что мещанская психология завладевает некоторыми потребителями, и перед нами мещанство как враг встает в полный рост.

Н. П. В поисках нового «языка», новых средств выразительности вы привлекаете и нарицательность фамилий, и восприятие слепым Радиным людей через цвет, и вещи-символы: фонарики, портреты старых негров, коня Роrдая!.. Мне все же кажется спорным в современном произведении такое обнажение сущности героя посредством его фамилии.

В. Л. Не традиционно ли символично выбраны имена? Да, Гасилов — гасить, Столетов — будет вечно жить. Это нарицательные имена. Столетов — созидатель, Гасилов — это потребитель. Для меня здесь — философский аспект романа. Помните то место в романе, где я пишу о Гасилове и его телескопе?.. Это ведь тоже символ. Для чего ему подзорная труба, для чего мещанину смотреть ночью на звездное небо? А чтобы убедиться, что все — суета сует и ничего на земле ценного быть не может. Отсюда и жеребец, который под Гасиловым превращается в красного коня, а на земле черный Гасилов — олицетворение мещанства, которое стало труднораспознаваемым.

Не вещи в доме Гасилова самое страшное, а психология «гасиловщины» — получать и ничего не давать. А Женька Столетов — внук Егора Столетова, наследник революционных традиций, он по природе созидатель. И сейчас, смею сказать, также происходят революционные события. Не зря поставлена задача — соединить движение научно-технической революции с преимуществами социалистической системы. Если это не будет сделано, то вещи нас оседлают. Справедливо заметил один американский философ: вещи сели в седло и погоняют человечество.

Н. П. Конечно, нашей беседой невозможно исчерпать вопросы, поднимаемые романом «И это все о нем...», как не исчерпали вы, вероятно, в нем и проблему борьбы человека, воспитанного нравственными законами нашего общества, всей суммой духовных ценностей социалистического образа жизни, с мещанином-захребетником, которого «оседлали» вещи?

В. Л. Да, я еще не все счеты с Гасиловым и «гасиловщиной» свел, и в новой книге, которая сейчас в работе, я опять возвращаюсь к противостоянию духовности и бездуховности, к проблемам мещанства.

Представьте себе Прончатова с его деловитостью и энергией, но направленными не на общее благо, не на улучшение дела, не на государственные интересы, а лишь на себя, и вы поймете, что он может наделать в жизни!..

Н. П. Но в действительности деловитых себялюбцев встречают, по счастью, сильные и деятельные антиподы!

В. Л. Вот их-то я и утверждаю в новой вещи.

Художник и книга

Иллюстрации художника И. Кириакиди к поэтическому сборнику Айбека «Далекая звезда моя». Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Человек этот вышел из полевого госпиталя в начале марта. В свой полк он пошел пешком. «То, что я отлежал в госпитале, — царапнул осколок, — давало мне право на срок — хотя бы дороги — прожить так, как захочется: отправить себя в путешествие с единственной и почему-то нелегко всегда достижимой целью — посмаковать все, что набежало бы под ноги, попалось бы на глаза».

Так, собственно, началось го тридцатилетнее и далеко еще не законченное путешествие.

У человека за плечами трагедия — всеобщая, всенародная: война; и своя, точащая кровь: потеря любимого сына.

Путешествие ведет человека по близким и дальним весям нашей просторной Родины — то в деревню под Невелем, где еще оседают, и обваливаются, и зарастают лопухом и крапивой знакомые окопы; то в другую деревню неподалеку от станции Солнцево. «К бате! К Суслову. «Курскому соловью», к командиру отделения, с которым и воевал в тех окопах»; то к морю, то к ногайцам на речку Загданку, приток Лабы, то в Ереван, в великое хранилище древних книг — Матенадаран, где под стеклом можно вычитать в обесцвеченных буквах изречение Иоанна Католикоса: «...если Человек не хочет быть ни травой, ни жнецом? Ни рабом, ни господином?.. Ни молотом, ни наковальней? Как быть? Куда податься? Кого призывать в молитвах?» И снова в путь — от устья к истокам, то пешком, то на подводе, то в купейном вагоне; то в Самарканд, то в станицу Преградную, то на речку Протву — в родные места, то в азербайджанскую степь...

Транзитный человек.

Люди на каждом повороте дороги. Калейдоскоп лиц. Иногда — во всей правде подробностей. Иногда — лишь в штриховом рисунке.

В рассказе «Окопы» — это студентка Вера и ее мать. В «Блудном сыне» — написанные с предельной любовью Суслов и его жена Прасковья Васильевна. В рассказе «Стук колес» — милый образ малыша — это Саня, который сказал отцу: «Раз человек родился, он должен бы жить вечно». А не пришлось хоть сколько... В «Ромашках» — однокурсники Коста Абаев и Миша Федоров. И еще «Сашуня» — отвратительный паразит войны, мешочник и мародер. И еще ногайцы Ахмет, Керим и Исайя из рассказа «От устья к истокам». И Вова Саркисьян, еще один восторженный мальчуган из рассказа «В музее»...

Так путешествует рассказчик — от сердца к сердцу, из былого в сегодня, от малой радости к величайшему чуду жизни.

Постепенно начинаешь разгадывать сердцевину книги. Вся она — поиски связей жизни. Постепенно начинаешь понимать, что эти связи — человека с природой, с людьми, часто случайными, мимоходными, попутными — в бескорыстии! Начинаешь сознавать, что это даже не умышленное в книге, а просто заложено как бы в самой сущности человека: в его извечном восстании против всего фальшивого и наносного, недоброго в поведении и взгляде людей на жизнь.

Бескорыстие — вот в чем автор находит подлинную духовность человека. Об этом, в сущности, вся книга Льва Кривенки.

«Я не просто смотрю на мимо пробегающие поля, мимо пробегающие леса, деревни, города, — я, удерживая мимо бегущее, обнимаю все: в этом отпуске я был и гостем, и хозяином, и строителем, и проектировщиком, был в это счастливое мгновенье просто своим на своей земле».

Человек, если он в самом деле Человек, не может равнодушно ходить по земле, где миллионы могил хранят связь вчерашнего дня с твоим нынешним. Вот здесь, под ногами, — твой однополчанин Суслов... «И ходишь между буграми осторожно, как бы наступая на самого себя».

Так, восстанавливая собственную устойчивость, постоянно путешествует в поисках нерасторжимых связей человек.

Сейсмически чувствительный аппарат, отмечающий движение самой жизни, все время перемещается, видоизменяет что-то, сдвигает с места, обретая ясность, рождает безукоризненную зримость.

Художественная сила впечатляет — она почти как пресс. Картины разомкнутости, разъединенности, несовместимости сменяются торжеством радости открытия общности.

...Жить увиденным, искать чудо настоящей духовности, чудо бескорыстия — значит предвидеть завтрашнего человека, значит в дне сегодняшнем жить уже и будущим.

Николай АТАРОВ

Лев Кривенко. «Стучат колеса». Рассказы. Издательство «Советский писатель». М. 1975.

РЕЦЕНЗИИ

НА ПОЛЯХ ВЕЧНЫХ СТРАНИЦ

Есть поистине бессмертные книги, которые, поразив в юности наше воображение, потом сопутствуют нам всю жизнь.

В годы моей студенческой юности мне посчастливилось через школьного моего товарища, племянника М. Ф. Андреевой бывать в петроградской квартире А. М. Горького. Алексей Максимович всегда очень приветливо относился к нам, молодежи, и не раз по его просьбе мы приводили в порядок его домашнюю библиотеку. Я обратил внимание на то, что была там небольшая полка, тесно уставленная старыми книгами в окончательно растрепанном виде, часто без корешков, с помятыми, разлетающимися листами. Это была часть добычи, собираемой Алексеем Максимовичем у букинистов Литейного проспекта и Апраксина рынка. Горький нам пояснил: «Вот видите, юноши, эти книги именно в этом издании я прочел когда-то в очень молодые годы. И я уже не могу себе представить «Давида Копперфильда» иначе, чем в павленковском издании с большими страницами в два столбца; Бальзака я слеповатой печати бр. Пантелеевых, «Дон Кихота» без рисунков Доре, Жюля Верна без наивных картинок Риу, Дюма — без кокетливой графики Лелюара. Книги эти уже прошли через тысячи читательских рук, обветшали, растрепались. И я рад им, как старым друзьям, если удается с ними встретиться еще один раз в жизни, я сразу же беру их, ставлю на эту полку, чтобы могли они теперь достойно отдохнуть, послужив так долго людям. Делаю это из чувства всем понятной благодарности. Пусть получат заслуженный отдых мои старые верные друзья! Я им многим обязан. Полка эта неприкосновенна, и зовется она у меня по-старинному — «богадельней».

Эта беседа с А. М. Горьким мне вспомнилась, когда я читал книгу Романа Белоусова «Из родословной героев книг». В ней речь идет не только о «личных книгах», добрых спутниках нашей благодарной памяти, но главным образом об их героях, великих и малых, внешний облик которых, не говоря уже об их духовном мире, издавна стал родным нашему воображению. Здесь и вольнодумец Сирано де Бержерак, и благородный Карл Моор, и вдохновенный мститель граф Монте Кристо, и тургеневский болгарин революционер Инсаров, и загадочный жюльверновский капитан Немо.

Но автор не ограничился тем, что напомнил нам эти имена. Он поставил себе интересную задачу: разыскать прототипы литературных образов, рождение которых подсказано было общественными условиями и житейскими обстоятельствами той или иной исторической эпохи. С острой приметливостью литературоведческого зрения, с проникновенной любовью и увлеченностью дотошного книгочея Роман Белоусов ушел в область кропотливых изысканий, смелых догадок и убежденно созданных легенд. Ему удалось выяснить, извлечь из первоначальных источников немало интересных фактов, способствовавших возникновению тех или иных литературных образов.

Подтверждаются старые истины: ничто не возникает из пустоты, не является отвлеченной игрой авторской фантазии. Созданный писателем образ только тогда приобретает жизнь и писательскую выразительность, когда он синтезирует и лично пережитое, и созданное окружающей социальной средой.

Роман Белоусов не ставил перед собой задачи писать обстоятельное литературоведческое исследование о генезисе персонажей тех или иных произведений. Ему хотелось в живой и занимательной форме расширить познания обычных читателей о героях любимых книг. Речь идет о воссоздании той исторической и социальной атмосферы, в которой рождались судьбы выдуманных, но вместе с тем реально существующих личностей. Взяв отправной точкой образ хорошо известного литературного персонажа, автор книги совершает с читателем экскурс в ту или иную область культуры и истории.

Так, разговор о «Разбойниках» Ф. Шиллера дает ему возможность рассказать о примерах «разбойничества» как социального протеста в литературе романтизма. Капитан Немо — напомнить о героической борьбе индийцев за национальное освобождение. Трилогия «Жак Вентра» Жюля Валлеса — воскресить трагические страницы Парижской коммуны.

Много любопытных сведений извлечет читатель из новелл Романа Белоусова. Наряду с исторически установленными фактами в них отведено место и традиционным легендам, и правдоподобным домыслам и догадкам. Несомненна познавательная ценность того, что в занимательной манере изложения предлагается в этой книге. Для автора — и читатель это чувствует — раскрываются и дальнейшие возможности подобных плодотворных изысканий, создающих особый и столь привлекательный жанр литературопознания. Кстати сказать, у Романа Белоусова это не первая книга, посвященная избранной им теме. Ей предшествовала другая — «О чем умолчали книги» («Советская Россия», 1971), в которой также раскрывается генезис многих образов мирового искусства.

Как определить, как назвать тип подобных изысканий? «Занимательное литературоведение»? «Розыски книголюба»? Это будет не совсем точно. Но, как ни называть, суть остается в том, что Роман Белоусов уже ряд лет разрабатывает особый жанр, вводящий читателя в историческую атмосферу, способствовавшую возникновению литературных образов, ставших достоянием высокого искусства именно потому, что только из самой жизни они могли прийти на страницы бессмертных книг.

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

Роман Белоусов. «Из родословной героев книг». Издательство «Советская Россия». М. 1974.

ПЕРЕВОДЫ

ШОТА РУСТАВЕЛИ — НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство «Жазушы» выпустило в свет поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на казахском языке.

Отдельные фрагменты этого величайшего произведения мировой классики еще до войны были переведены видными казахскими поэтами Т. Жароковым, У. Турманжановым, Ж. Сыздыковым и А. Тажибаевым, а в канун 800-летия со дня рождения Шота Руставели издавались фрагменты поэмы в переводах Н. Мамбетова, К. Мурзалиева и К. Жумагалиева.

Ныне казахским поэтом Хамзой Абдуллиным впервые осуществлен полный перевод поэмы, над которым он работал двадцать пять лет.

В основу казахского текста положен академический подстрочник С. Иорданишвили. Работая над переводом, Х. Абдуллин глубоко изучил историю культуры Грузии, эпоху и жизнь Шота Руставели, побывал во многих местах, связанных с его творчеством.

Предисловие к изданию полного перевода «Витязя в тигровой шкуре» написал казахский писатель, академик Академии наук Казахской ССР, Герой Социалистического Труда Габит Мусрепов. Он пишет: «В переводе нашли гармоническое единство внутреннее содержание и художественная форма поэмы. Переводчик сумел глубоко вникнуть в дух, характер героев... Мы видим, что через этот перевод в казахскую поэзию пришел подлинный Шота в своем прекрасном грузинском наряде».

Перевод и издание произведения гениального поэта являются большим событием в культурной жизни Казахстана, вносят весомый вклад в дело взаимного обогащения братских литератур народов СССР.

Б. ИСКАКОВ,
кандидат филологических наук

АЛМА-АТА

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Александр КАЛИНИН

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ

В «Литературной газете» от 16 апреля 1975 года учитель К. Селезнев поделился своими соображениями о месте специальных, профессиональных слов в русском языке. Сегодня мы продолжаем эту тему статьей кандидата филологических наук, доцента кафедры стилистики факультета журналистики МГУ А. Калинина

СЛЕДУЕТ ЛИ открывать специальной, терминологической, профессиональной лексике дорогу в общенародный язык? Как оценивать такое слово, когда оно претендует на то, чтобы стать достоянием всех? Какие требования должны предъявляться к словам, проникающим из речи профессионалов в общенародный язык? Возможны ли какие-то объективные критерии оценки новых явлений в лексике?

Все эти вопросы ставились и обсуждались не раз. Однако «закрывать» их рано.

Обмен словами между терминологией и общенародной (нетерминологической) речью существует издавна. И это именно обмен, то есть процесс двусторонний.

Выход — слово общенародное, но оно существует и как термин, причем в разных терминологиях. У геологов **выход** — обнажение горной породы, у мукомолов, поваров и др. **выход** — количество изделия, получаемого из сырья (выход муки из зерна).

Свои особые значения имеют у полиграфистов слова **вывод, норма, коридор, зеркало, титул, завод, корпус, сводка.**

Обратный процесс — выход специальной лексики за пределы терминологии в общенародную речь. Это тоже очень старый процесс. Давно перестали быть только астрономическими терминами **зенит, апогей, орбита.** Мы говорим «в зените славы», «апогей успеха», «на орбите пятилетки». Широко распространены вне военной речи слова **стратегия, фронт, правофланговый, авангард** и др.

Многочисленны (особенно в газетах) случаи использования вне породившей их терминологии слов **агония, инфляция, дуэт, старт, премьера, увертюра, аккорд, стыковка, координаты, меридианы, палитра** и сотен других.

Одним из первых стал использовать специальные слова как метафоры в художественной речи Маяковский:

Все меньше любится,
все меньше дерзается,
и лоб мой
время с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая
из АМОРТИЗАЦИЙ —
АМОРТИЗАЦИЯ
сердца и души.

Сборник А. Вознесенского называется «Параболы». В нем находим «параболическую траекторию» искусства, «позывные» любви и др. Конечно, газетные метафоры и метафоры художественные — вещи разные. Однако и тут возможно некоторое «взаимопроникновение», некий обмен.

Через газету приходят термины-метафоры в прозу В. Солоухина: «Но надо чем-нибудь заполнить место ушедшего, этот (модное теперь словечко) образовавшийся **вакуум**» («Славянская тетрадь»). «Всякая пустота, всякий, говоря современно, **вакуум** стремится втянуть, засосать в себя извне то, что ближе лежит» («Письма из Русского музея»). Автор вроде бы иронизирует над «вакуумом», а все же употребляет. У него же: «Наиболее сильные (художники. — А. К.) не путались ногами в путанице времени, моды, повседневного, сиюминутного спроса. Они взлетали с разбега, как бы **катапультированные** сразу в вечность» (там же).

Всегда ли правильно, удачно употребляются специальные слова в переносных значениях?

Вот уже лет десять как вошла в моду метафора «эпицентр». Газетный заголовок: «В **эпицентре** профсоюзной» («Советский спорт» от 27 октября 1970 г.). Начало корреспонденции: «Свердловск, 26 октября. **Эпицентр** зимней Спартакиады профсоюзов СССР будет расположен в этом крупнейшем спортивном и промышленном городе Урала». Заголовок в другой газете: «В **эпицентре**». Речь идет об учебе комсомольцев. Читаем: «В **эпицентре** этой работы — глубокой, серьезной, — пропагандист» («Московский комсомолец» от 13 февраля 1971 г.). Еще примеры: «Ведь Анакопийская пропасть находится в курортном **эпицентре**, в Новом Афоне» («Неделя», № 1, 1975 г.); «Так современная сибирская проза оказывается в **эпицентре** актуальных забот и тревог жизни сегодняшнего человека» («Комсомольская правда» от 12 декабря 1974 г.).

Но ведь эпицентр не просто центр. Эпицентр непременно ассоциируется со взрывом, землетрясением, разрушением! Авторы «курортных эпицентров» этого не учитывают.

Из газеты метафора потихоньку проникает в художественную прозу — в хорошую прозу В. Солоухина. Описывается рублевская «Троица»: «У Рублева на столе стоит одна-единственная чаша на троих. Она своеобразный **эпицентр** всей музыкальной стройной композиции, она еще резче подчеркивает основной мотив — единение, нерасторжимое единство, беспредельную гармонию» («Письма из Русского музея»). Стройная музыкальная композиция, гармония — и эпицентр...

Если при перенесении термина в общенародную речь разрушается смысловое ядро слова, тогда метафора неудачна, тогда лучше центр, чем эпицентр.

Многочисленные примеры плохих метафор приведены и четко прокомментированы в словаре «Трудности русского языка» под редакцией Л. И. Рахмановой, вышедшем в 1974 году. Смотрите в этом справочнике статьи, посвященные словам **алиби, габарит, гамма, диагноз, палитра, тандем.** Там же справедливо осуждаемые К. Селезневым **прописка** и **кондиция.**

Глаголу **задействовать** эта опасность — стать неудачной метафорой — не грозит.

Видимо, прав К. Селезнев, считая, что слово **задействовать** проникает на страницы газет, в радио- и телепередачи из речи военных. В романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого...» читаем: «Все прибывающие должны быть **задействованы** с ходу, без малейшего промедления». «В отпечатанном типографским тексте к моему удивлению имелся **задействованный** с 1 августа условный секретный знак». «За эти секунды я успел [illegible] от него со стороны [illegible] и таким образом **задействовал** «подсветку».

Когда мы слышим по радио, встречаем на страницах газет «задействованные объекты», «новые задействованные линии», мы не воспринимаем это как метафорически употребленный военный термин. Дело в том, что и у военных **задействовать,** строго говоря, не термин, то есть не название какого-то специфически военной, армейской вещи, какого-то понятия, свойственного лишь военной мысли. **Задействовать** — значит ввести в действие, пустить в ход. Таким образом, **задействовать** за пределами военной лексики — не метафора. Это то же самое слово в том же самом значении, что и в речи военных. И требования к этому слову при его выходе в «речь для всех», наверно, должны быть иные — не те, что к словам **стратегия, правофланговый** или **эпицентр.** Тут речь не может идти о законности или незаконности метафоры, потому что метафоры нет. «Стратегия жатвы», «правофланговые пятилетки», «эпицентр картины» — метафоры (другое дело — удачные или неудачные, свежие или превратившиеся в штамп). «Коровник задействован» — не метафора.

Принимая или отвергая такие слова, как **задействовать** (из военной речи), **волнительный, накладка** (из языка театральных деятелей), **технарь** (сначала только в речи летчиков, авиаторов), надо, думается, исходить из следующих соображений.

1. Нужно ли новое слово языку? Не будет ли оно дублировать уже имеющееся и хорошо несущее свою службу слово?

2. Правильно ли слово образовано?

Помнится, что лет 10—15 назад противники прилагательного **волнительный** и наречия **волнительно** отвергали ненужное новшество именно по этим мотивам.

— **Волнительный** — это ведь то же самое, что и **волнующий.** Зачем же лишнее слово? — рассуждали они. — Кроме того, прилагательные на **-тельный,** как правило, образуются от глаголов, оканчивающихся на **-ить:** убедить — убедительный, поразить — поразительный, ослепить — ослепительный, пленить — пленительный и т. п. А **волнительный** — от **волновать.** Стало быть, и образовано это прилагательное неверно.

Подойдем и мы с этими мерками к глаголу **задействовать.** Так ли уж он необходим? Ведь у нас есть немало слов и словосочетаний, которые в разных случаях могут выразить, наверно, то же самое: ввести, пустить в ход, запустить, организовать, привести в действие и другие. Не случайно условный знак «**задействованный** с 1 августа», в другом месте романа В. Богомолова (и тоже в официальном военном тексте) назван «**введенным** с 1 августа». Стало быть, нужды-то особой в новом глаголе и не было, правда?

Не выдерживает слово **задействовать** и критики с точки зрения правильности образования.

Казалось бы, все в порядке. Есть образцы, или, как говорят языковеды, модели, по которым делаются новые слова. «Грамматика современного русского литературного языка» (1970 г.) приводит множество случаев, когда простое прибавление приставки **за** к существующему глаголу рождает новый глагол: двинуть — задвинуть, бежать — забежать, работать — заработать, греметь — загреметь, регистрировать — зарегистрировать, шифровать — зашифровать и многие другие.

Вроде бы точно так и в случае «действовать — задействовать»? Нет, не так.

Глагол **задействовать** еще можно было бы признать, если бы он употреблялся в смысле начала действия, оставаясь непереходным. Станок не работал — и вдруг заработал, человек не двигался — и вдруг задвигался, машина не действовала — и, наконец, задействовала. Этот тип новых глаголов очень продуктивен. Но ведь переходным глагол в этом случае стать не может. Это противоречит нормам русского словообразования. Именно поэтому нельзя «задействовать машину».

Изданный несколько лет назад словарь-справочник «Новые слова и значения» дает ряд новых глаголов с приставкой **за** — заволокитить, загерметизировать, загрипповать, закодировать, запрограммировать и др. Все они образованы верно, по продуктивным, живым моделям языка. **Задействовать** — белая ворона. Этого слова нет ни в одном лингвистическом словаре русского языка.

Законен вопрос: а как же подобные слова возникают в специальной терминологии? Разве люди, придумывающие их и использующие, не чувствуют их неправильности? Разве некому проследить за этим, проконтролировать образование новых терминов?

Любая терминология, **любая специальная речь почти всегда несколько обособлена.**

Каждая профессиональная речь может иметь свои «причуды» и в лексике, и в грамматике, и в произношении. Вспомним **комплексные числа** у математиков, **добыча, рудник** — у горняков. Моряки говорят «служил **на флоте**», хотя общеязыковая модель другая: **в** артиллерии, **в** пехоте, **в** авиации и др. Отсюда в конечном счете и **волнительный,** и **технарь** (с непродуктивным в литературном языке суффиксом **-арь**). Отсюда неожиданное для литературной речи образование существительных с суффиксом **-ость** от относительных прилагательных: **мясность.**

Есть и другие виды речи, в которых правильность словообразования — не такой железный закон, как в речи общелитературной, строго нормированной. У Маяковского вечер хмурый, **декабрый,** у А. Вознесенского — **осенебри, человолки, поэмимы, лесалки,** у М. Цветаевой — **спертсмедный** лоб. Это не ошибки и не следствие незнания словообразовательной модели. Такие слова могут быть очень выразительны и нужны в пределах данного текста.

Но при выходе (или на выходе) в общенародную речь со слова спрос особый — «ужесточенный», как сказано в том же романе В. Богомолова.

АРХИВ «ЛГ»

С. ЖИТОМИРСКАЯ

МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИИ

ПО СТРАНИЦАМ РУКОПИСЕЙ ЛАРИСЫ РЕЙСНЕР

ИСПОЛНИЛОСЬ 80 лет со дня рождения Л. М. Рейснер. Почти полвека ее нет в живых. Короткая жизнь Ларисы Рейснер неотделима от революции, гражданской войны, классовых битв 20-х годов в Европе. Им посвящено все, что она написала, ими насыщено доставшееся на ее долю всего лишь десятилетие активной деятельности — журналиста, политработника, разведчицы, одного из первых советских дипломатических сотрудников, участницы рабочих демонстраций в Берлине. Литературное наследие Ларисы Рейснер с его главной темой героизма и романтики революционных сражений в последние годы вновь привлекло к себе широкий интерес. Издание избранных сочинений, публикация писем и статей, сборник воспоминаний познакомили новые поколения читателей с ее творчеством, воскресили реальные черты женщины-комиссара, давно вошедшей в сознание в обобщенном образе героини «Оптимистической трагедии».

Есть, однако, в представлениях о Ларисе Рейснер заметный не с первого взгляда, но очень существенный пробел. Даже те, кто знал Рейснер в предреволюционное время и снова встретил в новом облике в начале 20-х годов, не смогли показать тот далеко не простой путь, который был ею пройден от поэтических опытов юности с их изысканной и усложненной эстетикой, от окружавшей ее и родной ей петербургской литературно-ученой среды до зрелого политического руководителя, хладнокровного и смелого в бою, беспощадного к врагу комиссара красного флота.

Между тем идейная и жизненная эволюция Ларисы Рейснер представляет не только биографический и историко-литературный интерес. Ее путь — это тот тип решения проблемы «интеллигенция и революция», который охватывает многие судьбы, но, может быть, с наибольшей наглядностью и цельностью проявился как раз в ее судьбе.

Многое для понимания пути, пройденного Ларисой Рейснер, может дать ее архив, хранящийся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В ранних редакциях очерков, неоконченных произведениях, отрывках и набросках часто обнаруживаются те подспудные и очень важные детали миропонимания, из которых, как мозаика, складывается недоступная внешнему взгляду эволюция духовного мира автора.

Начало пути раскрывается почти исповедально в автобиографической повести Ларисы Рейснер «Рудин». Писательница дважды приступала к этому сюжету, пытаясь осмыслить свои истоки, честно рассказать об ушедшем в прошлое мире, из которого она вышла.

Не случайно первый вариант повести с датой «1919» озаглавлен «Requiem». Он написан, вероятно, весной 1919 года в промежутке между двумя периодами пребывания на фронте. Это действительно прощание навек со своей литературной юностью, с кругом поэтов-символистов, лишь слегка замаскированных вымышленными именами. Продолжению работы над повестью помешал, вероятно, не только новый отъезд на фронт, но и неудовлетворенность наброском. В нем вылилось непосредственное чувство, но не было продуманной позиции, не было причин разрыва автора со своей средой.

Только в Афганистане в 1921 году, когда полная приключений и опасностей жизнь сменилась тягостным бездействием в роли «посольши», оставлявшим, впрочем, достаточно времени для раздумий, Рейснер возвращается к автобиографической повести, стремясь на этот раз пойти не от литературного окружения, а от впечатлений детства, от самых ранних идейных влияний. Писатель Вадим Андреев, подростком живший в семье Рейснеров, рассказывает: «Они соединяли память о крестоносцах, положивших начало роду фон Рейснеров... верность домашним традициям, утонченность, переходившую в снобизм, с крайней революционностью...». Автобиографическая повесть Л. Рейснер не только подтверждает эту характеристику, но и вносит в нее тонкие оттенки, видимые лишь изнутри. На первый план вышла сложнейшая для человека, воспитанного в замкнутой элитарной среде, проблема морального долга и выбора пути.

«Двое детей, — читаем мы на страницах рукописи, — рожденных со смертельной опасностью, были выкормлены легким и разрушительным гением анализа, царившего в семье. Они знали жизнь в десять лет, умели оценивать без ошибки все отчаянные схватки и наводнения, бросавшие их шаткое гнездо с места на место. Они привыкли видеть отца и мать в позе вечной обороны, в постоянном одиночестве, вызванном непримиримостью критериев, приложенных к жизни».

По какому же пути должен пойти человек, взращенный в верности убеждениям, исповедуемым как религия, в презрении к компромиссам и личному успеху, а при этом не мыслящий себя вне той духовной культуры, на почве которой он сложился и очень рано осознал себя как литератор? Первый опыт ответа на этот вопрос — выбор своего особого, так сказать, персонального пути в борьбе с официальной Россией: издание семьей Рейснеров журнала «Рудин» (1915—1916 гг.), давшего позже заглавие повести.

В самом названии журнала была внутренняя демонстративность: тургеневский Рудин погиб на баррикадах. Однако это были «чужие» баррикады, и, сражаясь на них, Рудин оставался одиноким.

Через шесть лет, давно выйдя из «рудинских» пеленок, обогащенная опытом революции и гражданской войны, Лариса Рейснер отдает себе отчет в политической неубедительности промежуточных и нечетких позиций журнала. Слишком узкому и вместе с тем неопределенному кругу были адресованы статьи и памфлеты, публиковавшиеся в «Рудине», иногда, впрочем, очень ядовито высмеивавшие гнилость доживавшего последние сроки режима.

Журнал продержался лишь год. Объясняя причины неудачи, Л. Рейснер нащупывает одно из главных своих противоречий, преодолением которого была в каком-то смысле вся ее жизнь:

«...В жизни людей, перешедших с правого берега на левый, есть скрытая трагическая черта, особенно если они покидают прежний лагерь без покаяния и пришибленного стыда за свое рождение, за жестокое превосходство класса, которому принадлежат по роду, по корням и по имени. Каторга и война одни уравнивают и очищают: за общей решеткой и под пулями забываются все тайные неприязни, и люди действительно становятся братьями».

Вот где ясно выражена идея необходимости искупить свою «родовую» непричастность к народу, к революционному классу, к его борьбе и страданиям, которая бросает свой отсвет на весь путь Л. Рейснер.

На листках, исписанных решительным, прямым почерком Ларисы Рейснер, мы не раз еще столкнемся с этой мыслью. В первой редакции очерка «Окладский» (1925 г.) она обнаруживается вновь:

«Ведь это было время хождения в народ — первая большая попытка революционной интеллигенции выйти из себя, из папиросного чада, из теоретической болтовни... Пусть костюмы их были театральны, <пусть> пути, которыми они шли, <эти лучшие люди своего вре[мени]>, кажутся нам сегодня <наивными, иногда> неверными; пусть их на первом же перекрестке хватали и волокли на съезжую, этих «крестьян» — с белыми тонкими руками и пенсне на носу, этих «мужичек», остриженных в кружок, которых тошнило от запаха «сивухи» обыкновенной крестьянской избы. Все равно — это было одно из самых высоких и героических движений <прошлого века>. Из участка переодетые баричи попадали уже в настоящие тюрьмы, из тюрем шли в Сибирь, — и честно вытирали собою страшные нары уголовных камер, носили кандалы, жили и умирали, и если не погибали при первой стычке с жизнью, если не поворачивали назад, отшибленные первой ночью на арестантских нарах, то становились Перовскими и Желябовыми, Кибальчичами, Тригони и Фигнер».

Лариса РЕЙСНЕР. Афганистан, 20-е годы

Крестный путь тюрем, ссылок и казней все еще видится Ларисе Рейснер чуть ли не единственным путем, которым из дворянской, интеллигентской среды можно прийти на баррикады не Рудиным, а Перовской или Луизой Мишель.

Переход в революционный лагерь неизбежно сопровождался вопросами, как быть с принесенной с собой культурой, как относиться к ней, есть ли ей место в жизни народа, от которой ты теперь себя не отделяешь?

Практическим ответом на эти вопросы была вся работа Ларисы Рейснер еще с осени 1917 года, когда подъем общественного движения захватил ее и естественно ввел в среду большевиков.

В сентябре 1917 года, в письмом Луначарского в руках, оставшимся в ее архиве, она ведет переговоры с Кронштадтским Советом рабочих и солдатских депутатов, добиваясь превращения зала «Морского собрания» в новый театр для пролетариата. («Таким образом Кронштадт, — пишет в этом письме А. В. Луначарский, — встанет во главе не только революционного Петрограда, но и его творческого пролетариата, вызывающего к жизни все новые очаги духовного роста и обновления».) Л. Рейснер участвует в первой конференции пролетарских просветительных организаций; сразу после Октября включается в охрану культурных ценностей.

И в годы гражданской войны, на трудных ее путях решались для Ларисы Рейснер одновременно те же глубоко личные и вместе с тем общественно значимые задачи: сближение «под пулями» с вооруженным народом и стремление приобщить народ к культуре. Рассказы товарищей Л. Рейснер полны подробностей отчаянных военных операций, которые были ее стихией. Так утверждалось моральное право на братство с матросом и солдатом. Навестившая ее летом 1918 года на фронте мать писала: «У нее хороший период Sturm und Drang — если выживет, будет для души много и авось творчество оживет, напившись этих неслыханных переживаний. Но... не думаю, она все время на краю гибели... Наша аристократка не уступает на мостике по хладнокровию демократам, и матросы молча подтягиваются».

Но не меньший интерес представляют свидетельства о лекциях, которые Л. Рейснер читала между боями: «Искусство и революция», «Песни революции и их история» и др.

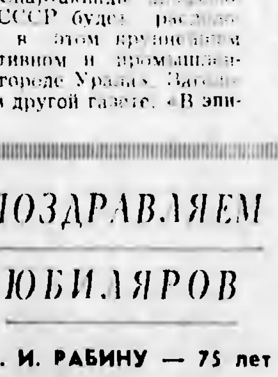
В статье для английского журнала «Communist Revue» (русский подлинник, к сожалению, не сохранился, и мы вынуждены цитировать ее в обратном переводе) Рейснер подводила итог целой эпохе, когда начала заполняться пропасть, отделявшая крестьянина — матроса и солдата от вершин культуры:

«И не только стойкость и мужество составляют гордость и славу этих лет гражданской войны, но и необычайное развитие духовной культуры. Ибо в Астрахани, во время долгой зимней кампании, люди не только сражались и строили, но и напряженно учились. Обреченные на смерть и, может быть, угадывавшие свою грядущую судьбу, они особенно прилежно читали в последние недели и дни перед боем и увлеченно слушали оркестр Бетховена, орган Баха, скрипку Сарасате. Целыми часами эта почти неграмотная аудитория, только что поднявшаяся из социальных низов, затаив дыхание, могла слушать лектора, музыканта или агитатора».

К проблеме «интеллигенция и революция» Л. Рейснер попыталась подойти совсем близко в серии очерков, посвященных декабристам. За ними должны были появиться «художественные исследования о первых утопистах коммунистах», вообще о великих революционных мыслителях прошлого. Но этому уже не суждено было свершиться...

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. И. РАБИНУ — 75 лет



Секретариат правления Союза писателей СССР направил Иосифу Израилевичу Рабину приветственную телеграмму:

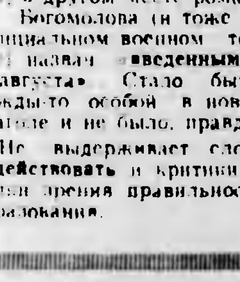
«По случаю Вашего семидесятипятилетия шлем Вам, ветерану еврейской советской литературы, наши сердечные приветствия и поздравления. Полвека Вашей творческой жизни — это путь к зрелости и совершенству, путь к освоению крупных эпических форм и постижению подлинных глубин реалистической прозы. Большой успех выпал на долю Вашего романа «У Немана», охватывающего события от революции 1905 года до Великого Октября. Изображая судьбу династии ремесленников и рабочих, Вы в духе горьковских традиций прослеживаете путь своих героев к революции и сознательному участию в борьбе. Заметным явлением в Вашем творчестве был и роман «Я вижу тебя, Вильно». Мы рады отметить, что свой юбилей Вы встречаете в рабочей форме, создавая страницы широко задуманного романа «Столяр Гешель и его внук», события которого берут начало с 1812 года.

Желаем Вам доброго здоровья, больших радостей в личной жизни и творческих свершений во имя нашей многонациональной советской литературы».

К. Д. ДЖУНУСОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по киргизской литературе направили Камчы Джунусовичу Джунусову приветствие:

«Горячо поздравляем Вас со славной датой — шестидесятилетием со дня рождения.



Более четверти века Вы трудитесь на ниве киргизской литературы. За это время опубликовали более десяти сборников стихотворений. Среди них — «Моя земля», «Честь», «Ак-Ьуура» и другие. Все эти произведения посвящены актуальным темам современности. Вы славите великого Ленина, Коммунистическую партию, тружеников города и деревни.

В 1960 году Киргизгосиздат выпустил Вашу книгу «Судьба», принесшую Вам широкую популярность многочисленных поклонников поэзии.

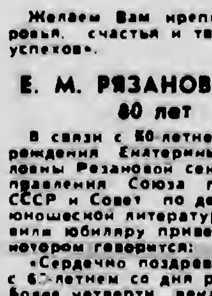
Киргизскому читателю Вы известны и как переводчик произведений А. Пушкина, Т. Шевченко, А. Навои, Н. Тихонова.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья и творческих успехов».

Е. М. РЯЗАНОВОЙ — 60 лет

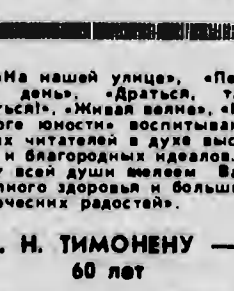
В связи с 60-летием со дня рождения Екатерины Михайловны Рязановой секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 60-летием со дня рождения. Более четверти века отдали Вы служению нашей детской и юношеской литературе. В круг чтения наших ребят прочно вошли Ваши повести, рассказы и сказки. Ваши книги «На нашей улице», «Первый день», «Драться, так драться!», «Живая волна», «На пороге юности» воспитывают юных читателей в духе высоких и благородных идеалов.



От всей души желаем Вам крепкого здоровья и больших творческих радостей».

А. Н. ТИМОНЕНУ — 60 лет



В связи с шестидесятилетием со дня рождения писателя Антти Николаевича Тимонена секретариат правления Союза писателей СССР направил в адрес юбиляра приветственную телеграмму:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из ведущих писателей Карелии, с днем Вашего шестидесятилетия.

Вы мужественно сражались в боях с белофиннами и на фронтах Великой Отечественной войны, награждены орденами «Отечественной войны» I степени, Красной Звезды. Нам особо приятно отметить Ваши боевые заслуги перед Родиной в дни, когда страна празднует тридцатилетие Великой Победы.

Ваши произведения «От Карелии до Карпат», «Освещенные берега», «В заливе ветров», «Родными тропами», «Белокрылая птица» и недавно опубликованный роман «Мы карелы» завоевали большую популярность среди читателей.

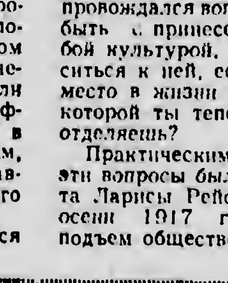
Писатель-коммунист, Вы постоянно ведете большую общественную, партийную и государственную работу.

Свой юбилей Вы встречаете в расцвете творческих сил.

Желаем Вам доброго здоровья, больших успехов в литературной и общественной деятельности».

А. Т. МИРЗАЕВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Абдуле Тайзуевичу Мирзаеву приветственную телеграмму, в которой говорится:



«В день Вашего пятидесятилетия шлем Вам, известному лакскому поэту, автору книг, неоднократно издававшихся в центральных московских издательствах и в Махачкале, свои сердечные приветы и поздравления.

Участник Великой Отечественной войны, депутат местного Совета, Вы много лет жизни отдали также благородной работе сельского учителя.

От души желаем Вам доброго здоровья и новых творческих свершений».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать через газету мою сердечную благодарность организациям, друзьям, товарищам по перу, читателям за поздравления и добрые пожелания в связи с моим восьмидесятилетием и награждением орденом Октябрьской Революции.

Иван ЛЕ

Разрешите через вашу газету выразить мою сердечную благодарность всем организациям и учреждениям, друзьям и товарищам, приславшим мне поздравления и добрые пожелания в связи с моим шестидесятилетием.

М. НАРМАЕВ

Прошу через вашу газету передать мою искреннюю благодарность всем организациям и друзьям, поздравившим меня с семидесятилетием и присвоением почетного звания народного писателя Узбекистана.

Назир САФАРОВ

НОВЫЕ СТИХИ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ

Колоу НАДИРАДЗЕ

Канун Октября

Скрипят деревья, ветра вой истошный, —
И человек в холодном шалаше...
Он жаждет бури, в этот час полночный
На главное решившийся уже...

И видит он: измучена Россия,
Раскалена войною докрасна...
Ее слеза всю землю оросила,
Страданий чаша выпита сполна.

Россия ждет — преступно промедленье,
Готова петь восстания труба...
Когда ж начать последнее сраженье
За торжество свободного труда?!

Горела ночь, и все шагали люди
Разбитыми дорогами войны...
История о них не позабудет —
Они ее теперь вершить должны!

Когда начать? Число каков выбрать?
Восстание — не случай, а судьба!..
Не дать врагу ни дня, чтоб время выиграть,
Решить сегодня требует борьба...

Но вот рассвет свои расправил крылья,
И солнце покатилось по росе...
И на листе, покрытом древней пылью,
Сверкнуло 25 — чтоб быть грозе!

Кто была она?..

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

О, если б знал я
ту красавицу
Печальной родины моей,
Что пела о судьбе своей,
Но не молила бога
сжалиться...
И песня не могла не нравиться!
Так почему ж поэт печалится?!
В его глазах дрожит слеза,
И просит он: «Не пой, красавица,
Твоя мелодия грустна...»
Но как одной с бедою справиться?!
И вновь ему поет она...

Он тихо слушал струн чужих
Невысказанную обиду —
И уж его печаль забыта,
И сердце трепетное сбито
Той болью, шедшей из глубин,
И он пред нею был один...
Певец великий и гонимый,
Он жил мелодией незримой...
И песня горькая ее
Вдруг возвратила в край любимый,
Измученный, но все ж родимый,
И столь далекий от него...

О, если б знал я
ту красавицу
Печальной родины моей,
Что пела о судьбе своей
И не молила бога сжалиться!..

Пусть пропасть времени черна
И в ней не разглядеть лица, —
Я счастлив, что жила она!..

Перевел В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

Дорогой отцов

Первопроходцам комсомола — от молодых строителей Ингурской ГЭС

Вы оставляли отчий кров,
Закону следуя простому, —
Опять взыграла предков кровь,
Готовая помочь другому.

Вы поднимали целину,
Моря в пустынях создавали...
Свою любили вы страну
И слов на ветер не бросали.

И мы равняемся на вас,
Первопроходцы комсомола!
Вы шли по жизни в трудный час,
Борьба и труд — вот ваша школа.

Нет, не закатится звезда
Людей орлиного полета!
Вас не забудут никогда —
Вы эра нового отсчета!

Мы клятвой связаны одной —
Борьбой великою за братство...
И слышат клич наш боевой
На Волге и на стройках Братска!

Вам улыбается рассвет,
И солнце славою в зените.
И мы идем за вами вслед
По вашей солнечной орбите...

И мы вступаем в свой черед
В борьбу за ваши идеалы!
Пусть мир увидит, как взойдет
Свет над Ингури солнцем алым!

Перевел В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Резо АМАШУКЕЛИ

Бакуриани

Мачты качаются. Шастают ветры,
броши в туманном пробив мираже.
Белые тихие тяжкие ветви
долго раскачиваются в душе.
Дым голубой, начинаясь у кровли,
мил и приятен чутью и глазам...
Дико трепещет, по крылья в сугробе,
красное солнце, как крупный фазан.

Река

Стою, смеюсь — и речка по колено.
Неужто детство вновь ко мне пришло?
Уходит день. Теченье постепенно
уносит вниз последнее тепло.
На дне уснула тень дуплистой ивы.
Шуршит пугливо птица в камыше.
Луна встает. Вот-вот тугие рыбы
серебряно заплещутся в душе.

Перевел Ю. РЯШЕНЦЕВ

Морис ПОЦХИШВИЛИ

■

Ох, почему я не маленький мальчик?
Сумка полна была б книг и тетрадей.
Ох, почему я не маленький мальчик —
По воду бегал бы десять раз на день.

Ах, почему я не маленький мальчик?
Мама бы в жмурки играла со мною.
Ах, почему я не маленький мальчик —
Снова сравнил бы тебя я с луною.

Эх, почему я не маленький мальчик!
Годы кидал бы, как камешки, в воду,
Эх, почему я не маленький мальчик —
С красным флажком отправлялся б в походы.

Вера, сомнение, зависть, надежда —
Гнать бы не гнали на дождь и на ветер.
О, почему я не мальчик, как прежде, —
Рано б ложился, как надобно детям,

И засыпал под напев «Иавнана»,
И просыпался б от птичьего пенья,
И поцелуи мои, как ни странно,
Не выводили б тебя из терпенья...

О, почему я не маленький мальчик?!.

Экзамен

Чернеет небо — классная доска.
Луна белеет — как кусочек мела.
А Время — мой учитель
Занят делом
Сейчас и не зависит от звонка:
Он принимает у меня экзамен...
А я — зерно, увязшее в земле...
Я наполняюсь соками в тепле,
Пред мудростью молчания я замер...
И слышу — с неба — явственно в тиши
Я крик своей же собственной души...

Как ищут пищу белка и медведь —
Во мраке ищет свет зерно мечтанья...
Мои раздумья — не яйцо ль молчанья?..
Я скорлупу ломаю,
Чтоб взлететь...

И я лечу к лучу.
И я кричу:
Эй, солнце, светом дай своим напиться!
Мех старых сказок пуст — так не годится!..
Земля — мой первый класс...
Я вверх хочу!..

Чернеет небо — классная доска.
Луна белеет — как кусочек мела...
А Время — мой учитель
Занят делом:
Принять экзамен должен до звонка.

Перевела Е. НИКОЛАЕВСКАЯ

Амиран АБШИЛАВА

Головокружение

Скорость — за сто километров!
Дорога
Кажется книгой, листаю ее:
Это уже не забава, ей-богу, —
Головокружение, забытье...

Ночь.
И сквозь толщу пелен ее темных —
Фары, как два закаленных ножа,
Моцарт, ликуя, вселился в приемник,
Ветер по скалам гуляет, визжа.

В Джвари, еще не забывшем о Мцыри,
Демон бесстрастный покинул карниз —
Крыльями режет небесные шири
И в темноту низвергается вниз...
Ночь — точно пытка,
Черней освенцимов...
Здесь я Куру перережу,
взлечу
Промеж подсвеченных исполинов —
Джвари и Светицховели!
Лучу
Уподобляясь,
лечу над хребтами:
Лихи — застежка на строгом кафтане,
Дальше, скорее, за Лихи —
туда,
Где мое детство дрожит в ожиданье,
Как эта утренняя звезда!

Вот я — мальчишка:
река бирюзова,
Плещут форели, и все нипочем,
Потороплюсь же! Он, честное слово,
Ждет и волну рассекает плечом...

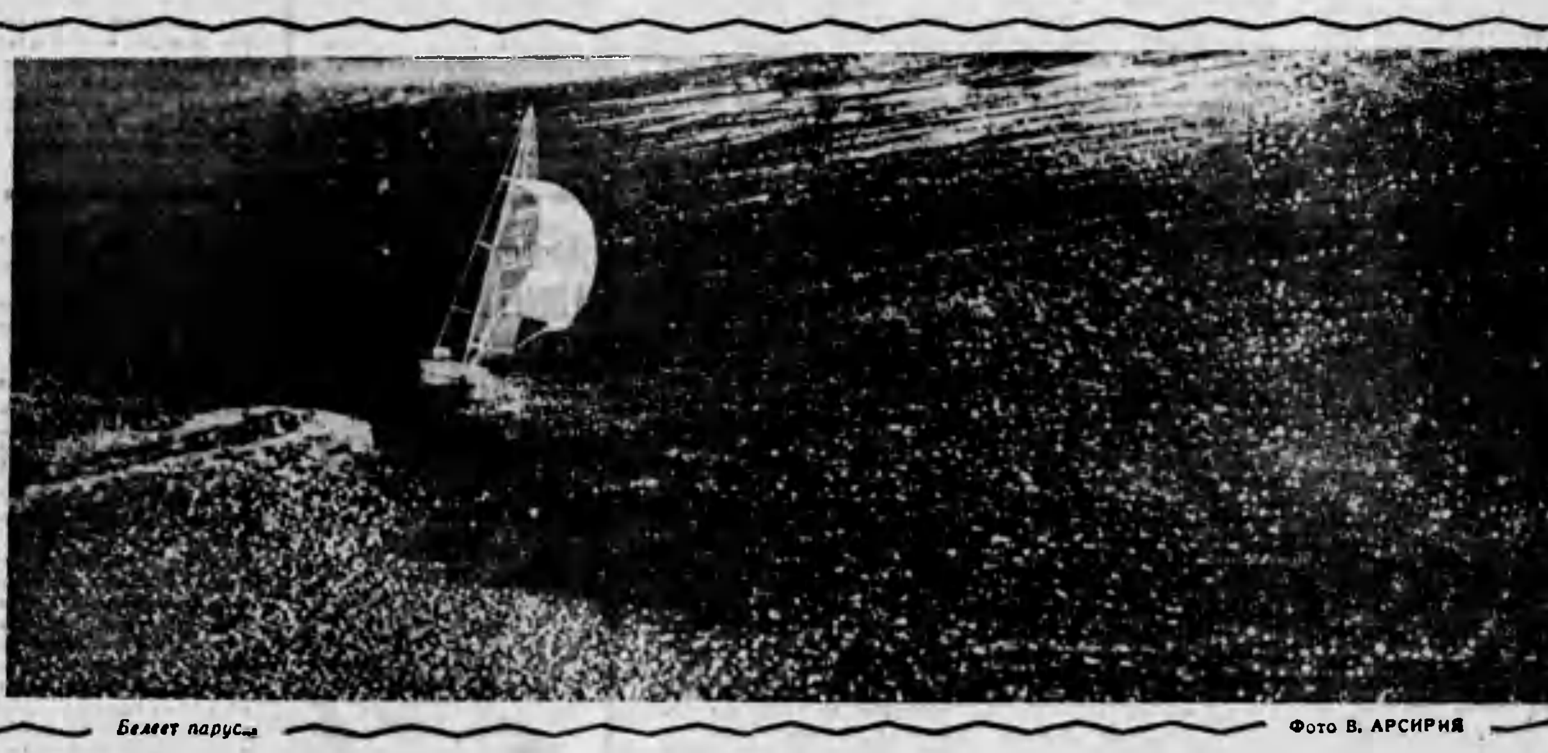
Перевел Л. ТЕМИН

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

Кизил

Одушевленный взгляд природы,
На пустыре живая сила, —
Таким я вдруг тебя увидел,
Веселый желтый куст кизила.
Сквозила тема очной ставки
С недостижимым идеалом
В том целомудрии, с которым
Ты спас мой дух, пронзенный жалом.
Ты не угаснешь, ты обязан
Светиться днем и на закате,
Души дрожащая туманность
И светлый призрак благодати!
Тебя ломают непогоды,
Чтоб вырвать с корнем дух свободы,
Но ты — живая кость природы,
Но ты — живая мысль природы.
И если вдруг в моем сознанье
Погаснешь на одно мгновенье —
Не охладится мирозданье,
Но чем зажечь стихотворенье?
Меня шатает опьяненье,
Когда костер твой — по соседству:
Ты чист, как детские печали,
И очищаешь выход к детству.
Ты тянешь огненное тело,
Душа горит неимоверно,
В пожаре твоего расцвета
Трещит асфальт, бетон модерна.
Я уничтожен этой мощью,
Недостижимым идеалом,
Фонтаном жизни, взрывом страсти,
Кровей напором небывалым.
Ты не поймешь, как я нуждался
В тебе, мой желтый куст кизила,
Какой награды я дождался,
Какая участь мне грозила!

Перевела Ю. МОРИЦ



Белеет парус...

Фото В. АРСИРИЯ

ВЫСОКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ ЗАБОТЫ

ЧИТАЯ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

Владислав ЗАЛЕЩУК

Больше двух лет прошло с того времени, как умер выдающийся советский поэт Ярослав Васильевич Смеляков. Его творчество постоянно находилось и ныне остается в центре внимания критики. Книги Ярослава Смелякова не залеживаются на прилавках магазинов и библиотечных полках. Вот и новые, посмертные публикации в журналах (подборки стихов в «Новом мире», № 8, 1973; «Юности», № 12, 1973; «Дружбе народов», № 1, 1974; «Знамени», № 3, 1975), и книга стихотворений «Служба времени» (издательство «Современник», 1975), составленная из последних прижизненных и посмертно опубликованных произведений поэта, вызвали широкий читательский резонанс.

ВЛАСТНО притягивают читательское внимание эти, казалось бы, такие непритязательные, но полные сурового пафоса и сдержанной силы строки:

Начертано твердой рукою
на знамени красном страны
спокойствие
вместо покоя,
содружество
вместо войны.

Да, это Ярослав Смеляков. Его строгие и точные слова, его постоянный, пристальный интерес к «самому главному» на земле делу — к реальной жизни ленинских идей, революционному процессу, преобразующему мир.

...Я митинги могучие
люблю,
где говорит оратор
без бумаги,
и осеняют лозунги и флаги
трибуну, на которой я стою.

Нет, не парадность, не риторика привлекают поэта: «Одной тебе, действительность сама, я посвящал листки стихотворений...». Его, шагнувшего когда-то в поэзию из наборного цеха типографии и всю жизнь накрепко связанного всем своим мироощущением, всеми симпатиями и устремлениями с жизнью рабочего класса, с делами и стройками страны, всегда тянуло на люди, к тем, кто растит урожаи, строит дома и заводы, производит материальные ценности, кто борется с трудностями и побеждает. Вкусы и эстетические пристрастия поэта во многом определяются его близостью к рабочему человеку, его любовью к труду. Вот и в последних стихотворениях Смелякова нередко звучит мотив работы: «Многообразно и в охоту нам предлагает жизнь сама душе и мускулам работу — работу сердца и ума».

И сегодня лучшие его строки говорят о высоком гражданском мужестве и самоотверженности тех, которые не только работали, но и умели побеждать в боях: «Они прошли стремительно и немо, держа всю правду в сомкнутых рядах, все звезды неба на суконных шлемах, всю пыль земли на рваных сапогах».

Новые публикации стихов вновь подтверждают: поэзия Смелякова — это поэзия высокой духовности революционного народа, гуманного, очищающего смысла революционных идей и дел. Поэтому и победное шествие людей на «Главной площади земли» не умиляет его, не наполняет душу благостным покоем; он, «уйдя в тот день от прочих дел, с духовной гордостью и жаждой на демонстрацию глядел». Как характерна для Смелякова эта оговорка — «от прочих дел»! Ведь это значит, что и участие в демонстрации для него тоже прежде всего дело, и дело особой значимости, важности: недаром и гордость его, и жажда столь емко и высоко определены — они духовны, то есть выражают все лучшее, глубинное в человеке.

Демонстрация — в ней видит поэт живое, непосредственное проявление общественных, гражданских чувств народа — «кипенье наших дум и сил». Так естественна его радость при виде красных гвоздик, «хлынувших толпою» на площадь, — ведь это цветы «советских коммунаров», напоминающие о тех, кто, «отдав жизнь одной идее преображения земли, ушли из армии в музеи, в тома истории ушли». И вслед за «комиссарами непререкаемых времен» вспомнит он и тех, кто рядом с ним в годы первых пятилеток строил новый мир:

Нам снились в дощатых
[illegible]
[illegible]
[illegible]
висящие в тучах мосты.

А утром из глины и стали
на торжище вихрей
степных
мы, песни шепча,
воздвигали
дома сновидений своих.

Нельзя не ощутить здесь высокого душевного подъема людей, как бы продолжающего «счастье штыков и флагов Октября» (о нем писал Смеляков в сборнике «Декабрь»), того пафоса созидания и борьбы, который окрылял героев его «Строгой любви» и лирического героя его давнего стихотворения «Ленин»:

Я в грозных рядах
растворяюсь,
я ветром победы дышу
и, с митинга в бой
отправляясь,
восторженно шапкой машу.

И хотя с тех пор, когда юному поэту «встречаться муза стала... в своей юнгштурмовке суровой», прошло так много лет, сегодня стихи Смелякова по-прежнему звучат покоряюще свежо и правдиво, притягивая к себе внимание читателя. Ведь лучшие из них о том, что и для поэта, и для народа озарено «любовью нетленной», «любовью тяжкой», — о революции и ее великой, преображающей планету силе. Они о том незабываемом, потрясающем чувстве, когда «одним плечом — с налета! — дверь в Историю открыта». Так писал он в стихотворении «Ленинский связной», опубликованном еще в 1970 году:

И это в самом деле он —
по самой главной теме —
меня послал из тех времен
в сегодняшнее время.

И от повадки юной той
до красной крышки гроба
я только ленинский связной
с депешею особой.

Только проникнувшись этим высоким и требовательным к себе и другим чувством поэта, можно понять то, что Белинский называл «пафосом творчества». Той глубинной основой мироощущения, миропонимания поэта, которая определяет суть его лирического характера, накладывает особый отпечаток на все, что и как он пишет...

А пишет Ярослав Смеляков так, что без боязни особого преувеличения можно сказать: все сколько-нибудь важные события нашего времени, связанные с революционизирующим влиянием Октября, с тем, о чем сам поэт сказал в последнем, посмертном сборнике «Служба времени» так поэтически самобытно — «И сейчас еще воздух насыщен электричеством ленинских слов» — нашли в его стихах эмоциональный отклик.

В его книгах вы найдете стихи о республиканской Испании и Димитрове, выступающем на фашистском процессе; раздумья о погибшем Лумумбе и борющемся Вьетнаме перемежаются с воспоминаниями о собственной суровой юности, о стройках тридцатых годов и нелегкой поре Отечественной войны.

И в сегодняшних — уже посмертных — публикациях его стихов вы с новой силой почувствуете, как остросовременен и нужен Смеляков сегодня! Как интимно-искренни его переживания общественных явлений и событий, как строг его суд, как, скажем, нелегко и непросто ему видеть и понимать то, что происходит на том «сопредельном востоке», которому было столько отдано: «...писать тяжело о Китае, еще тяжелее — молчать». Смеляков, с органичным для него чувством интернационализма и вместе с тем с его привычкой говорить прямо о самых тяжелых и конфликтных явлениях жизни и здесь не уходит от самого трагического:

Нам трудная выпала доля —
китайский услышав свинец,
былую доверчивость
с болью
из собственных вырвать
сердец.

Ибо слишком тяжелый груз лег на сердца, слишком дорогой ценой оплачены эти разочарования:

Ведь мальчики
родины милой,
исполнив присягу солдат,
уже невозвратно в могилах
вблизи от границы лежат.

Любовь и скорбь наполняют эти строки человечностью, сдержанной силой гражданского пафоса.

Какие бы стихи мы ни читали у Смелякова, нас не покидает ощущение редкостной самобытности таланта. И классические традиции стиха, которым следует поэт, не сгладили и не убавили ничего от его дерзкого умения дать обобщающе точный эпитет, определение (скажем, слово «чугунный» в «Памятнике» или часто встречающееся определение «державный» во многих его последних стихах), неожиданно столкнуть, казалось бы, несопоставимые понятия, высекая искры нового смысла, свежую волну эмоциональности («...чугунный голос, нежный голос мой», та же «тяжкая любовь»): от его жесткости и прямоты, от только ему присущего сочетания угрюмой сосредоточенности и доброты, раздражительного внимания и ласковости и подчас какой-то почти сердитой, даже злой нежности!.. Вспомните хотя бы его стихи, обращенные к молодым поэтам:

Мне б отвернуться
отчужденно,
но я нисколько не таюсь,
что с добротою
раздраженной
сам к этим мальчикам
тянусь.

Вот и в последних публикациях вы найдете рядом с суровыми строками об эпохальных событиях и международных делах не частые у Смелякова, но оттого не менее смеляковские исполненные нежного внимания и любви строки стихотворения «Жена» или обращенные к природе стихи. Скажем, эти — о светляках:

У меня на руке дымится
то ли капля холодной воды,
то ли снежная крупица,
улетевшая от звезды.

И стою я, врагов прощая,
оттого лишь, что тот огонь
так таинственно освещает
человеческую ладонь.

Много писали об историзме Смелякова, особенно в связи с его сборником «День России», с такими стихами, как «Петр и Алексей», «Меншиков». Сегодня, читая новые стихотворения, тоже нельзя не ощутить столь естественного для позднего Смелякова чувства историзма. Будь то стихи о Пушкине, расстающемся с державинским влиянием на его юную музу, или стихи о последнем приезде Ленина в Москву: «Легко ли рукою некрепкой, завидев предместья Москвы, свою всероссийскую кепку замедленно снять с головы?».

Тут поражает прежде всего психологическая точность рисунка — особенно по-смеляковски звучит слово «замедленно» — именно не «медленно», не «с усилием» или еще как-то, а «замедленно», словно передавая и самый процесс движения, и затрудненность его. А эта «всероссийская» кепка — разве не ощутима в таком определении историческая точность? Ведь при Ленине названия «СССР» или «Советский Союз» еще были слишком внове, непривычны; более «старыми», привычными были «РСФСР», «Российская Федеративная Республика». Но, помимо точности, есть тут и великолепное поэтическое обобщение. В этой «всероссийской кепке» — и всеобщее внимание, любовь к Ильичу, и его простота, доступность, близость рабочему человеку.

Особенно выразительна следующая строфа с картиной, увиденной уже как бы из наших дней:

И с той же
медлительной силой,
какою в те годы жила,
навстречу столица склонила
свои — без крестов —
купола...

В подобных стихах за каждой фразой — дыхание истории, каждая строфа емко и многогранно вбирает в себя знание эпохи, художническое проникновение в ее атмосферу.

Живым чувством истории пронизаны у поэта и многие стихи о современности. В новых подборках стихов Ярослава Смелякова ощутим и не гаснущий его интерес к современным большим делам международного плана и к гигантским стройкам, разворачивающимся на просторах нашей Родины. Уже само название стихотворения — «Бангладеш» — говорит о пристальном внимании к событиям, в результате которых совсем недавно возникло это новое государство. А стихотворение «Город Набережные Челны» — разве оно не о сегодняшнем дне преображающегося на наших глазах городка?

Ливнем переполоха,
молниями страстей
в город вошла эпоха
грузов и скоростей.

Эти стремительные строчки словно бы перекликаются с сегодняшней жаркой трудовой страдой на КамАЗе!

...А вот совсем иной Смеляков:

Стою я резко в стороне
от тех лирических поэтов,
какие видят только Фета
в своем единственном окне.

Это Смеляков-полемист. Неистовый и убежденный в своей правоте. Так откликнулся он — резко и определенно — на чрезмерное увлечение многих молодых поэтов «тихой» лирикой, традицией Фета, с погруженностью в себя, в природу, с эпигонской узостью круга интересов.

Как тут не вспомнить его признанья из сравнительно недавнего стихотворения «Постоянство»: «...я утверждать не побоюсь, что в самом главном повторяюсь и — бог поможет — повторюсь»!

Это ли не свидетельство цельности характера, выстраданной верности убеждениям, постоянства веры и идеалов?! И многообразия их лирического выражения, умения найти новые и новые грани «главной темы» жизни?

Читая посмертные публикации стихов Ярослава Смелякова, еще раз убеждаешься в том, что подлинная поэзия не умирает. А подлинность поэтического чувства Смелякова обеспечена тем, о чем так прекрасно сказал М. Пришвин: «Мой современник — это не тот, кто устраивается потребителем всего нового, а кто сам участвует в создании нового времени, кто на это душу свою положил».

АКТЕР НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ

ТВ

Все большее место в творческой жизни современного актера — наряду с театром и кинематографом — занимают работа на телевидении, участие в телеспектаклях, телефильмах, литературных передачах. Итак, телевидение как новая сфера творчества для артиста.

Сегодня актеры, чьи имена часто встречаются в программах телевидения, отвечают на вопросы корреспондентов «ЛГ»:

1. Какие творческие проблемы, стоящие перед артистом, работающим на телевидении, вам кажутся наиболее актуальными?

2. Что вам как исполнителю дало телевидение?

3. В чем вы видите специфику актерской работы на телевидении?

Олег ТАБАКОВ: РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ ЛИЦА...

1. Я не решаюсь делать теоретические выкладки. Но попробую, если у меня получится, на собственном примере проследить определенные закономерности рождения новой — я уже не помню, какой по счету — музы. Должен сказать, что моя карьера на голубом экране складывалась неровно. Впервые я был приглашен на телевидение в 1957 году, сразу после окончания училища. Это было время первых шагов в художественных, специально для телевидения поставленных спектаклях. Как мне помнится, эти спектакли шли в эфир без записи. Я сыграл в телеспектакле «Рисунок карандашом». После этого я, кажется, лет шесть или семь не появлялся там, не играл. Но в те же годы попробовал на телевидении свои силы уже как режиссер, поставив спектакль-водевиль. Поставил его плохо и тем самым еще на какое-то время отринул себя от телевидения. Затем, года через два, наши контакты наладились. И вот недавно я сыграл в телефильме режиссера В. Храмова «Конек-Горбунок». Это, если можно так сказать, монофильм. И, наконец, главная роль в экранизации «Шагреневой кожи» Бальзака.

Правда, была еще «Обыкновенная история», но это театральный спектакль, лишь в телевизионной «транскрипции».

В актерском ремесле, будь то выступление на телевидении или в театре, самое главное — это серьезность работ. И, скажем так,— ответственность перед зрителем. Взаимоотношения зрителей и артистов очень похожи на взаимоотношения влюбленных. Происходит первая встреча, и если она не разочаровала, то возникает потребность увидеться еще раз. Вторая встреча принесла радость. И они стремятся встретиться вновь и вновь. Тогда каждая встреча — счастье.

Становится особенно реальным понятие ответственности: да, она существует, в это трудная ноша. Остается ли эта ответственность перед невидимым зрителем? Может быть, она даже больше, потому что аудитория больше.

Театр, несомненно, искусство демократическое, но все же редко какая постановка может быть рассчитана на миллионы зрителей сразу. А телевидение «принудительно усаживает зрителя к экрану, и тот смотрит спектакль. Не очень-то некоторых интересует «Шагреневая кожа», может быть, для других она вообще сложновата сегодня. Но телевидение серьезно занимается просветительством. Во всяком случае, в последние несколько лет я увидел по телевидению ряд произведений большой литературы. Я имею в виду трилогию Л. Толстого, почти все чеховские постановки, булгаковского «Мольера», прозу Белова. Изначально для работы берутся сложные и прекрасные произведения. Постоянная культуртрегерская работа, которую телевидение не всегда совершенно, но очень серьезно выполняет, — это, конечно, доброе, настоящее дело. Наверное, не на все сто процентов была удачной «Шагреневая кожа». Но она — из этих, по достоинству сложных работ. И это ставит перед нами, исполнителями, особой сложности задачи.

2. По сути дела, актер — если он серьезно относится к своему делу — в течение всей своей жизни рассказывает историю этой жизни. Только в этом качестве его работа и имеет смысл. Я отрицаю, как само собой разумеющееся, дарование. Мне кажется особым приметой появившиеся в последние 10—15 лет актеров то, что они сильны выражением в искусстве собственной темы. Но, может быть, и это в актерском искусстве сегодня — тоже вчерашний этап?

Профессия актера прекрасна бескрайностью своего горизонта. Это впрямую касается и телевидения, потому что актеры сейчас там собраны, пожалуй, лучшие, и телевидение дает им возможность проявиться в разных гранях, попробовать себя в том, что, казалось бы, вовсе тебе не подходит.

Есть здесь и еще один поворот проблемы... Не все можно в своем театре. А я вообще отношусь к тем артистам, которые не мечтают беспланово, что ли. Я не умею «просто мечтать», как не умею жаловаться: что-то упустил, не сыграл. В конечном итоге жаловаться — это занятие непочтенное, и уж совсем не мужское. Если есть потребность играть, то эта потребность отзовется, тем или иным способом она должна исторгнуться из тебя. Скажем, когда у меня не было ролей в театре, я уходил сниматься в кино. Мне могут возразить: «А! Тебя вот берут в кино!» Ну, хорошо. А Качалова Василия Ивановича в кино не брали, но когда он не играл в театре — работал для эстрады, редко. Поэтому, если я мечтаю об Обломове или о Швейке, о каком-то странном синтезе Дон Кихота и Санчо Пансы, или Пантагрюэле Рабле, или об Иване Африкановиче из повести «Привычное дело» Василия Белова, или иных ролях, я знаю, что должен это сделать.

Но в театре репертуар складывается по-разному, и актер не вправе сетовать, что не дают ему сыграть то, что особенно хочется, о чем он думает. Ну что же делать, жизнь театра определяется сложными законами, отнюдь не мечтами одного актера. А играть хочется. Много играть, и разное... Поэтому телевидение — счастливое изобретение XX века, позволяющее сделать многое из того, что ты не можешь реализовать на сцене.

Сегодня выход за пределы театра — это естественное состояние для актера. Не будь радио, телевидения, я чувствовал бы себя обделенным.

И еще. Есть, конечно, такие вещи, которые я мог бы поставить или сыграть и в театре. Например, Клим Самгин. Но я хочу сделать это на телевидении. Клим Самгин — это находка для телевидения.

3. В последние годы мы уже можем говорить о том, что театральный актер, придя на телевидение, обретает некие новые, не свойственные ему ни в театре, ни в кино черты. Обретает, что ли, особое телевизионное лицо. Конечно, это случается с актером, который находится в той счастливой поре, когда есть силы — с одной стороны, а с другой — уже есть умение и та мера профессионализма, которая не позволяет опуститься ниже определенного уровня. Кроме того, для театрального актера выступление на ТВ не обязанность, а актерское волеизъявление, выбор.

Где-то я слышал, что в кино актер приносит из театра отработанный пар, а ТВ, напротив, помогает ему раскрыть то, что еще не использовано. Мне думается, что это очень близко к истине. И понемногу я начинаю думать, что ТВ — это второй после театра родной дом для актера. Я ценю работу на телевидении и не позволяю себе на ТВ работать теми же средствами, которые успел использовать в театре. Дело, наверное, не столько в «новом», в чем-то приготовленном «специально для телевидения», в в состоятельности литературной, которую мне предлагает ТВ. Отправная точка всего — театр. ТВ, кино — это художественная литература. Но ТВ сейчас выигрывает здесь.

Определяется это, в первую очередь, серьезностью задач. Подробной, тщательной разработкой литературного источника. И, конечно, тем, что в центре — заметьте! — находится актер. Именно актер «делает погоду» на телевидении — в любых телепостановках. И поэтому вроде бы обычный язык телевизионного повествования «Плотницких рассказов» Вас. Белова становится прекрасным языком искусства, сложным и современным, благодаря Бабочкину, Константинову. ТВ завоевало позицию уважения к первоисточнику. Посмотрите, как в связи с этим резко поднялся актерский уровень в телевизионных работах последних лет!

Кроме того, телевидение уже в состоянии отойти от традиционных форм подачи материала. В сказке Ершова «Конек-Горбунок» я исполнил все роли. Я думаю, что сделал эту работу вовремя. Во-первых, для себя, потому что как актер понял: смогу это сделать, уже достаточно накоплено, собрано. А получается, что и для телевидения «Конек-Горбунок» сделан вовремя, как свидетельство того, что может сегодня ТВ. И еще одно чрезвычайно важно для актера, играющего на ТВ — раскованность. Не демонстрация себя самого — в этом многие актеры преуспели, а «слезы над вымыслом». Над вымыслом! К чему, собственно, и призывал Пушкин. Я помню телевизионную работу Юрского в «Кюхле» по роману Тынянова. Очень сложный автор, страшно трудная роль. Но был в этой работе дух Тынянова!

Уникальность — вот, наверное, настоящее имя актерской работе в «Кюхле» и в тех телевизионных постановках, о которых в здесь упоминал. Их трудно — или даже невозможно — повторить ни в театре, ни в кино.

Михаил КОЗАКОВ: ...И БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. На телевидении особенно важно разнообразие. Тут есть опасность примелькаться, если будешь много работать, а, естественно, работать хочется много. Выход, по-моему, один — в разнообразии материала и ролей. (Конечно, при высшем уровне литературной основы.) И я всегда думаю: «Ага, я сыграл такую-то роль, теперь важно не повториться». И поэтому мне бросает от Джеки Бервена в многосерийном телефильме «Вся королевская рать» к чеховскому «Жильцу» и водевилям, и тут же, в этом же году, я выхожу читать лирику Пушкина, Тютчева и прозу Тынянова. Я никак не хочу умалить достоинства своих коллег, но лично я никогда бы не согласился участвовать в цикловой передаче. Потому что волей-неволей становишься «от» и любимой, но маской. Что бы ни играли и как бы великолепно ни играли, скажем, Ольга Аросева или Спартак Мишулин, все равно: «О, ленч Моники!», «А вон ленч Директора». Может, я и ошибаюсь, как говорится, мне видней, но мне интересно другое: ты живешь, ты меняешься, познаешь мир,— это-то, мне кажется, и имеет смысл передавать, отражать в ролях.

Вот возьмем Леонида Каневского. Я искренне люблю и уважаю его, работаю с ним в одном театре. Действительно очень талантливый человек. Передача «Следствие ведут Знатоки» принесла ему огромную популярность. Но в то же время он стал «Шуриком», как когда-то другим «Шуриком» был Александр Демьяненко. Каневского я пригласил на роль Гестингса в телеспектакле «Ночь ошибок», потому что высока цена его и потому что для роли нужен был актер таких данных. Мне кажется, что с ролью он справился прекрасно. Он совершенно иной, чем в «Знатоках» и по сути, и чисто внешне: камзол, пудреный парик и т. д. Но опасность «опознания» в герое XVIII века любимого капитана милиции, существует...

2. Актер не должен ограничивать себя. Мне безумно интересно пробовать силы в разных жанрах. И эту возможность предоставляет мне телевидение. Кроме новых ролей, еще соучастие. В кино, как правило, бывает репетиция только отдельных эпизодов, а при подготовке телеспектакля существуют прогоны, как в театре. Это тоже одно из преимуществ ТВ. Когда актер видит прогон того, что будет сниматься, он понимает целое и свое место в нем. Он соучастник. А снимаясь в фильме, не знаешь, как смонтируют, где найдется место твоему эпизоду и вообще, не вырежут ли его.

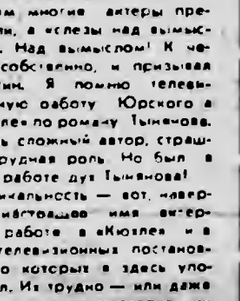
Отсюда обычное актерское жалобе: «Вырезали самое интересное...» И поверьте, что иногда обидно до слез. Чувствуешь себя без вины виноватым. Бывает, конечно, и так, что вырезанное пошло только впрок роли. При участии актера в телевизионном спектакле шансы возрастают, он менее зависим от режиссера, хотя бы потому, что результат сделанного он видит на мониторе, стоящем в съемочном павильоне.

На телевидении, кроме того, меня привлекают литературные чтения. Телеэкран дает чтецу огромные возможности. Не требуется форсировать голос, можно читать интимно, в лирике обычно предполагает такую интимность. Прибавьте музыку, интерьер. Телевидение — идеальное место для чтения. И мне, конечно, хотелось бы побольше поработать в этом жанре, но тут очень важен выбор материала (вот и вернулись к тому же вопросу). Смотришь, артист великолепно прочитал отличную поэзию, а через неделю-другую тем же голосом, с той же отдачей — пятисортные стихи. И я перестаю ему верить. Экран — слишком мощный инструмент эмоционального воздействия, и его нельзя использовать для популяризации посредственных вещей.

3. В последние годы вопрос о специфике работы на телевидении стал традиционным. И, видимо, несвоевременным. Мне кажется, его нужно рассматривать с разных точек зрения. Я снимался в телефильмах и односерийных, и многосерийных и думаю, что работа актера в телефильме практически ничем не отличается от работы в обычных художественных киноартистах. Подчеркиваю, я говорю с точки зрения актера, а не режиссера или зрителя. Что касается телеспектаклей и передач, снимаемых на видеопленку (а это, по-моему, и есть специфически телевизионное искусство), то здесь выразительные средства актерской игры отличаются от средств театрального исполнения. Мне доводилось участвовать в спектакле «Обыкновенная история» на сцене «Современника», потом на гастролях во Дворце культуры, где 2 тысячи зрителей, громадная сцена, и, например, этот же спектакль шел в Доме ученых, где зал совсем камерный. Суть роли не меняется, но средства донесения ее до зрителя иные. Тот же спектакль затем ставился на телевидении — и это уже было другое искусство. Задания режиссера меняются — меняется и рисунок игры. Наглядный пример. В театре — мимика, жест, на телевидении — «микромимика», «микрожест». Камера ближе, чем театральный зритель, микрофон рядом...

На телевидении снимаемый кусок значительно длиннее, чем в кино. Нужно прожить не экране не 3—5, а 15 минут, и прожить их так же интенсивно. В этом смысле работа на ТВ мне кажется сложнее, чем в кино. Здесь чистый синтез театра и кинематографа. И сегодня без этого синтеза, именуемого телевидением, я не мыслю своей актерской судьбы.

Армен ДЖИГАРХАНЯН: ...И БЕСКРАЙНИЙ ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ



1. Я убежден, что на телевидении существует проблеме, к которой мы мало обращаемся,— неуправляемый «зал». В театре не зрителя воздействует не только игра актеров, но и реакция соседе справа, слева, сзади. Телевизионная же аудитория разобщена. Эта разобщенность определяет какой-то средний уровень телеспектаклей. Я очень боюсь теоретизировать по этому поводу, но в театре возникают конфликты не только на сцене, не только между сценой и залом, но и массе микроконфликтов в зале. Каждый зритель в спектакле видит свое, смеется и печалится о своем. Зритель приходит в театр не только получить эмоциональный заряд со сцены, но и обменяться эмоциями с соседом. Театральный спектакль вовсе не обязан только лишь нравиться, «легко скользить» по чувствам зрителя. Он может раздражать, элитировать привычное восприятие. Но для восприятия этого нужна сложная атмосфера зала.

Бывает, картина на выставке вызывает зрительский интерес, споры, но дома на стенку ее не повесишь. Дома должна висеть картина, которая нравится. По-моему, телевидение — это «домашнее» искусство.

2. В первую очередь, телевидение мне дало, конечно, роли, которые я не смог бы сыграть в театре, поскольку их нет в репертуаре. А я вообще-то жадный, что ли. Мне каждый раз кажется, что новая работа обогатит меня. Может быть, чисто лично. Новый режиссер, партнер, декорации — все ново. Для меня это совсем не маловажно.

...Бывали случаи: соглашался играть в телепостановке, казалось, все легко, но потом выяснялось, что у нас «разные группы крови». Бывало, я, напротив, отказывался, а после кусал локти.

С огромным увлечением играл в Артузова в телефильме «Операция «Трест», шантажиста в одной из серий «Следствие ведут Знатоки».

А вот д'Артаньян... Ни одна из моих работ на телевидении не вызывала столько упреков. Пришлось оправдываться и, конечно, думать — где и причина зрительского неприятия. По-моему, тут обоюдная ошибка. Зритель ждал «Трех мушкетеров», мы ставили «Двадцать лет спустя». Мы хотели показать, что сталось с этим человеком — олицетворением чести и отваги. Во что он превратился через 20 лет. Знаете, как в притче о художнике, решившем написать Иуду? Долго искал, наконец нашел подходящего натурщика. Пригласил позировать, а тот и говорит: «Вы меня не помните? А ведь с меня вы Христа писали 10 лет назад». Свое приглашение на роль я так и понял. Внешнего-то сходства с д'Артаньяном у меня никакого. Но зато с меня «Христа писали», то есть я играл однотипные «положительные» роли. И мне показалось интересным представить д'Артаньяна, которого все считают прежним, а он давно уже служит кардиналу, обманывает бывших друзей. Но, видимо, что-то не удалось, раз приходится все это объяснять словесно.

3. Может быть, я облегчаю себе жизнь и избегаю трудностей, но мне кажется, что думать о телеспецифике — не мое дело. Это забота режиссера. Я же должен сыграть правдиво.

Есть классическое выражение, объясняющее, что такое образ: предлагаемые обстоятельства плюс индивидуальность актера. Я стремлюсь к тому, чтобы все было правдиво — как в жизни. Да-да, как в жизни. Хотя сейчас это выражение порой произносится с иронией. Другой разговор, что не всегда удается.

Естественно, во время работы для ТВ вносишь какие-то коррективы, но все это настолько незначительно, несущественно, что, ей-богу, о них и говорить не стоит. Если достигнуто главное — узнаваемость, то никогда не возникает желания крупного плана, «правдивого мягкого шепота». И все так называемые «чисто телевизионные» приемы подачи отходят на второй план. Когда роль хорошо написана и правдиво исполнена, тогда все равно, каким планом снимать, тогда можно говорить в полный голос и даже кричать — все будет естественно и оправданно.

Кажется, Чарли Чаплин сказал: «Я хотел бы, чтобы мои ноги играли так же правдиво, как и глаза». Тут речь о правильном пребывании в предлагаемых обстоятельствах. Я не могу играть частями: только руки, только ноги, только лицо. Я вхожу в роль целиком, и если в данный момент на экране лишь мое лицо, то это не значит, что руки нужно спрятать в карманы, чтобы не мешали. Напротив, они тоже должны играть: ведь в человеке все связано, и это как-то, пусть косвенно, но отражается на лице. Что делают хитрые, скажем так — хитрые режиссеры! Они устанавливают камеру на какой-то средневатый план. Потом оказывается, что по договоренности с оператором (благо есть трансфокатор) камера брала тебя то в полный рост, то одни, например, глаза. А я ведь не знаю и играю так же, как играл бы в театре. Особой телеспецифики игры я лично не вижу, по-моему, тут нет проблемы и театр телеактера пока создавать рановато.

КАК ВОЗНИКАЮТ СЮЖЕТЫ

«ПО ГОРЯЧЕМУ СЛЕДУ»: ГЕРОИ, СОБЫТИЯ

Самый популярный человек на экранах эстонского телевидения — Мати Тальвик. По средним социологическим опросам зрителей выдвинул этого молодого телекомментатора на первое место.

А начиналось все так... Несколько лет тому назад эстонское телевидение организовало экспериментальные передачи новостей «Зеркальная программа». Автор и ведущий — Мати Тальвик — хотел придать большую живость и эмоциональность информационным передачам, охватывающим различные события жизни — от международной хроники до новостей спорта, — сделать их более зрелищными.

— Однако поначалу эта серия, — рассказывает Мати Тальвик, — мало чем отличалась от обычного калейдоскопа новостей. Мы начали выпускать новую программу «О чем шумит кукушка». Однако «Кукушка» взяла слишком сильный крен в сторону развлекательности, и за это подверглась справедливой критике. Поиски «золотой середины» мы продолжали в серии передач «Время в увеличительном стекле»...

В этой серии передача новостей перемежалась с выступлениями артистов, самые актуальные темы иллюстрировались киноочерками с места событий.

Однако органическое единство между информацией и концертными номерами достигалось с трудом.

Мати Тальвик продолжал поиск. Убедившись, что для синтеза развлекательного и публицистического элементов недостаточно чисто внешних приемов, он стремится найти высокую эмоциональную выразительность внутри самой информации.

Так возникла серия передач «По горячему следу». Певицы в блестках исчезли, уступив место новым в эстонской телепублицистике персонажам.

Однажды, например, Мати Тальвик рассказал о восьмидесятилетней Ксении Зевдорф. Она родилась в семье батрака в деревне на берегу Чудского озера. В юности убежала из дому, попала в цирк, работала сначала уборщицей, потом выступала на женщина-борец, объездила с цирком полсвета. Болела сыпным тифом в гражданскую, работала на стройке, вышла замуж, служила санитаркой в Советской Армии, участвовала в боях под Сталинградом. После войны, узнав о гибели мужа, она вернулась в свое родное село... Это был рассказ о жизни необычной, о личности незаурядной.

Передачи «По горячему следу» вышли на просторы подлинной публицистики, заговорив о месте человека в обществе, его долге и обязанностях.

При этом Мати Тальвик не отказался от развлекательных моментов, но, в отличие от предыдущих программ, в этих передачах общий эмоциональный настрой документального материала подсказывал и характер оформления. Комментатор привлекал молодых артистов — они готовили номера, соответствующие теме передач, — обработки народных песен, пародии на «мещанские романсы»...

Как Мати Тальвик находит темы и сюжеты для своих передач?

— Конечно, я завишу от факта, но я верю в него, — говорит Тальвик.— Верю, что можно найти такие факты, которые требуют «необщего» подхода. Они повсюду: о них говорят друзья, знакомые, коллеги. У каждого журналиста много подобных историй, но обычно они не «ложатся на тему». Вот я и пытаюсь разрабатывать то, что вроде бы лежит между привычными для теледокументалиста фактами. Вглядываюсь в «междутемье», и оказывается, что в нем бездна интересных сюжетов.

Конечно же, мне пришлось многому учиться у моих коллег. Помню, как проводил свое первое интервью с посетителями кафе «Мосива». Задавал заковыристые вопросы, на которые мои бедные собеседники совершенно не знали, что ответить. Я казался себе очень умным, а людей сидящие напротив, очень непонятливыми. Я был в высшей степени доволен собой. И очень удивился, когда узнал, что мои коллеги в высшей степени недовольны мной. Тогда я стал учиться задавать вопросы просто и естественно, слушать, что мне рассказывает человек, у которого я беру интервью, и не мешать герою своим присутствием. И постепенно приучал себя к точному отбору фактов, к созданию такой атмосферы, когда интервьюируемый может раскрыться полностью.

Начав с попыток сделать более занимательной обычную информацию, молодой комментатор нашел свою манеру беседы: смешное и печальное, обличительный смех и остроумное слово, смелая лепка характеров — все сочетается в его передачах в единое целое.

Татьяна ЭЛЬМАНОВИЧ

ТАЛЛИН

Многосерийный телефильм «Такая короткая долгая жизнь». В ролях — А. Лазарев, Женя Можейко и Л. Овчинников.

СКОРО ПРЕМЬЕРА

Экранизируется пьеса А. М. Горького «Фальшивая монета» (постановка Б. Бабочкина). В ролях — Л. Щербинина и В. Бабятинский.

На основе спектакля Большого театра снимается фильм-балет «Жизель».

Фото А. и Н. АГЕЕВЫХ

Сцена из телеспектакля «Светлые ожидания» (по произведениям А. И. Куприна).

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

С МЕСТА СОБЫТИЯ

«КТО ЖИВЕТ, ТОТ БОРЕТСЯ»

Организаторы международной встречи сторонников мира, посвященной 30-летию Победы над фашизмом, не случайно собрались в столице Белоруссии, города-героя Минске. Как сказал на торжественном открытии председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов, каждый четвертый житель Белоруссии не дождался Победы, и все же Победа была завоевана!

— Сегодня мы еще раз даем клятву: «Никогда не должна повториться Хатынь! Никогда не должна повториться Сонгми!» — провозгласил в своей речи генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

А руководитель французской делегации, бывший мэр города Гренобля Раймон Перинетти напомнил о том, что есть во Франции местечко Веркор, где нацистами было уничтожено 700 человек, и как в Орадуре, как в Лидице, как в Хатыни, там были старики, женщины и дети...

— Пусть война уйдет в прошлое! — воскликнул бывший участник движения Сопротивления. — Но ничто не дается без усилий, без борьбы. Будем же бороться за мир. Как говорится в одном стихотворении Гюго, «тот, кто живет, тот борется».

Участники международной встречи — желанные гости города-героя. На торжественном открытии перед ними выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров. Волнующими были митинги в Белорусском государственном университете, в колхозе имени Гастелло Минского района, на заводе холодильников, на тракторном и моторном заводах. Всюду на трибуну поднимались и зарубежные гости, и представители трудовых коллективов. Всюду звучали страстные призывы к активной борьбе за мир и дружбу между народами. Были возложены венки к монументу Победы в Минске. Большое впечатление произвело на участников встречи посещение Музея истории Великой Отечественной войны, Выставки достижений народного хозяйства Белоруссии, Дворца культуры Минского тракторного завода, ознакомление с городом, с лучшими лентами кинодокументалистов. Гости осмотрели мемориальный комплекс Хатынь и курган Славы.

В обсуждении докладов С. С. Смирнова и Р. Чандра на симпозиуме «Историческое значение разгрома гитлеровского фашизма. Борьба миролюбивых сил против угрозы неофашизма» выступили делегаты из разных стран Европы, Азии, Америки...

Единодушно было принято заявление участников международной встречи сторонников мира, посвященной 30-летию Победы над фашизмом.

Ю. ВАРШАВСКАЯ,
В. ПОНОМАРЕВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
МИНСК. (По телефону)

С помощью жестокого террора пытается удержать власть в Чили фашистская клика Пиночета. Страна окутана сетью концентрационных лагерей, валита кровью патриотов.

Фотографии, которые мы публикуем, являются документальными свидетельствами преступлений чилийской хунты.

На снимках: вверху — «специальная обработка» заключенных, цель которой — добиться от них слепого повиновения. Внизу — охранники лагеря «Ритока» за «работой». В этом лагере каждый день смертельная опасность подстерегает Луиса Корвалана и других заключенных.

Фото из еженедельника «Юманите диманш» (ФРАНЦИЯ)

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ПО ПУТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

Успешно развиваются связи между Советским Союзом и Сомалийской Демократической Республикой, ширится сотрудничество в политической, экономической и культурной сферах, происходит обмен визитами государственных деятелей. 14 мая в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный принял вице-президента Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики, государственного секретаря по делам обороны дивизионного генерала Мохамеда Али Самантара. В ходе беседы были затронуты вопросы дальнейшего укрепления и развития дружественных отношений между двумя странами. Сегодня мы публикуем интервью с Президентом Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики Мохамедом Сиадом Барре, взятое специальным корреспондентом «Литературной газеты» Е. Сидоровым, который побывал недавно в Могадишо.

— Товарищ президент, советские люди с глубоким вниманием следят за демократическими преобразованиями в Сомали. Не могли бы вы вкратце охарактеризовать главные аспекты революции 1969 года?

— В основе философии нашей революции — единство народа, свобода, равенство, справедливость и прогресс в духе научного социализма. За время, прошедшее с 21 октября 1969 года*, мы положили конец коррупции, а также вражде между различными народностями, населяющими нашу страну. Мы обеспечили единство, народ находится на правильном пути и видит результаты своего труда. Сомалийцы уверенно смотрят в будущее, с энтузиазмом борются за дальнейшее развитие своей родины, используя отечественные ресурсы и опираясь на помощь дружественных стран.

Каждая революция включает в себя политические, социальные и экономические элементы. Если говорить откровенно, сегодня нас больше занимают не проблемы культуры, хотя мы и придаем им огромное значение, а экономические вопросы.

В Сомалийской Демократической Республике сложилась тяжелая экономическая ситуация. Наш народ с помощью дружественных народов других стран, и в первую очередь Советского Союза, самоотверженно преодолевает трудности. В свое время советским людям тоже пришлось преодолеть немало трудностей. В горе и счастье, в радостях и бедах мы должны быть вместе. Вот почему я придаю такое большое значение братству наших народов. Прошлогодний визит товарища Н. В. Подгорного в Сомали еще больше укрепил тесные связи между нашими странами. Мы благодарны Советскому Союзу за помощь в развитии национальной экономики, подготовке национальных кадров, укреплении обороноспособности. По моему глубокому убеждению, наша дружба должна шириться и крепнуть.

Великая Октябрьская социалистическая революция — мать всех социалистических революций в мире, без нее была бы невозможна и наша революция.

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу сказать, что Верховный революционный совет Сомалийской Демократической Республики предпринял очень серьезные шаги на пути развития национальной культуры и образования. Два года назад мы ввели письменность на языке сомали. Раньше преподавание в сомалийских школах велось на арабском, итальянском и английском языках. Разве это нормальное явление? Ведь сомалийский народ имеет свою культуру и свой язык. Должен сказать, что за два года мы добились немалых успехов. Практически повсюду — в учреждениях, в прессе и, конечно, в школах — сомали стал основным языком.

Но этим мы не ограничились. Мы решили продвинуть национальную письменность в сельские районы, чтобы она стала достоянием самых широких масс. В стране развернулась кампания по ликвидации неграмотности среди скотоводов-кочевников, которые составляют примерно 60 процентов всего населения. Учителя, студенты, школьники старших классов, организованные в небольшие группы, живут в сельских районах и учат грамоте крестьян, работая вместе с ними. Там, в кочевьях, — корни сомалийской национальной культуры. И поэтому процесс культурного обогащения здесь носит обоюдный характер. Юноши и девушки из города не только учат грамоте крестьян, но и сами усваивают подлинно народную культуру — фольклор, обычаи, обряды.

Члены групп по ликвидации неграмотности собирают сведения о народной медицине, изучают народное судопроизводство. Этот огромный и необычайно интересный материал будет обработан нашими учеными.

Такая работа имеет не только культурно-историческое, но и вполне практическое значение. Законы, которые пока еще действуют в нашей стране, основаны не на сомалийских традициях, а представляют собой, по существу говоря, своего рода «кальку» итальянского и английского права. Дух и буква подобных законов нередко чужды народному сознанию. Изучив древнюю культуру нашей страны, мы сможем более органично и целостно отразить социалистическую и национальную природу своего развития в законах Сомалийской Демократической Республики.

— Организация Объединенных Наций объявила 1975 год Международным годом женщины. Не могли бы вы в этой связи прокомментировать решение Верховного революционного Совета СДР о равноправии женщин в республике?

— Каждый подлинно революционный закон отражает социальные и экономические тенденции общественного развития. Даже если бы ООН не объявила нынешний год годом женщины, мы все равно приняли бы это постановление, так как наше общество исповедует принципы равенства граждан, независимо от расы, пола или цвета кожи. Мы должны были покончить с социальным неравноправием женщин. Конечно, мы понимали, что в стране, где сильны традиции мусульманской религии, такой закон может натолкнуться на серьезную оппозицию. Предпринимая этот решительный шаг исторической важности, мы знали, на что идем. Мы отчетливо представляли себе, что силы реакции не будут бездействовать, что форма их борьбы против равноправия женщин примет религиозную окраску. Так оно и получилось. Однако большинство сомалийцев с глубоким пониманием восприняло новый закон. Приняв его, правительство выполнило свой демократический, революционный долг перед народом.

— Каковы, на ваш взгляд, перспективы культурного сотрудничества между СССР и Сомалийской Демократической Республикой?

— Я считаю, что перспективы превосходны. Культура и наука в Советском Союзе высоко развиты. У вас отличные учебные заведения. Мы же только начинаем строительство свободной революционной культуры и высоко ценим братскую бескорыстную помощь СССР в этой сфере. С другой стороны, то, что происходит сегодня в Сомали, открывает для народов Африки новые перспективы. Новые, прогрессивные формы общественного и культурного развития несут в себе элементы не только сомалийского, но и — в известном смысле — интернационального опыта. Таким образом, и для советских людей он может представить безусловный интерес.

* 21 октября 1969 года в Сомали произошел военный переворот. 1-я Хартия революции провозгласила целью новых властей создание «общества, основанного на труде и социальной справедливости». (Ред.)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР ВЬЕТНАМА

С 15 по 17 мая по решению ВРП РЮВ торжественно праздновалось освобождение Юга. В главном городе Южного Вьетнама Сайгоне, который отныне будет носить имя Хо Ши Мина — выдающегося деятеля коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, 85-летие которого недавно торжественно отмечали вьетнамские трудящиеся, — нормализуется жизнь. Люди вернулись к повседневным трудовым заботам.

Подобный ход событий опровергает утверждения буржуазной пропаганды о якобы имевших место в Сайгоне столкновениях и репрессиях. Признания корреспондента ЮПИ Алана Доусона, которые мы публикуем ниже, свидетельствуют о том, что американский журналист столкнулся в Сайгоне с тем, во что ему очень не хотелось верить. Его корреспонденция, однако, подтверждает: в столице Юга все спокойно, во Вьетнаме наступил долгожданный мир.

Жители Сайгона приспосабливаются к новой жизни при коммунистическом правлении, и она начинает им даже нравиться.

Угроза кровопролития рассеялась, и, хотя пока будущее представляется неопределенным, настоящее не внушает никаких страхов.

Сейчас сайгонцы совершенно спокойно подходят к солдатам на улице, чтобы поболтать с ними.

— Они разговаривают очень вежливо, не так, как прежние солдаты правительства, существовавших до коммунистов, — сказал один сайгонец.

Пока еще, например, не было ни единой драки с участием солдат в Сайгоне. Не было также ни одного случая, чтобы солдаты уходили из бара или ресторана, отказываясь заплатить по счету.

Если какой-нибудь сайгонец или даже иностранец подсядет к солдату нового режима, чтобы выпить с ним стаканчик кока-колы или кружку пива, тот просто не даст вам платить. Солдат достает свои пиастры из тощего бумажника или пластмассового мешочка и требует подать счет.

Несколько дней назад около 40 вьетконговских солдат (так называет западная пропаганда бойцов Народно-революционных сил. — Ред.) вступили в пригород Сайгона после его захвата 30 апреля и попросили пустить их на ночлег и дать им что-нибудь поесть.

Жители приготовили немного риса с рыбой. Утром солдаты ушли, и жители сочли, что накормили их даром.

Примерно через два часа к дому подъехал джип, и удивленным — и благодарным — жителям передали мешки риса.

Такие мелочи много значат в Южном Вьетнаме, особенно сейчас, когда безработица достигла колоссальных размеров, и даже люди, имеющие деньги на счету в банке, не могут получить их в ожидании правительственной ревизии.

Щепетильность и честность в отношениях с людьми всегда были непременным аспектом доктрины партизанской войны в последние тридцать лет, и трудно найти более щепетильных солдат, чем вьетконговские.

«Не берите у населения даже иголки с ниткой», — гласит одно из правил, которые всем участникам вьетнамской революции надлежит учить наизусть.

Нельзя не удивляться тому, насколько хорошо усвоен этот урок.

Поэтому жизнь в Сайгоне вернулась в нормальное русло: магазины открыты, рынки торгуют, и рестораны вновь начинают функционировать.

Не было ни единого сообщения о репрессиях в районе Сайгона.

Истории о кровопролитии в некоторых центрах провинции, рассказывавшиеся американскими должностными лицами, сейчас опровергаются людьми, прибывающими оттуда, у которых нет никаких оснований лгать.

В Сайгоне радуются, что во Вьетнама наступил мир.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР ВЬЕТНАМА

С 15 по 17 мая по решению ВРП РЮВ торжественно праздновалось освобождение Юга. В главном городе Южного Вьетнама Сайгоне, который отныне будет носить имя Хо Ши Мина — выдающегося деятеля коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, 85-летие которого недавно торжественно отмечали вьетнамские трудящиеся, — нормализуется жизнь. Люди вернулись к повседневным трудовым заботам.

Подобный ход событий опровергает утверждения буржуазной пропаганды о якобы имевших место в Сайгоне столкновениях и репрессиях. Признания корреспондента ЮПИ Алана Доусона, которые мы публикуем ниже, свидетельствуют о том, что американский журналист столкнулся в Сайгоне с тем, во что ему очень не хотелось верить. Его корреспонденция, однако, подтверждает: в столице Юга все спокойно, во Вьетнаме наступил долгожданный мир.

Жители Сайгона приспосабливаются к новой жизни при коммунистическом правлении, и она начинает им даже нравиться.

Угроза кровопролития рассеялась, и, хотя пока будущее представляется неопределенным, настоящее не внушает никаких страхов.

Сейчас сайгонцы совершенно спокойно подходят к солдатам на улице, чтобы поболтать с ними.

— Они разговаривают очень вежливо, не так, как прежние солдаты правительства, существовавших до коммунистов, — сказал один сайгонец.

Пока еще, например, не было ни единой драки с участием солдат в Сайгоне. Не было также ни одного случая, чтобы солдаты уходили из бара или ресторана, отказываясь заплатить по счету.

Если какой-нибудь сайгонец или даже иностранец подсядет к солдату нового режима, чтобы выпить с ним стаканчик кока-колы или кружку пива, тот просто не даст вам платить. Солдат достает свои пиастры из тощего бумажника или пластмассового мешочка и требует подать счет.

Несколько дней назад около 40 вьетконговских солдат (так называет западная пропаганда бойцов Народно-революционных сил. — Ред.) вступили в пригород Сайгона после его захвата 30 апреля и попросили пустить их на ночлег и дать им что-нибудь поесть.

Жители приготовили немного риса с рыбой. Утром солдаты ушли, и жители сочли, что накормили их даром.

Примерно через два часа к дому подъехал джип, и удивленным — и благодарным — жителям передали мешки риса.

Такие мелочи много значат в Южном Вьетнаме, особенно сейчас, когда безработица достигла колоссальных размеров, и даже люди, имеющие деньги на счету в банке, не могут получить их в ожидании правительственной ревизии.

Щепетильность и честность в отношениях с людьми всегда были непременным аспектом доктрины партизанской войны о последние тридцать лет, и трудно найти более щепетильных солдат, чем вьетконговские.

«Не берите у населения даже иголки с ниткой», — гласит одно из правил, которые всем участникам вьетнамской революции надлежит учить наизусть.

Нельзя не удивляться тому, насколько хорошо усвоен этот урок.

Поэтому жизнь в Сайгоне вернулась в нормальное русло: магазины открыты, рынки торгуют, и рестораны вновь начинают функционировать.

Не было ни единого сообщения о репрессиях в районе Сайгона.

Истории о кровопролитии в некоторых центрах провинции, рассказывавшиеся американскими должностными лицами, сейчас опровергаются людьми, прибывающими оттуда, у которых нет никаких оснований лгать.

В Сайгоне радуются, что во Вьетнама наступил мир.

С ПОЛИЧНЫМ!

ПЕКИН РАЗДРАЖАЕТСЯ, ПЕКИН КЛЕВЕЩЕТ

Агентство Синьхуа разразилось очередным антисоветским комментарием. Не сей раз в помощь себе оно решило привлечь... болгарскую общественность. Да, да, всю нашу общественность, и не меньше. Так вот, болгарская общественность, по утверждению Синьхуа, жалуется на то, что якобы «в течение длительного времени Болгария терпела большой ущерб от несправедливой торговли» с Советским Союзом и что развитие нашего сельскохозяйственного производства для экспорта идет за счет уменьшения машиностроительной продукции...

Поскольку я представляю часть болгарской общественности, причем реальную, а не мифическую, мне бы хотелось сказать по этому поводу вот что.

В последнее время пекинские раскольники уделяют много внимания экономическим отношениям между СССР и другими социалистическими странами. Но лишь для того, чтобы обвинить Советский Союз в том, что он-де использует социалистическую интеграцию для вовлечения стран — членов СЭВ «в свою сферу влияния», «превращает их в свой рынок», во «вспомогательные предприятия», в «сырьевую базу овощей, фруктов и скота». Все это — результат неприкрытого раздражения, которое испытывает Пекин перед лицом единства и сплоченности братских социалистических стран, их бесспорных достижений. В том числе и успехов Болгарии, которая за годы социалистического строительства превратилась из отсталой страны Европы в социалистическое государство с современной индустрией и передовым сельским хозяйством.

Раздражение Пекина вызывает и то очевидное обстоятельство, что огромную роль в осуществлении революционных преобразований в народном хозяйстве НРБ сыграли советские кредиты. Их выделяли не очень выгодных условиях: низкий процент (1—2); большой срок возврата (10—15 лет); выплата кредита частично продукцией заводов, построенных на эти средства, а также путем товарообмена. Получение кредитов от Советского Союза дало возможность Болгарии осуществить развернутую и исключительно плодотворную инвестиционную программу. Благодаря этому в нашей стране за относительно короткий исторический срок был создан современный национальный хозяйственный комплекс с преобладанием индустриальных отраслей.

В результате активного участия в международном социалистическом разделении труда и непосредственно в процессах социалистической экономической интеграции Болгария стала специализироваться в прогрессивных отраслях машиностроения, таких, как приборостроение, вычислительная техника, радиоэлектроника, подъемно-транспортное машиностроение, техника связи.

Показательно, что если в 1950 году Болгария не экспортировала вообще машиностроительную продукцию, то в 1974 году эта продукция составляла более 40 процентов всего экспорта страны, а удельный вес неперерабатываемой сельскохозяйственной продукции снизился с 21 процента до 6,8 процента.

Разве эти и многие другие факты не характеризуют как клевету маоистские утверждения, будто в Болгарии «монокультурное производство» и что она превращена в «огородное хозяйство»!

Беспомощные усилия пекинских отщепенцев дискредитировать Советский Союз и социалистическую интеграцию, которая все больше расширяет и реализует свои возможности, обречены на провал. В совокупной обстановке международной разрядки маоистское руководство, пытаясь проводить политику «холодной войны», все больше разоблачает себя как организатора «второго фронта» против мировой социалистической системы.

Георгий ГЕРГИНОВ,
профессор
(«София-Пресс» — специально для «Литературной газеты»)

ДОСЬЕ «ЛГ»

ФРАНЦИЯ БЕЗ ДНЯ ПОБЕДЫ?

Вместе со всеми народами мира французы широко отметили 30-летие Великой Победы над фашизмом. Горячий отклик вызвали в стране и праздничные торжества по этому поводу в Советском Союзе, в которых приняли участие представители Франции и других государств.

Вот почему с понятным недоумением международная, и в частности французская, общественность встретила сообщение о том, что президент Франции решил в дальнейшем не отмечать праздник Победы. Попытки вычеркнуть из календарей и памяти французов этот великий день вызвал в стране многочисленные протесты самых различных кругов.

Вот некоторые из них...

Решение Жискар д'Эстэне не отмечать больше 8 мая годовщину Победы антигитлеровской коалиции над нацистской Германией вызывает огромное недовольство и серьезное беспокойство во всей стране.

Об этом свидетельствует призыв видных деятелей движения Сопротивления, депортированных лиц, ветеранов и жертв войны собраться на площади имени Шарля де Голля, чтобы потребовать отмены этого неприемлемого решения.

Глубоко преданная национальным интересам, согласию между народами, делу мира, Французская коммунистическая партия полностью поддерживает эту инициативу. Она призывает принять массовое участие в этом митинге свои организации, своих активистов, трудящихся и молодежь Парижского района, а также всех тех, кому дороги свобода, честь Франции и ее роль в мире.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Эта годовщина имеет то неудобство, что она напоминает: десятки тысяч коммунистов пролили свою кровь за освобождение Франции.

«ЮМАНИТЕ»

Конфедеральное бюро ВКТ призывает трудящихся выступить против решения Жискар д'Эстэна во имя своих вчерашних жертв и ради своих сегодняшних и завтрашних интересов...

Никто не может заставить забыть о славной Победе над фашизмом и помешать достойному празднованию ее нашим народом.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ БЮРО ВСЕОБЩЕЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА

Мы, участники движения Сопротивления, депортированные лица, бывшие фронтовики и жертвы войны, решительно протестуем против решения президента республики не отмечать больше годовщину Победы 8 мая 1945 года.

Арагон, генерал **Анжело**, начальник штаба генерала де Голля **Клод Бурде**, **Жан-Пьер Блок**, **Лун Бодуэн**, бывший фронтовик, военнопленный, кавалер ордена Почетного легиона **Франсуа Вийу**, **Пьер Кот**, **Гастон Деффер**, **Анри Роль-Тангги** — всего более пятидесяти видных деятелей движения Сопротивления

8 мая 1945 года — это символ Великой Победы Европы. В этот день был разгромлен гнусный режим, осквернивший свою землю и свою душу. Свободные люди всегда будут праздновать годовщину даты, открывшей дорогу в будущее.

Мишель ДЕБРЕ,
бывший премьер-министр

8 мая 1945 года останется днем справедливой Победы, которая освятила жертвы и страдания пяти лет оккупации и славные качества лучших сынов и дочерей французского народа, объединившихся по призыву генерала де Голля, чтобы отвоевать наши свободы, нашу независимость и нашу честь... Эти бойцы в военной форме и без нее дали возможность родине выжить, и они заслуживают того, чтобы мы нашли день в нашем календаре, дабы сообща воздать им должное.

Люсьен НЕЙВИРТ,
заместитель генерального секретаря ЮДР

Решение президенте республики... вызывает возмущение у бывших фронтовиков, участников движения Сопротивления и бывших военнопленных.

Ребер ФАБР,
председатель Движения левых радикалов

По всеобщему мнению, этот день связан скорее с Победой над фашизмом, чем над Германией, а эта победа стоила стольких жизней, что заслуживает того, чтобы ее отмечать.

П. МОРУА,
национальный секретарь социалистической партии, мэр Лилля

Невозможно допустить подобное решение, которое больно поразило всех, кто стремился к мирному будущему нашей страны, Европы и всего мира.

Л. БЕГУЭН,
председатель союза ассоциации бывших фронтовиков

Решение президенте было принято без консультации с французским народом.

«МОНД»

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ГУБЕРНАТОР УОЛЛЕС И УРОКИ ИСТОРИИ

Если нашу газету с этой заметкой послать тому, о ком в ней говорится, — пусть знает, как расценивает его высказывания советская печать, — можно ограничиться самым простым адресом: США, Джорджу Уоллесу. Хотя Уоллесов там немало, путаницы не произойдет и почта доставит «Литературку» прямехонько в город Монтгомери, штат Алабама, — до того четко проступает личное клеймо губернатора Уоллеса на высказываниях, заставивших нас взяться за перо.

Итак, в год великого праздника Победы, он дважды, в начале и в конце своего интервью, растянувшегося на 75 минут, откровенно сказал: «По-моему, во вторую мировую войну мы воевали не с теми, с кем надо было». Ему, например, хотелось, чтобы Америка была не противником, а союзником Японии. Как будто не было 7 декабря 1941 года! Как будто в считанные утренние часы того самого дня только в Пирл-Харборе не было потоплено японцами 19 американских военных кораблей, включая 5 линкоров, и не было уничтожено в воздухе и на земле 188 боевых самолетов, — цифры, по тому времени заставившие писать и говорить о немалой катастрофе.

О Германии, о нацистах, как другом желательном союзнике Америки, губернатор Уоллес тек прямо не упомянул. Но вовсе не потому, думается, что у него совсем не нашлось бы единомышленников, а потому, что подавляющее большинство американцев придерживается вполне определенного и недвусмысленного отношения и к самому Гитлеру, и к преступлениям гитлеровцев. Только это, по-видимому, и остановило Уоллеса. Впрочем, под занавес он все же не удержался и приберег, что в предвоенные годы Америке следовало стараться крепить дружбу и с японцами, и с немцами, а не враждовать с ними. Но поскольку речь идет об отношениях между государствами, с японцами — это и значит с оголтелой военщиной, а с немцами — это и значит с нацистами.

С какой, однако, стати потребовалось вдруг столь запоздалое обращение к истории, в которой, к превеликому огорчению губернатора Алабамы и к радости всего человечества, уже ничего нельзя изменить? Что это, воспоминания ради воспоминаний? Ну нет, все, что сказал Уоллес, нужно так или иначе связывать с большой международной политикой сегодняшнего дня, а данное им интервью следует рассматривать в некотором роде как программное заявление. Ведь, оглядываясь назад, Уоллес смотрит вперед. До президентских выборов в США осталось полтора года. И в числе «кандидатов в кандидаты» давно фигурирует сам Уоллес, а в ближайшее время ожидается его официальное заявление о том, что он будет баллотироваться в президенты. Кстати, это уже в третий раз, две предыдущие попытки кончились для него провалом.

В том, что перед нами каминг-аут взглядов будущего кандидата, убеждает и формула, которой пользуется Уоллес: «Будь я президентом...» Ну и что бы он сделал? Сейчас для упрочения мира все более важное значение приобретает борьба за прекращение гонки вооружений, за разоружение. А губернатор Алабамы, по свидетельству газеты «Вашингтон пост», дал ясно понять, что считает военную мощь краеугольным камнем внешней политики США. Да вот его буквальные слова: «Самая лучшая внешняя политика состоит сейчас в том, чтобы быть самой сильной страной на земном шаре». Но Уоллес, одновременно выдающий себя за противника конфронтации и сторонника переговоров, который еще и хочет, чтобы все а мире его уважали и даже любили, — на чем только основана такая претензия? — такой Уоллес еще совсем не тот Уоллес, который обитает в городе Монтгомери, штат Алабама.

За что народам других стран его любить, за что уважать, если свою внешнюю политику («Будь я президентом...») он, по его собственным словам, строил бы, исходя только из интересов США и не оглядываясь не другие страны? Но оглядываться не другие страны, живя в сообществе государств с различным общественным строем, с разными экономическими условиями, — значит не считаться с их законными интересами, игнорировать и даже грубо попирать их, пытаться диктовать им свою волю, которую подкрепила бы вооруженная мощь Америки... А в этом уже весь Уоллес.

Юрий ЯРЦЕВ

Все дальше в лес уходят лесорубы, осваивая новые районы заготовок: стране нужна древесина. Но не слишком ли большой урон наносят промышленные рубки природе! Что нужно сделать, чтобы не истощались леса нашей Родины! Поставлена ли заготовка древесины в районе БАМа на подлинно научную основу! Разговор об этом начал писатель О. Волков, обратившись с открытым письмом к министру лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофееву («Чем дальше в лес...», «ЛГ», 4 декабря 1974 года). Министр ответил статьей («Лес нельзя запирать в «кладовую»», «ЛГ», 5 марта 1975 года), в которой выразил свое несогласие с мнением писателя.

После выступлений О. Волкова и И. Тимофеева в редакцию пришло большое количество писем, часть из которых мы сегодня публикуем.

ЛЕС: КЛАДОВАЯ ИЛИ МАСТЕРСКАЯ?

ОТКРЫТЬ КЛАДОВУЮ!

Статья министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР тов. Тимофеева Н. В. «Лес нельзя запирать в «кладовую»» является весьма современной, вселяющей надежду на разрешение наболевшего вопроса использования лесных богатств.

Характерной особенностью лесов Грузии является их перестойность. Этому способствовало хищническое ведение рубок в дореволюционный период в доступных местах и отсутствие эксплуатации отдаленных участков, что выразилось истощением одних массивов и одряхлением других. Значит, чтобы спасти лес, надо изменить порядок рубки, сперва использовать насаждения более старые. Но на деле мы неоправданно растягиваем сроки рубки перестойных лесов, и это проводится в жизнь под флагом защиты природы.

Правила рубок, утвержденные Госкомитетом лесного хозяйства СССР, вызывают накопление перестоя, а не его ликвидацию.

Все горные леса республики, где сосредоточено 97 процентов запаса древесины, отнесены к первой группе лесного фонда. В рубку назначаются деревья перестойные и больные: ежегодно всего лишь 0,3 процента запасов. Следовательно, заготовка древесины при таких темпах будет продолжаться более 300 лет. За этот срок все возрастные группы — молодняки, средневозрастные, приспевающие и спелые — перейдут в перестойные. Выходит, лесное хозяйство ведется ради древесины, обреченной на гниение.

Выращивание перестоя нежелательно еще и по тем соображениям, что 52 процента запасов в Грузии приходится на буковую древесину, которая является сырьем для мебельной промышленности.

Отнесение всех горных лесов Грузии к первой группе, крайне низкая расчетная лесосека и запрещение ускоренных рубок перестоя на склонах 25—40 градусов создали препятствия на пути омоложения лесов Грузии и улучшения их защитных функций.

Именно интересы охраны природы диктуют необходимость изменения возрастной структуры горных лесов в сторону их омоложения.

Изучение практики и результатов промышленной эксплуатации лесов в течение последнего пятидесятилетия, свидетелями и участниками которого были многие из нас, наглядно и убедительно могло бы показать, что ссылка на появление эрозионных процессов в горных лесах в результате интенсивных рубок перестойных насаждений лишена всякого основания. Именно интенсивная рубка создает условия для облагораживания перестойных лесов и улучшения их защитных функций.

На лесосеках промышленных рубок в Грузинской ССР мы в настоящее время имеем омоложенные и оздоровленные насаждения без каких-либо следов эрозии почв.

Академик В. З. Гулисашвили в статье «Зеленое ожерелье Тбилиси» («Заря Востока» от 18 февраля 1973 г.) назвал Себадурский буковый массив «чудесным буковым лесом», «прекрасным местом отдыха». Но этот «чудесный лес» 50 лет тому назад был обычным перестойным лесом, и только интенсивная эксплуатация с вырубкой в течение 15—20 лет всего перестоя превратила его в «прекрасное место отдыха»!

Такие же «чудесные леса» созданы интенсивными рубками везде, где работала лесная промышленность Советской Грузии, и эту практику надо изучать и обобщать.

А. МАРДЖАНИШВИЛИ,
начальник управления Грузлесбумснабсбыта, заслуженный инженер Грузинской ССР

ТРЕВОЖНАЯ УСПОКОЕННОСТЬ

МИНИСТР лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофеев, отвечая писателю Олегу Волкову на его встревоженное письмо о судьбе русского леса, выдвигает ряд успокаивающих соображений.

Но можно ли быть спокойным, если до сих пор на европейские районы страны, где имеется около 20 процентов лесов, приходится две трети общего объема заготовок!

Огромные территории Сибири и Дальнего Востока еще наполовину не затронуты эксплуатацией леса.

Конечно, освоение лесной целины при бездорожье, недостатке рабочей силы, отсутствии благоустроенных поселков требует больших капитальных вложений. Эта задача очень трудна, может быть, даже не менее трудна, чем освоение целины в земледелии. Естественно, несравнимо легче работать среди густой сети дорог, вблизи населенных мест. И Н. В. Тимофеев берется доказать, что «равномерное освоение лесных ресурсов одновременно на всей территории страны экономически не оправданно». Лесозаготовители стремятся расширить работы в европейской части страны, основываясь на том, что за последние 20 лет лесные ресурсы в этом районе возросли.

Но в ряде районов европейской части страны за истекшие годы на смену спелым ценным хвойным лесам пришли малоценные породы и мелколесье. А древесину этих пород наше деревообрабатывающая промышленность не берет. Перестройка технологии на использование древесины всех пород, маломеров и отходов требует огромных усилий. Между тем процесс этот только начинается.

В итоге объем рубки, установленный из расчета спелых насаждений всех древесных пород, выполняется за счет вырубки хвойных лесов.

Так, в 1972—1973 годах в Пермской области расчетная лесосека по хвойным породам вырубалась на 115 процентов, Свердловской — на 123 и Кировской — на 134, тогда как лиственные породы использовались соответственно лишь на 66, 33 и 30 процентов.

Министр видит в лесах первой группы европейской части страны важный резерв для увеличения рубок. Что такое леса первой группы? Это кладовая жизни, это леса, охраняющие реки от истощения, поля от засухи, горные почвы от разрушения, насыщающие наши города и пригороды кислородом, очищающие атмосферный воздух от вредных выбросов промышленности, обеспечивающие условия для воспроизводства запасов рыб ценных пород, это наши заповедные рощи и угодья. Леса первой группы имеют многостороннее общегосударственное значение. Их состояние сказывается на всем народном хозяйстве и непосредственно на здоровье людей.

Выделение защитных лесов в особо охраняемую группу с ограничением или полным запрещением промышленных рубок было произведено еще знаменитым ленинским декретом «О лесах» от 27/14 мая 1918 года, это положение проходит красной нитью через всю историю советского лесного законодательства.

В 1936 году выделяется в европейской части страны водоохранная зона, охватывающая бассейны всех крупнейших рек, с допущением в этой зоне лишь ограниченного режима рубок и полным запрещением промышленных рубок под страхом уголовной ответственности в лесах, которые растут вдоль рек.

Деление лесов на группы с различным режимом рубки (произведенное в 1943 году) — один из основных принципов советского лесного законодательства. На этом строятся многочисленные законодательные акты, определяющие в последние три десятилетия весь правовой режим лесов.

Н. В. Тимофеев прямо не спорит против самого разделения лесов на группы, он лишь хочет уравнять режим рубки в них. Но фактически он выступает именно против этого разделения, ибо оно произведено прежде всего ради определенного режима рубок.

В сущности, позиция Н. В. Тимофеева направлена против лесного законодательства, которое всегда выделяло защитные и водоохранные леса. Нужно ли ломать наши законы?

Н. В. Тимофеев, предлагая усилить рубки в лесах первой группы, утверждает, что это пойдет им не во вред, а на пользу, что это улучшит их природные качества, что это даже необходимо для их спасения, ибо в самой рубке кроются начало восстановления лесов.

Но можем ли мы гарантировать, что рубки, которые предлагается вести во имя улучшения водоохранных и защитных свойств леса, не превратятся в промышленные рубки, производимые вопреки этим целям! А такая опасность есть. Ибо рубки рубкам рознь, и те, что могут и должны производиться в лесах первой группы ради улучшения их природных свойств, являются весьма дорогостоящими и вряд ли могут дать тот экономический эффект, на который ориентирует Н. В. Тимофеев, говоря о преимуществах рубки в европейской части страны. Намерение заготовителей снизить возраст рубки в лесах первой группы до уровня, принятого в эксплуатационных лесах, явно свидетельствует о том, какая тенденция может взять верх. И когда на практике встанет вопрос: рубить ли леса первой группы так, как этого требует задача их улучшения, или рубить так, как предлагается в ответе министра, — тогда берегитесь, леса!

В эксплуатационных лесах европейской части страны промышленная заготовка древесины зачастую осуществляется с перерубом расчетной лесосеки. Что такое расчетная лесосека? Это та норма рубки, которая должна обеспечивать неистощительное пользование лесом. Что такое переруб расчетной лесосеки? Это такой способ хозяйствования, который истощает леса.

Подобные рубки «в виде исключения» проводятся все время лесной промышленностью, и, к сожалению, наблюдается стремление исключение сделать правилом. Это недопустимо.

Сейчас создаются крупные лесопромышленные комплексы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Это генеральная перспектива развития лесной промышленности на определенный период. Кажется довольно странным, что в завершающий год пятилетки вносится предложение о возобновлении интенсивных рубок в центральных районах.

Разрабатываемый ныне новый лесной закон должен предусмотреть основные положения и критерии, направленные на обеспечение рационального использования лесных ресурсов. Основным принципом должен быть объявлен принцип неистощительного пользования лесом. Это даст возможность наряду с удовлетворением потребностей народного хозяйства в древесине обеспечить охрану, воспроизводство и улучшение лесных богатств.

Г. ПОЛЯНСКАЯ,
профессор, доктор юридических наук;
Е. НЕМИРОВСКИЙ,
кандидат юридических наук, начальник юридического отдела Министерства лесного хозяйства РСФСР;
М. ЧИНЕНОВ,
начальник управления лесоустройства Министерства лесного хозяйства РСФСР

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Писатель О. Волков прав, когда говорит, что некоторые районы страны потеряли свое «лесопроизводящее» значение.

В статье «Лес нельзя запирать в «кладовую»» утверждается, что за последние 20 лет покрытая лесом площадь возросла на 42 миллиона гектаров с общим запасом 17,8 миллиарда кубических метров. Выходит, на одном гектаре за 20 лет возник запас в 426 кубометров. Таких показателей лесоводческая наука еще не знала.

А. КОРОЛЕВ

ЛЕНИНГРАД

Министр Н. В. Тимофеев ответил квалифицированно и убедительно, и надо полагать, что у О. В. Волкова и у читателей «Литературной газеты» рассеялись сомнения и укрепилась вера в курс лесной промышленности. Если и остались какие недостатки и просчеты в практической работе, они со временем будут устранены.

В. ГУЛИСАШВИЛИ,
доктор технических наук

ТБИЛИСИ

Н. Тимофеев, в сущности, не отвечает на вопрос О. Волкова, «готово ли министерство организовать работу своих предприятий в районе Байкало-Амурской магистрали на строго научной основе».

Нет прямого ответа и на вопрос об условно-сплошных рубках. Видимо, считается, что, пока спорят ученые, пока у них нет единого мнения о правомерности условно-сплошных рубок, у лесозаготовителей развязаны руки. А кто, как не министерство, должен потребовать от ученых ответственного решения?

М. АЛПАТОВ

ХАРЬКОВ

Специалисты Минлеспрома используют один довод, который бьет, мам... молум: экономическая целесообразность. Если этот довод признать единственно верным (с ведомственной точки зрения!), тогда нечего говорить об охране природы: после нас хоть потоп...

Л. ВОЛОШИН

Вологодская область

«К сожалению, расчетная лесосека по хвойному хозяйству перерубается в Вологодской области на 147 процентов, а лиственная древесина используется лишь на 48 процентов. В результате этого запасы ценных пород, сосны и ели, в области ежегодно сокращаются... Если в 1927 году в лесах нашей области лиственные породы занимали только 10 процентов, а хвойные — 90 процентов всей площади, то к настоящему времени площадь хвойных насаждений сократилась на 30 процентов».

Е. ТЮРИН,
главный инженер Сявгорского предприятия «Леспроекта»

(Отрывок из статьи, опубликованной в газете «Красный Север» и присланной в «Литературную газету» читателями из Вологды, которые не согласны с утверждением лесозаготовителей о значительном приросте вологодских лесов.)

Работники лесной индустрии сейчас настойчиво стучатся в двери планирующих и государственных органов с просьбой разрешить эксплуатацию лесов первой группы. Но придут они туда с той же технологией, и ширина лесосек в 100 метров, конечно, их не устроит. Значит, это будут сплошные концентрированные рубки со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В. МОИСЕЕВ,
лесовод

МОСКВА

Практика ведения лесного хозяйства, основанная на формальном выполнении одного показателя — объема расчетной лесосеки, неверна. Этот показатель должен быть заменен другими, интегральными.

Л. ОДЕГОВА,
кандидат экономических наук

Хабаровский комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР

«КУБАТУРНЫЕ» ДЕРЕВЬЯ

Я НЕ ГОРОДСКОЙ житель. Вся моя трудовая деятельность в течение 22 лет связана с предприятиями лесозаготовительной промышленности. Вид живописной сосны или ели меня не трогает. На любое дерево смотрю, как на предмет производительного труда. И все же... и все же...

За последние 7—8 лет несколько крупных леспромхозов Карелии прекратили свое существование, полностью истощив сырьевую базу.

На вырубках, правда, растет лес. А когда он будет иметь промышленное значение? Ого-го! Не скоро.

Лес — это, как говорится, единовременное пособие. «Сосснл» один раз, следующего надо ждать сто лет. Молодая поросль долго вызревает, чтоб стать полноценными деревьями. И трудно верится в утверждение, что запасы леса не уменьшаются, хоть мы его и рубим.

Уменьшаются, конечно. Года два назад республиканская газета писала, что запасов леса в Карелии хватит на 16—18 лет.

Всегда ли мы умели увеличить выпуск лесных материалов без расширения объемов лесозаготовок? Ох, не всегда! От нас требовали побольше «кубиков».

Огульное охаивание работы отрасли? Нет, правда жизни. Сошлюсь и на почтенный источник, на статью В. Литвинова, что была в журнале «Север», № 12 за 1973 год: «...на каждом из 217 проверенных гектаров недобрано по девять десять кубометров леса. Причем третья часть его срублена и брошена гнить у пня». На отдельных участках столько брошено хлыстов, что по земле трудно ходить...»

Это картина на лесосеках одного леспромхоза — Пильмского. Но видел такое и в других.

Теперь давайте бегло привыкнем. За год Карелия отгружает более ста тысяч гектаров. Умножим это на десяток с лишним лет да на кубометры, что брошены гнить у пня, получается весьма и весьма внушительная цифра.

Всем лесозаготовителям памятен март 1966 года. Тогда работникам нашего министерства захотелось отрапортовать о досрочном выполнении квартального плана. Была разработана шкала материальных поощрений, при которой премии за перевыполнение росли в геометрической прогрессии. Если в «нормальные» месяцы заработок лесоруба где-то около двухсот рублей, то в марте 1966 года можно было получить тысячу и более. Районная газета в каждом номере давала сводку о ходе перевыполнения плана, сообщала: такой-то лесозаготовитель за день заработал пятьдесят рублей, такой-то шофер на вывозке леса за неделю четыреста рублей...

Министерство отчиталось. План мы перевыполнили. Но какой ценой? Рубили только лучшие массивы, хламили на деляках. Брали лишь «кубатурные» деревья. А что потом — мяли, корежили.

Лесобиржи могут перерабатывать лишь определенное количество древесины, для большого перевыполнения они не приспособлены, да и железная дорога имеет свой график подачи вагонов, аврал лесозаготовителей ее не касался. Вот мы и пыхтели. Сверхплановый лес свалили куда попало, загромождали проходы и проезды. Год потом разбирались со своим перевыполнением.

А спрашивается: кому это нужно было? Ведь народное хозяйство не поимело ни грамма выгоды. Сваленный на обочины и в кюветы лес гнил, пожирался короедами, приходил в негодность. Ему лучше бы на корню стоять, дожидаться своей очереди, чем попасть в министерские сводки и погибнуть.

Если сейчас мы прекратим всякую заготовку леса, займемся очисткой старых делянок, будем перерабатывать лишь отходы — и то прибыль огромная.

Конечно, не единой щепой живо народное хозяйство, лес в круглом виде необходим. Но я говорю об экономической стороне дела.

Наш Суккозерский леспромхоз является опытно-показательным, служит опорной базой Карельскому научно-исследовательскому институту лесной промышленности. У нас все передовое: механизмы, технология. Мы в 1973 году были представлены на Выставке достижений народного хозяйства. Группа руководителей и рабочих удостоена серебряных медалей.

На ВДНХ была показана наша технология, при которой в дело идут отходы делосечных работ: обломки, вершинник, сучья. Отходы доставляются на лесобиржу, перерабатываются на технологическую щепу и отгружаются на целлюлозно-бумажные комбинаты. Но — увы! — выставка выставкой и осталась. За последние два года ни одного кубометра отходов мы не вывезли на лесобиржу, щепу получаем из кондиционного сырья, которое должно отгружаться потребителю.

Почему так? Нет специального транспорта, чтоб вывозить отходы с делянок, нет материальной заинтересованности у рабочих.

Сейчас во всей отрасли введено еще одно новшество в технологии. Лесозаготовительные бригады освободили от погрузки леса на транспорт. Этим занимаются другие люди. Лесозаготовители должны пилить и пилить. Им не надо беспокоиться о дальнейшей судьбе хлыстов. А судьба эта печальна. Заготовленные впрок и оставленные в штабелях на лесосеках, они преют, «задыхаются» (есть такой термин), поражаются короедом.

С лиственной древесиной еще хуже. Береза, из которой вырабатывается дорогостоящая продукция (фанера, лыжные заготовки, заготовки для ружейных ложек), вообще пропадает. Превращается в дрова, часто некондиционные. Потому что береза не терпит неправильного хранения. А на лесосеках правильно хранить невозможно.

Не менее четвертой части срубленной древесины остается на лесосеках в виде обломков, крошева. Обрекается на сгнивание. Но кто может выступить против передовой технологии? Где такой смельчак? Многие руководители об этом превосходно осведомлены, но говорят, что потери не страшны: они, мол, окупаются высокой выработкой на человеко-день, на механизм.

Я совсем не хочу сказать, что в нашей отрасли ничего не делается для сохранения и приумножения лесных богатств. Делается много. Но не меньше предстоит сделать.

К. ЛАВРЕНТЬЕВ,
оператор полуавтоматической линии разделки хлыстов, член группы народного контроля

Карельская АССР

ЕГО МОГУЩЕСТВО КОМПЛЕКС

РУБИТЬ — не рубить?.. Как рубить? Что рубить?.. Не утихают яростные споры. А жизнь между тем предлагает свои решения — простые и убедительные.

Нынешней весной мне довелось побывать на Карпатах и увидеть своими глазами, как в правильно организованном лесном хозяйстве эксплуатация ресурсов сочетается с их возобновлением.

Карпатские леса сильно пострадали в годы войны. Дважды прокатился по ним фронт, три года длилась фашистская оккупация, оставившая более шестидесяти тысяч гектаров пожарищ и вырубок, каменистых россыпей. Усиленно рубили карпатскую ель, пихту, бук и в трудные послевоенные годы: надо было восстанавливать села, города, заводы, шахты, железные дороги. Да, в то время «перерубы» нарушали экологическое равновесие, но другого выхода не было.

Прошли годы, форсировать рубки уже не было никакой необходимости, наступила очередь активно заняться посадками и выращиванием леса на Карпатах. «Когда с надлежащей страстью, — говорится в известном романе Леонида Леонова «Русский лес», — однажды примемся мы за великое дело лесовозобновленья, нам придется сперва научить свою левую руку уважать труд правой». На Карпатах роль «правой руки» — растящей и холящей лес — выполняли лесхозы, относящиеся к одному ведомству, роль «левой» — эксплуатирующей — леспромхозы, подведомственные другому республиканскому министерству. Причем «левая рука» явно перевешивала «правую»: леспромхозы были лучше вооружены, находились в более выгодных экономических условиях (хозрасчет!). В конце 1959 года лесное хозяйство, лесозаготовки, деревообработку, мебельную промышленность были объединены в один организм, затем лесокомбинаты были подчинены одному Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности УССР.

К чему привело такое объединение? Сейчас, через пятнадцать лет, уже смело можно говорить о результатах. Прежде всего, если в прошлом над всеми остальными соображениями преобладала заинтересованность в заготовке как можно большего количества древесины, то теперь плановые показатели приобрели комплексный характер.

Не сразу наступило равновесие, но уже в 1961 году «перерубы» по лесосекам главного пользования на Карпатах стали уменьшаться, а в 1968 году прекратились вовсе. Восстановлены уничтоженные войной — заростили лесом — те громадные «дорогостоящие», до которых долго руки не доходили. В комплексном хозяйстве стало возможным выращивание леса поставить на подлинно научную основу, обеспечить современной техникой. За пятнадцать лет существования комбинатов заложен хороший фундамент будущего леса. В 1968—1970 гг. были обследованы послевоенные насаждения: 93,3 процента их признаны хорошими и удовлетворительными.

На научную основу поставлена и эксплуатация леса. «Рубки ухода» в карпатских комбинатах позволяют лесу расти лучше и быстрее. Древесина, получаемая от таких рубок, составляет солидную часть заготовок.

Другой резерв сбережения лесных богатств — глубокая переработка древесины. Отходы не сжигаются, не гниют, а идут в дело. Максимально полное применение отходов мне довелось видеть на Берегометском лесокомбинате в Черновицкой области. Не пропадает даже хвоя — ее в специальном цехе готовят хвойно-витаминную муку, прекрасную добавку к корму для скота. Кора содержит дубильные вещества и отправляется в качестве сырья кожевенным предприятиям республики. Обрезки идут для изготовления древесно-стружечных и древесно-волокнистых плит, для производства на химзаводах древесного угля, уксуса и т. д. Опилки... На Берегометском лесокомбинате в этом году вступает в строй новый цех древесной муки, которая изготовляется из опилок и требуется сельскому хозяйству, металлургии, химии. После пуска цеха коэффициент полезного использования древесины на этом комбинате достигнет рекордной величины — 94 процента.

И вот результат. Благодаря максимальному использованию отходов, рациональному ведению лесного хозяйства, глубокой переработке древесины объем рубок главного использования на Карпатах сократился за пятнадцать лет втрое! Карпатские лесокомбинаты сегодня — высокорентабельные комплексные предприятия, где коллективы одинаково заинтересованы и в перспективном развитии лесного хозяйства, и в рациональных заготовках древесины, и в наиболее полном использовании получаемого сырья.

Н. ГЕОРГИЕВ

МОСКВА

Статья Евг. Богата «Салон госпожи Шерер» («ЛГ», № 5, 1975), в которой шла речь о том, что назвать человека преступником может суд, и только суд, вызвала многочисленные читательские отклики. Авторы писем приводили новые примеры того, как до окончательного решения суда к обвиняемому применялись меры «внеправового» воздействия, что порой неблагоприятно сказывалось на интересах правосудия. Многие из читателей задают вопрос: почему же все-таки до сих пор «осуд» начинает подчас действовать до «рассуда» в зале суда! Этому и посвящены полемические заметки кандидата юридических наук Н. Павлова.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

ОСУД ДО СУДА

Н. ПАВЛОВ,
доцент Академии МВД СССР

СУД, и только суд, может назвать человека преступником...

В принципе это, конечно, верно. Лишь после решения суда, вступившего к тому же в законную силу, оправданы всякого рода акции со стороны общественности по отношению к осужденному. Иначе судебное разбирательство теряет смысл, становится до некоторой степени пустой и ненужной формальностью.

Но, к сожалению, пока что разрыв между этим теоретическим положением и реальной действительностью довольно велик. Почему же так происходит?

Поскольку вся деятельность по расследованию преступления и разрешению уголовного дела подробнейшим образом регламентирована законом, уместно прежде всего посмотреть, нет ли в самом законодательстве некоторой «базы» для существования такого разрыва.

Широко известен, например, такой правовой институт, как передача виновного на поруки. Если коллектив не формально, а всерьез осуждает человека, если он готов принять на себя соответствующие обязательства и предпринять усилия к тому, чтобы переданный на поруки впредь не нарушал закон, то следователь или лицо, производящее дознание, а также суд могут прекратить производство по делу. Здесь осуждение до суда рассматривается как фактор, освобождающий виновного от уголовной ответственности, делающий возможным применение к нему мер общественного воздействия. Иначе говоря, в подобных случаях «осуд» обязательно должен предшествовать «рассуду». Нравственный суд — непременное условие передачи на поруки, без чего она попросту не может состояться.

В свое время на страницах юридической и массовой печати подвергалась сомнению целесообразность передачи виновного на поруки следователем или лицом, производящим дознание. Высказывалось мнение, что передача на поруки должна стать исключительной прерогативой суда. Дело же следователя — собрать необходимый материал для принятия соответствующего решения. Именно такой порядок как раз и свидетельствовал бы о реальном воплощении принципа, согласно которому только суд может назвать человека преступником. Всякий принцип, как известно, нуждается в твердых, определенных гарантиях. Пока их нет или они недостаточны, противоречивы, жизненность принципа находится под угрозой.

В советском уголовном процессе действует и другой институт — общественное обвинение и общественная защита. Выдвижению соответствующего представителя общественности обязательно предшествует собрание коллектива. Для того чтобы выделить обвинителя, собравшиеся должны быть, очевидно, убеждены в том, что действительно совершено преступление и притом определенным лицом. Но ведь именно в этом должен убедить суд, и только суд.

В настоящее время широкое распространение получила такая практика: следователь по находящимся в его производстве делам, представляющим определенный общественный интерес, выезжает на предприятие, в организацию, учреждение и там, на общем собрании коллектива, докладывает материалы дела. Затем происходит обсуждение противоправного деяния. Обсуждается, естественно, поступок не сам по себе, а поведение конкретного человека. Заканчивается такое собрание обычно вынесением соответствующего решения: коллектив этого человека осуждает. Подобная практика всемерно поощряется и даже учитывается в статистической отчетности. Считается, что чем больше проведено таких мероприятий, тем успешнее предупредительная деятельность следователя, тем она ценнее. То, что в данном случае происходит самый настоящий суд общественности над обвиняемым, его фактическое осуждение до осуждения специально на то учрежденным органом власти, — бесспорно. Уже здесь, на собрании, люди начинают считать обвиняемого безусловным преступником. Поэтому они и не видят ничего противоправного в том, чтобы еще не осужденного человека назвать (и не только в быту!) убийцей, вором и т. д.

Социально - психологическая атмосфера вокруг преступления и лица, его совершившего, может возникнуть и в процессе расследования. И, конечно, она далеко не всегда объективна. У нас нет тайны расследования. Обвиняемые, потерпевшие, свидетели, их близкие и знакомые обмениваются информацией. «Утечка» сведений происходит уже в процессе производства тех или иных следственных действий — допросов, обысков, выемок, задержаний и т. д. Не искушенные в правовых науках люди считают: раз арестовали — значит, виноват, «зря не сажают»; раз обвиняют — значит, преступник, «дыма без огня не бывает». Сказывается стереотип мышления...

Противоправное деяние почти всегда затрагивает жизненно важные интересы граждан, и поэтому оно непременно, в силу законов социальной психологии, становится широко известным, иногда задолго до того, как скажет свое слово суд. В таких случаях обязательно возникают вполне определенные суждения, адресованные не некоему «абстрактному преступнику», а вполне определенному лицу. Что же это, как не «осуд»?..

Но, с другой стороны, нельзя игнорировать вообще ту оценку, которая складывается вокруг совершенного правонарушения. В. И. Ленин указывал, что суд обязан «...при определении меры наказания (только при определении наказания, а не для установления виновности! — **Н. П.**) ...учитывать все местные обстоятельства...». Ибо он лишь тогда выполнит свое социальное назначение, когда вынесенное им решение разделяется и активно поддерживается общественным мнением.

Нередко еще, прежде чем стать предметом судебного разбирательства, факт преступления предается предельно широкой огласке средствами массовой информации. Таких примеров можно было бы привести множество. Встречаются даже, хотя и сравнительно редко, публикации, в основе которых лежат данные не завершенного еще, предварительного расследования. Как правило, в подобного рода публикациях подробно и красочно описываются похождения людей, преступивших уголовный закон. Их зачастую прямо называют жуликами, проходимцами, очковтирателями, взяточниками, убийцами и т. п., о чем справедливо говорится в статье Евг. Богата. Им дается предельно уничтожающая характеристика. И так поступают, к сожалению, не только журналисты, иногда слабо знакомые с тонкостями юриспруденции, но и люди, призванные действовать в строгом соответствии с принципами уголовного судопроизводства, свято их соблюдать и оберегать от нарушения.

В газете «Знамя» (гор. Калуга) за 22 октября 1974 г. была опубликована, например, статья прокурора одного из районов. Называлась она «Началось с рюмки...». Вначале описываются события трагической гибели пожилой пенсионерки. Потом назван и убийца, подробно перечисляются доказательства его виновности. Суду остается только определить меру наказания.

А вот другой пример, где суду рекомендуется даже мера наказания.

В газете «Вечерний Новосибирск» (9 августа 1974 г.) была опубликована статья «По горячим следам», в ней речь шла об учащихся ГПТУ и неизвестно зачем прибывшем в Новосибирск Викторе Почекунине, которые в одну из ночей совершили два тяжких преступления. Статья заканчивалась таким образом: «Почекунин, Зайцев, Шульгин и Гуляи арестованы и понесут заслуженное наказание. Под тяжестью улик, опознанные потерпевшими, они признались в содеянном, но вряд ли кто из них предполагал, насколько СЕРЬЕЗНА (подчеркнуто мною. — Н. П.) будет их ответственность. Согласно законодательству, их преступления... квалифицируются как разбой. Мера наказания предусматривает лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет».

Для средства массовой информации яркие, живые факты — всегда желанный материал. Именно такие факты в максимальной степени способны оказать воспитательно-предупредительное воздействие на самые широкие слои населения. Органы правосудия, наоборот, заинтересованы в том, чтобы данные об обстоятельствах преступления и личности совершившего правонарушения не обсуждались до судебного разбирательства, ибо это отрицательно сказывается на правосудии, на правовом воспитании граждан, принижает авторитет суда. С точки зрения интересов правосудия и отдельной личности подобная практика нежелательна также и потому, что она противоречит презумпции невиновности, делает отправление правосудия процедурой во многом формальной.

Но пока в законе нет точных указаний о запрете «досудебных» публикаций, они, очевидно, будут появляться и впредь.

Из всего этого следует один вывод: полностью исключить «осуд» до судебного разбирательства — задача, пока что трудно выполнимая. И не только с точки зрения действующего порядка судопроизводства. Речь, очевидно, может идти не о ликвидации «осуда», а о сведении до минимума такого рода фактов. Но для этого следует безусловно, причем в законодательном порядке, запретить следователям, а также работникам милиции, прокурорам, судьям выступать в прессе, по радио, телевидению, комментируя материалы еще не завершенного расследования. Надо постараться всеми средствами, в том числе и средствами массовой информации, внедрять в сознание людей мысль, что осудить за совершение преступления может только суд, и никто больше.

В статье «Салон госпожи Шерер» писатель критиковал собратьев по перу — литераторов. Мне же, юристу, хочется в первую очередь подвергнуть критике работников, имеющих касательство к правосудию. Нередко можно увидеть фотостенды с призывом к населению «Найти и обезвредить преступника». Эти стенды играли и играют очень большую роль в привлечении широчайших масс к той большой и самоотверженной работе, которой заняты органы милиции. Но почему в подавляющем большинстве случаев люди, которые еще не осуждены, а лишь обвиняются (хотя бы и с большой долей вероятия) в совершении преступления, уже официально и всенародно именуются преступниками? Думается, что поиск скрывающихся от милиции не будет затруднен и при другом их наименовании, более соответствующем закону. Зато как выиграло бы дело правового воспитания!..

В этих полемических заметках я касался тех уточнений, которые, на мой взгляд, надо сделать в законодательстве. Но и при действующем законе многое зависит от такта и правового мышления каждого работника юстиции. Любое их слово, сказанное публично, должно быть проникнуто глубочайшим уважением к замечательному положению нашего советского законодательства:

«Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда».

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАПАДАЮЩИЙ»

Председатель Алма-Атинского областного суда Ж. Абильжанов сообщил редакции о результатах рассмотрения судебного дела, возбужденного в связи с публикацией очерка «Центральный нападающий» («ЛГ», № 32, 1974). Суд, установив, что виновным убийства рабочего В. Башмакова явился бывший шофер Института ... Т. Самбинов, приговорил его к 12 годам лишения свободы. Сурово наказаны и другие участники преступления, в том числе бывший футболист команды «Кайрат» Н. Атантаев.

Судебный очерк

ВЫСТРЕЛ В ТИРЕ

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Приговор взбудоражил зал, вызвал противоречивые эмоции. «Мало! Мало дали!» — кричали одни. «Оправдать! — возражали другие. — Оправдать!»

Как часто мы говорим о том, что приговор должен быть нравственно понятен людям, принят ими внутренне. Но в данном случае он — и законный, и справедливый, так ясно аргументированный и собственным своим текстом, и всем ходом процесса, — казалось, не был понятен многим, не был принят ими.

Непростое было дело.

I

МОЛОДОЙ преподаватель училища нашел в кармане пальто записку с объяснением в любви. Потом еще одну и еще. А потом два билета в кино на вечерний сеанс. В кино он не пошел, ему не нужно было идти, чтобы установить автора записок: автор то и дело попадался ему на пути — не только на лестнице и в коридорах училища, но даже и в переулке, где жил преподаватель.

Это была девчушка с первого курса. Он не раз видел, как она, тонкая и голенастая, в вязаной шапочке с помпоном бежит на лыжах мимо его дома, то и дело оглядываясь на окна. У нее были большие светлые глаза, и взгляд их становился огромным, когда она оглядывалась.

Она казалась странной, эта девушка. Держалась замкнуто. На занятиях, в столовой, в кино по большей части бывала одна. Работала с утра до ночи, и нянечки, приходившие в училище затемно, не раз заставали ее уже за работой — в пустых коридорах слышался ее одинокий аккордеон. Упражнение и еще упражнение, пассаж, опять тот же пассаж и опять тот же, пока не получится.

Это свойство ее натуры было всем известно — поставив себе цель (а цели она выбирала подумавши), Лида этой цели достигнет. Нехватку способностей она возмещала трудом по большей части авральным (так вытягивала она разного рода общие предметы, математику, русский и прочие, которые ей не давались), а там, где была одарена природой, далеко опережала других. Своему преподавателю музыки она доставляла чистую радость, так была сообразительна, чутка, хватала на лету — и была наконец признана лучшим аккордеоном их оркестра. Еще девчонкой занялась лыжами — и вот теперь у нее первый спортивный разряд (чемпион училища!). И на соревнованиях в тире по стрельбе из винтовки она стреляет лучше всех...

Теперь, когда Лида влюбилась в молодого преподавателя, она, как всегда, была стремительна и полна энергии. Она была убеждена — и так писала в одном из своих писем, — что подходит ему куда лучше, чем его жена, которая и с виду не так уж хороша, да и вообще его старше. И в самом деле, кому нужна эта жена? Никому не нужна. «Вставайте-ка лучше на лыжи, — писала Лида, — и догоняйте свою принцессу!»

Преподаватель, которому вся эта история, да и сама принцесса, изрядно надоели, вместе с коллегой, тоже молодым преподавателем, решили с нею поговорить. Где же ее девичья гордость? — говорили они. Неудобно все-таки девушке преследовать семейного человека, который к тому же жену свою любит и уважает, независимо от того, кто из них старше, а кто младше.

Лида молчала и, по своему обыкновению, смотрела на них во все глаза.

Она не могла их понять — при чем тут гордость? Ведь главное в жизни — это правда. А правда состоит в том, что она полюбила, зачем же скрывать и почему нужно стыдиться? Все это Лида подумала, но им не ответила ничего.

— Упряма, как мул, — говорили про нее.

Тем не менее после разговора она свои преследования прекратила. На нет и суда нет, «он» любит другую, это его право. Никто не знал, каких усилий стоило ей решение. Но, все хорошенько обдумав в сумрачном своем одиночестве, она решение приняла, записок больше не писала и на лыжах мимо дома не бегала.

Она всегда была такой — молчаливой, упорной и упрямой с самого детства: уж если чего-нибудь захочет... Впрочем, все шло довольно мирно, пока девочка хорошо — очень хорошо — училась, но потом, в пятом классе, увлеклась спортом и ученье совсем забросила. Инна Андреевна, Лидина мать, трезвая, разумная женщина, очень сдержанная — из тех матерей, которые, как говорит она сама, целуют своих ребятишек, только когда те спят, сильно обеспокоенная двойками и прочими неуспехами дочери, стала уговаривать девочку — молчание. Стала корить — молчание. Принялась прямо ругать — то же молчание. Тогда Нина Андреевна начала бить девочку — увы, педагогика не вооружила эту женщину методами, какие помогли бы ей разрешить одну из труднейших задач воспитания: как установить контакт именно с упрямым ребенком. Итак, мать принялась было бить дочку, но та после первого же сеанса ушла из дому. Ушла из дому к родственнице и три дня, несмотря ни на какие уговоры, не возвращалась. С тех пор никто ее пальцем не тронул, и она работала, как хотела и над чем хотела, но работала. Семья у них была работящая, все работали — и ей, надо думать, просто в голову бы не пришло сидеть сложа руки. Молча работала — у них в семье друг с другом не так-то много разговаривали.

Она редко улыбалась, а слез ее и вовсе никто не видел. На самом деле плакать она умела, это видно из ее дневника: «Присев на берегу, я смотрела, как по речке тихо проплывают лодки. Был солнечный день, а мне было ужасно грустно. Мое сердце и глаза плакали, может быть, окружающим было это незаметно, ведь сердца не видно, а мои глаза сушило солнце». Она умела плакать, но о себе и про себя.

Так она и жила — молчала, чуждалась людей, много работала и много тренировалась.

По отношению к людям она была капризна, высокомерна, очень к ним взыскательна и нетерпима, чуть что: «не спорь со мной» — и все. И когда Сергей, встретившись с ней в коридоре или на улице, «кидал ей комплименты», говорил, к примеру, что она «сегодня хороша» (а ее тонкое, резкое — немного слишком резкое — лицо порой действительно бывало красивым), она ничего не отвечала, только угрюмо смотрела исподлобья («забодаю-забодаю!») своими огромными глазами.

СЕРГЕЙ появился в их культпросветучилище на втором курсе и сразу привлек всеобщее внимание — он был высок (185!), старше других ребят и по возрасту, и по жизненному опыту (уже прошел армию), и по развитию. Он всегда был весел, всегда вежлив, ко всем внимателен — обаятельный парень, очень общительный, с огромным запасом доброжелательности. Помогать другим было его любимым делом — вот уж кого не нужно было просить дважды. А Лиде он не больно нравился — чистюля, аккуратист, да и позер, пожалуй. И когда он однажды спросил, можно ли ее проводить, она ответила сквозь зубы:

— Обойдешься.

Но однажды — это было на празднике «Русской зимы» — он пригласил ее в кино, и она, к его великому удивлению, вдруг сказала: «Пошли». С тех пор они стали бывать вместе.

Лида приглядывалась к нему настороженно и недоверчиво, но вблизи он оказался куда лучше и интересней, чем виделся издали. В его доброжелательности и внимании по отношению к людям подделки не было, и в его внимании к ней, к Лиде, — тоже не было. Дело не в том, что он приносил ей в оркестр стул и аккордеон или подавал в раздевалке пальто — все эти знаки внимания большой цены в ее глазах не имели. Нет, он был чуток к ее настроению, а ведь тут ему приходилось быстро поворачиваться — настроение ее было неустойчиво, оно менялось неожиданно и резко. А Сергей был всегда рядом, всегда настороже, тотчас принимал сигналы и знал, когда ей грустно, а когда весело, и умел вовремя сказать нужное слово.

И было у него еще одно удивительное свойство: он был с ней великолепно терпелив, когда она в очередной раз «взбрыкивала».

Что и говорить, рядом с ним было хорошо. Такой взрослый и выдержанный, он вместе с тем казался иногда сущим ребенком. Только дети могут так радоваться первому снегу или первой капели. Он был музыкален, играл хорошо (очень скоро, так же как и она, стал лучшим аккордеонистом училища, оба в оркестре играли первую партию и сидели рядом), он и сам немного сочинял музыку, а как только что-нибудь сочинит, тотчас бежит ей показывать. Время с ним было предельно уплотнено — то они вместе занимаются (по общим предметам он был далеко впереди и всегда ей помогал), то они в кино, то он, великий мастер добывать новинки, тащит новые ноты и тут же садится их разбирать.

И мало-помалу стало таять ее недоверие, исчезать вечная ее настороженность — и она заговорила. Теперь — наконец-то! — она, молчавшая всю жизнь, могла рассказать о себе, о детстве, о своем долгом одиночестве (и про свой смешной «роман» тоже рассказала — про записки и про «догоняй свою принцессу»). Он все замечательно понимал. Теперь, не видя его несколько дней, она начинала тосковать. Она наконец полюбила.

Да, но уж если она полюбила, это, разумеется, тотчас стало известно всему училищу. Встретившись с Сергеем, где бы это ни было, она могла тут же кинуться к нему в объятья, нимало не заботясь, что думают об этом окружающие.

— Неужели нельзя вести себя чуть поскромнее? — говорили ему (с ней говорить об этом было бесполезно).

— А что мне, бить ее, что ли? — отвечал он улыбаясь.

— Ой, Сергей, да знаешь ли ты, какой это характер?

— А вот это я как раз знаю очень даже хорошо,— отвечал он смеясь.

Теперь они жили вместе в комнатушке, ее Лида снимала у одной слепой бабушки, которая Сережиному приходу была очень рада. Что слышала она до сих пор от своей жилички? Утром: «Я пошла», а поздно вечером на вопрос: «Кто там» — из-за двери краткое: «Лида». Только и всего. А теперь все стало по-другому. У Лидиного мужа был ясный, веселый голос.

— Я водки не пью, — сказал веселый голос, — и по хозяйству все буду делать сам.

Это бабушке еще больше понравилось. Одно ее заботило.

— Да записанные ли вы? — спросила она. — Незаписанных я не пущу.

Они уверили ее, что записаны, и она успокоилась, не переставая радоваться, что ей попались славные ребята, такие веселые и ласковые друг к другу (ведь старости всегда хорошо рядом с молодостью, только молодость, к сожалению, не всегда это понимает). Сказав бабушке, что они расписаны, они почти не солгали, так как уже ходили в загс, но их там не расписали за отсутствием местной прописки. Впрочем, вопрос о загсе куда больше заботил хозяйку, чем саму Лиду, которая к таким подробностям относилась без всякого внимания: зачем любви бумажки?

ЧТО до Сергея, то он не решался жениться без ведома и разрешения родителей, которых, кстати говоря, сильно побаивался, и потому начал с шага, дипломатически строго рассчитанного: он послал домой — а дом его был за тысячу верст от Тамбова — Лидину фотографию с надписью: «На этой девушке я, наверно, женюсь». Это «наверно» тоже было строго рассчитано и означало: «Если вы не станете возражать».

— Когда приедет отец, — сказал он Лиде, — ради бога, не подведи, будь с ним...

— Какой я должна быть с ним?

— Ну... помягче, что ли...

Она не собиралась быть помягче, хотя бы просто потому, что это не входило в ее программу. Их двое на свете, ради него она, не задумываясь, — то есть ни на минуту! — порвет со своими родными: свои, чужие, кому они нужны?

А Сергей родными дорожил и не видел причины, почему ради новых жизненных связей обязательно надо рвать прежние, почему бы то и другое не соединить. И к ее родным он отнесся серьезно.

Лидины родители знали о нем по ее письмам. «Он добрый, сильный, веселый», — писала Лида. И вот теперь этот парень стоял перед ними — ростом чуть не под притолоку, а лицо мальчишеское и смущенное первым знакомством.

Приехали они в веселые дни майских праздников, и Сергей тотчас нашел себе работу — взял лопату и пошел вскапывать огород.

А Лиду нельзя было узнать. Она, никогда ни о ком не заботившаяся, принялась стирать его рубашки и даже вздумала сшить ему брюки. А поскольку руки у нее были золотые, дело пошло. Чуть не каждый час она кричала Сергею в окно, чтобы он бросал лопату и шел на примерку, и пока она что-то на нем накалывала и приметывала, он стоял, сияющий и счастливый. «Смотрите,— говорил его вид, — нет, вы только посмотрите, какая у меня искусная, какая заботливая жена». А Лида без улыбки, с самым деловым видом, словно каждый день шила мужу брюки, продолжала что-то прикалывать и приметывать.

Нет, конечно, они ссорились, при Лидином характере иначе и быть не могло (в училище так всегда и знали: если Сережины часы с красным циферблатом на Лидиной руке — все в порядке, если часы у Сергея, значит, они в ссоре). Но они легко мирились, и все снова было хорошо.

И вдруг приехал Сережин отец.

Настал наконец для Сергея час, когда он должен был представить Лиду пред грозные отцовы очи.

И вот она стоит перед Василием Яковлевичем. Стоит, голенастая, напряженная, угрюмо смотрит исподлобья («забодаю-забодаю!»).

— Ну, здравствуй, — говорит отец.

От страха или по вредности, только она отвечает еле слышно.

— Здороваться надо, — говорит отец, властно повышая голос. Лида уже ничего не отвечает. На нее бесполезно возвышать голос. Василий Яковлевич этого не знает, да и знать не хочет. После обмена несколькими незначащими фразами он уводит сына в другую комнату.

— Таких, как эта, — говорит он, нисколько не заботясь о том, слышит ли его Лида, — я... видал-перевидал.

Он уехал, запретив сыну жениться.

— Я же просил! — стонал Сережа. — Я же просил быть с ним поласковей.

— Уж какая есть, — отрезала она.

Но что им запреты, если они друг без друга не могли? Сергей пошел к завучу просить, чтобы их на практику отправили вместе, их нарочно послали врозь, но деревни, где они жили, стояли друг от друга на расстоянии двадцати километров, так что молодые люди встречались часто. Когда практика кончилась, Лида переехала к Сергею и несколько дней прожила у него, потом уехала к родным, а он домой к своим, и остаток лета они провели врозь.

А когда начался новый учебный год, все в училище увидели, что Лида и Сергей друг с другом не разговаривают.

Прошел сентябрь, октябрь, да и ноябрь тоже почти прошел. В училище было празднично — учащиеся давали концерт. Лида и Сергей со своими аккордеонами сидели, как всегда, рядом и играли в унисон. Концерт прошел на редкость удачно, у всех было отличное настроение. После концерта группа, в которой была Лида, должна была идти на занятия, а та, где был Сергей, — идти в тир.

Но Лида почему-то в этот день захотела стрелять. Очень веселая — по крайней мере всем так показалось — она вбежала в аудиторию, что-то поспешно достала из портфеля и так же поспешно убежала.

В тире только что отстреляла предыдущая группа, и Сергей с другими ребятами пошел вешать мишени. Еще никто не занимал своих мест на матах, еще военрук не выдавал патронов. Только Лида прицелилась из винтовки.

— Перестань, — сказал ей кто-то.

— Да она не заряжена, — ответила Лида.

— Раз в году винтовка и незаряженная стреляет, — ответили ей.

Вообще настроение у всех по-прежнему было очень веселое. Девочки пересмеивались между собой, а ребята, повесив мишени, уже шли назад, о чем-то разговаривали.

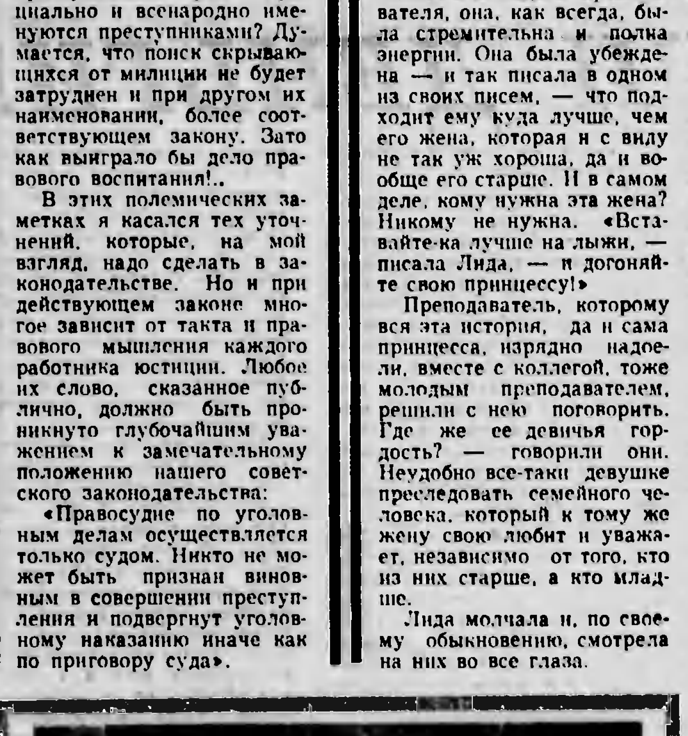
И тут военрук услышал выстрел. Он обернулся — кто же, кто мог, если он даже не роздал еще патронов?! — и увидел, что Лида поднимается с мата и кладет винтовку.

А девочки, которые на выстрел внимания не обратили, увидели, как Сергей вдруг привалился плечом к стене, отошел от нее, шатаясь, и медленно поднес руку к сердцу.

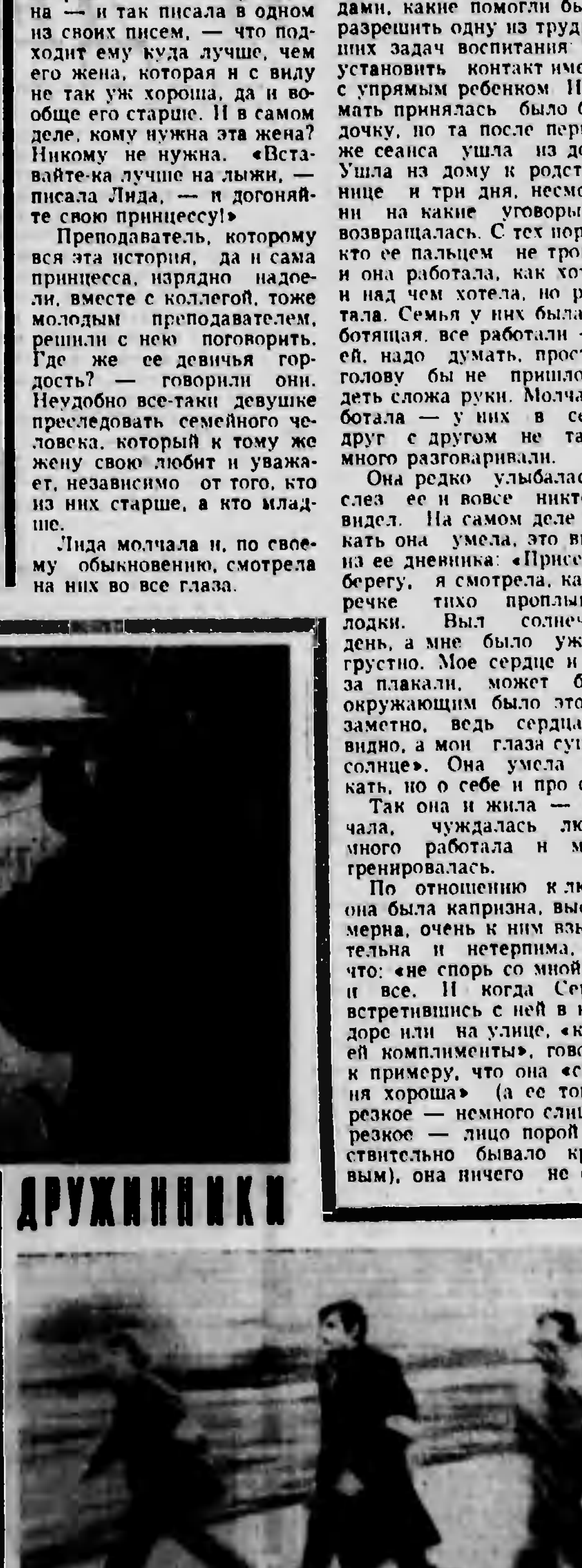
— Опять Сережка театралит, — сказал кто-то из девчонок.

Но Сергей не «театралил». Помедлив мгновение, он качнулся и упал на обледенелую, бугристую ноябрьскую землю.

(Продолжение следует)



ДРУЖИННИКИ



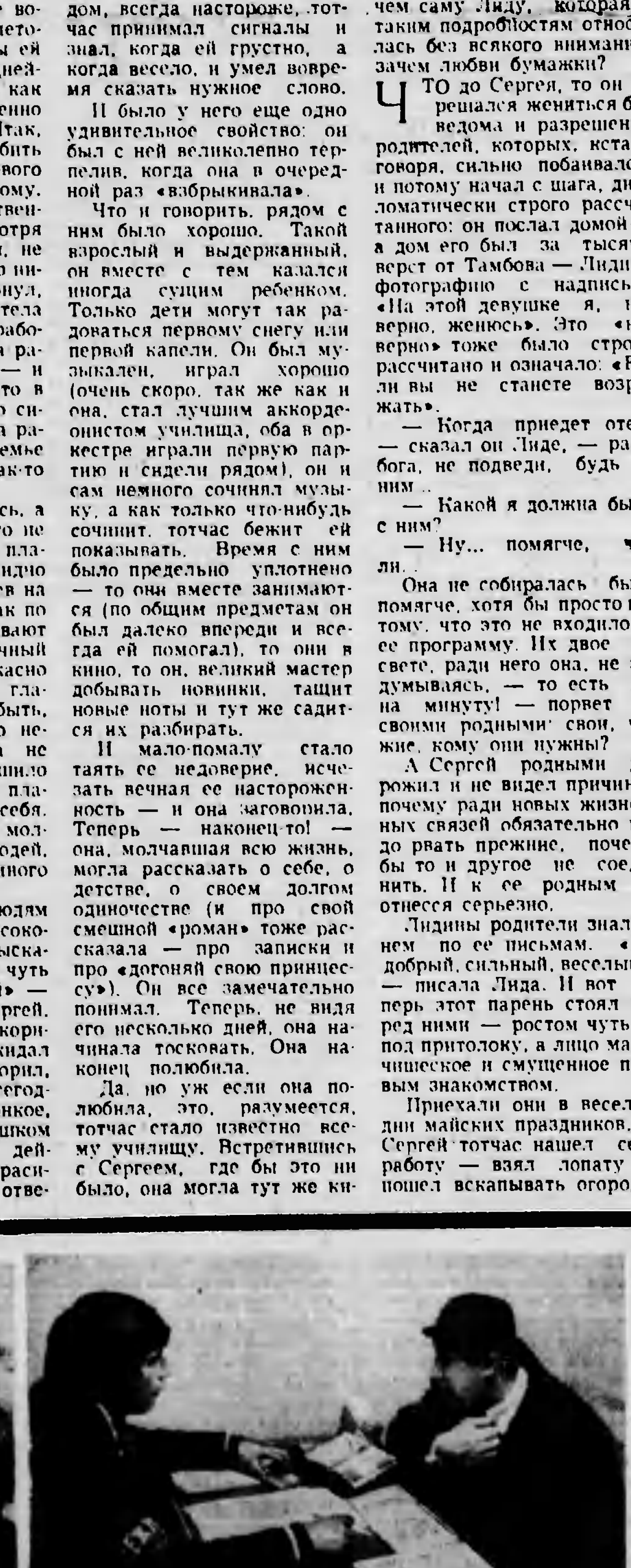


Фото А. ГУЩИНА

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

КОГДА ЧЕЛОВЕКУ ЗА ТРИДЦАТЬ...

Чем больше нам лет, тем острее для нас проблема общения. Писатель размышляет о том, как отдыхают и знакомятся сегодня несемейные люди.

Илья ФОНЯКОВ

1.

Мы не виделись лет пятнадцать. И первая же встреча с товарищем юности (инженер, сорок лет, женат, двое детей, трехкомнатная квартира, место работы — научно-исследовательский институт) как-то естественно и незаметно перешла в его исповедь, которую я и постараюсь здесь воспроизвести:

— Знаешь, странное что-то происходит со мной в последние годы. Ты ведь каким помнишь меня: общительным, компанейским, веселым парнем, не правда ли? В общем-то, в душе я, как мне иногда кажется, и сейчас точно такой же. Но боюсь, что окружающим людям я кажусь совсем другим человеком. Нападает все чаще какое-то странное душевное оцепенение, чуть ли не паралич какой-то. Когда-то я славился тем, что не лез в карман за словом, а теперь, поверишь ли, бывают минуты, когда произнести обычное «здравствуйте» требует заметных усилий. Однажды меня чуть не оштрафовали в автобусе: случилось так, что у меня нашелся только полтинник, а обратиться к кому-либо с просьбой о размене было поистине свыше моих сил. Стоял, решался, превозмогал себя, презирал — и, представь, не мог... И натерпелся же стыда потом, когда срамил меня контролер, особо напиравший на мою интеллигентную внешность! Теперь уж опускаю — черт с ним! — двугривенный, если нет ничего другого, — и подальше от кассы...

Товарищ помолчал, отхлебнул кофе из чашечки и продолжал:

— Ты, может быть, назовешь то, что происходит со мной, какой-то болезненной робостью или застенчивостью, почему-либо развившейся у меня. Чепуха, ничего подобного! Я, как и прежде, не боюсь никого и ничего: ни начальства, к примеру, ни авторитетов. Когда нужно выступить на собрании, выступить остро, нелицеприятно,— тут я на коне. А вот обычное общение, где-нибудь в компании, для меня зачастую бывает просто мучительно.

— И давно это с тобой?

— Я же говорю — уже несколько лет. Но погоди, я не кончил. Вот что еще: я завидую мучительно, как Сальери, завидую! Не уму, не таланту, не удачливости в работе — завидую тем, кто умеет всегда свободно и естественно держать себя. Есть у нас один в соседнем отделе — тот всюду как свой, душа компании. От его острот вянут уши, в своем деле он — посредственность, в общении с людьми — балаболка, хотя и добрый по-своему человек, но я смотрю на него и вижу, что он счастлив. Смотрю — и завидую!

— Но сегодня ты очень естествен и откровенен...

— Да, бывают минуты, когда моя «заколдованность» как бы вдруг слетает с меня и я становлюсь таким, каким ты знал меня когда-то: естественным, компанейским, говорю свободно, легко и точно формулирую свои мысли. Сейчас одна из подобных минут, и я спешу ею воспользоваться, потому что колебания этого психологического маятника от меня не зависят. Иду в гости с женой — и не знаю, каков я буду. Сам себя боюсь. И чем больше боюсь, тем вернее, конечно, проваливаюсь. Тут ведь — как на экзамене. Полная аналогия.

— Послушай, — попробовал успокоить я его. — Не всем же в конце концов быть компанейскими парнями. Нужны человечеству и уединенные затворники...

— Так ведь к людям-то тянет! Потому что, чувствую, сидит внутри меня тот самый общительный юноша, которого ты знал. Оттого и мучаюсь. А тут еще жена бунтует, не хочет вечерами дома сидеть. Светской жизни ей, видишь ли, надо. У меня, говорит, столько красивых вещей теперь, а куда я в них покажусь? Еще и Вознесенского цитирует, эрудитка: «Было нечего надеть, стало некуда носить». И, в общем-то, я понимаю ее...

Он допил кофе, закурил.

— Честно говоря, я тут по врачам побегал. Думал, вдруг у меня что-нибудь не в порядке: торможение там какое-нибудь, переутомление. Глядишь, прописали бы какие-нибудь микстуры-процедуры, пококоли бы витаминчик — и все на своих местах. Но не тут-то было! Оказалось, здоров я, как бык. Кардиолог сказал, что давно такого исправного сердца не встречал. Невропатолог стукнул молоточком под коленку, убедился, что нога моя при этом взлягивает вполне нормально, и тоже говорит: «По моей части все в порядке. А те симптомы, о которых вы говорите, к медицине отношения не имеют. На это нынче многие жалуются».

— И ничего не посоветовал?

— А что он мог посоветовать? «Тут психолог нужен, — говорит, — но в штате нашей поликлиники такого не имеется». И остался я опять наедине со своей бедой. Странное дело, вдруг стал с непонятной нежностью вспоминать коммунальную квартиру, в которой вырос. Чур, чур меня — не дай бог, конечно, в такой вороньей слободке снова пожить: одни персональные лампочки в туалете чего стоят! А разномастные звонки на косяке входной двери... Но вспоминалось как раз не это. Вспоминалось, как за лекарством друг для друга бегали, как полпачки сахара и папиросу одалживали, как на свадьбе у соседкиной дочки песни пели. Общаться было привычно и естественно, как дышать. А теперь? Знаем ли мы, кто живет за тонкой перегородкой в соседней квартире? Что мы знаем об этом человеке, кроме того, что иногда он, уходя, забывает выключить радио? Даже на лестнице не здороваемся. У меня хорошая семья, мы понимаем друг друга с полуслова. Да и на работе примерно то же самое: в нашей лаборатории — крохотный коллектив, много лет мы работаем над одной узкой темой, влезли в нее глубоко, связи с другими лабораториями и отделами минимальны. Ты ведь знаешь: углубленное разделение труда — одно из прямых следствий НТР. Так или иначе, я уже замечаю за собой склонность разговаривать сам с собой. Правда, не вслух еще. Но зато какие внутренние монологи!

2.

Исповедь старого знакомого не на шутку взволновала меня.

А недавно она снова вспомнилась мне. Вспомнилась при совершенно иных обстоятельствах, в толчее и гуще людской.

Был празднично украшенный зал, нарядно одетым женщинам при входе вручали цветы. Присмотревшись, можно было заметить: сюда приходят и парами, и небольшими компаниями, но чаще всего — поодиночке. Гости вступали в зал, жмурились от яркого света, еще раз глядели в билеты, где лиловым штампом был обозначен номер столика. А на маленькой эстраде уже занимали места музыканты...

В ленинградском Дворце культуры имени Ленсовета начинался очередной вечер из цикла «Для тех, кому за тридцать».

Я уже был наслышан о небывалой, фантастической популярности этих вечеров, организуемых раз в месяц. Не далее как утром того же дня я беседовал с заведующим сектором отдыха Я. А. Смоляком, и разговор наш то и дело прерывался телефонными звонками.

— Женщина звонила, учительница, — сказал после очередного короткого разговора мой собеседник. — Беда у нее стряслась: сумочку потеряла. Так не жалко ей денег, что там были, жалко билета на наш вечер. Представляете: плачет!

Дворец культуры имени Ленсовета (в дни нашей юности он именовался Домом культуры промкооперации, или, в просторечии, «промкой») расположен в самом сердце многолюдной Петроградской стороны. Положение, с одной стороны, выигрышное, с другой — сложное: в центральных районах города у Дворца культуры много конкурентов в виде театров, кинотеатров, клубов. Да и публика здесь, прямо скажем, привередливая, балованная. Тем не менее в зимнее время обширные гардеробы дворца редко «простаивают»: по приблизительным подсчетам, до двенадцати тысяч человек бывает в его помещениях ежедневно. Здесь работают с выдумкой, стараясь не отстать от времени...

Но самые изысканные, самые хитроумные затеи не могут поспорить по части популярности с вечерами «Для тех, кому за тридцать», несмотря на то, что билет на эти вечера стоит три рубля — столько же, сколько не самые лучшие места в театре, и в десять раз дороже, чем в Эрмитаж со всеми его сокровищами!

Что же там происходит на этих вечерах? Что именно ценится столь дорого? Какие чудеса выдумки и изобретательности проявляют их устроители?

Может быть, самое удивительное — то, что ничего особенного и удивительного в этих вечерах нет. Просто занимают места согласно купленным билетам в большинстве своем незнакомые между собой люди. На столиках — сухое вино, салаты, бутерброды, пирожные, конфеты (вот, собственно, на что и уходит трехрублевая стоимость билета — дворец кое-что еще и доплачивает из своих доходов). Держатся вначале напряженно и натянуто, потом беседа оживляется, и к середине вечера, когда ведущий объявляет очередной танец, почти никто не остается за столиками...

Да, есть на этом вечере и ведущий. Он провозглашает — в самом начале — один или два тоста, объявляет танцы, нехитрые конкурсы и викторины. Когда настает черед «конкурсного вальса» (требуется провальсировать среди расставленных стульев, не задев ни одного из них), выстраивается длиннейшая очередь пар, желающих показать свое искусство. Взрослые, солидные люди веселятся, как дети, не опасаясь, что над ними станет подтрунивать младшее поколение. Наверное, это очень важное обстоятельство. И видишь, воочию видишь вдруг, как, в сущности, еще молоды все они, твои сверстники...

Отнюдь не утверждаю, что подобные вечера — лучший способ проводить свободное время.

Кое-что мне и попросту не понравилось. Например, чрезвычайно яркий, какой-то казенный свет. И чересчур громкая музыка, которая в свою очередь побуждала даже самые обычные разговоры вести в повышенных тонах. Почему-то мы усвоили, что веселье — непременно «шумство», как говорили в старину, а ведь это вовсе не обязательно.

Впрочем, может быть, я субъективен?

Передо мной — объемистая стопка карточек-анкет, распространявшихся среди гостей первых таких вечеров. Их сотни, таких анкет, ибо каждый вечер — это триста гостей. Вот некоторые ответы:

«Я счастлива, что побывала на этом вечере!»

«Я желал бы почаще встречаться со сверстниками в этом зале!»

«Почему бы не делать такие вечера хотя бы два раза в месяц!»

Наиболее эмоционально высказывается инженер из Тихвина: «Ах! Ох! Ух! Почаще бы!»

Широчайший профессиональный (и социальный) диапазон: учитель музыки, слесарь, летчик, машинист крана, инженер-химик, научный работник, декоратор, военнослужащий, хозяйственник, маляр.

Сложное чувство остается от чтения этих анкет, как, впрочем, и от самого вечера. Есть в этом чувстве — не скрою — и некая щемящая нота. Потому что очень уж непосредственно ощущаешь простую человеческую тоску по общению. Тот самый «дефицит общения», о котором говорил мой товарищ.

Между прочим, директор Дворца культуры Николай Васильевич Чмутин сообщил мне и такую деталь: им получено уже несколько приглашений на свадьбы от людей, познакомившихся на таких вечерах.

— Хотя мы, конечно, не считаем себя этакой коллективной свахой и вовсе не для этого наши вечера затеваем, — поспешил оговориться он.

А почему, собственно, надо оговариваться? Несколькими человеческими одиночествами стало меньше. И, право же, это гораздо естественнее, человечнее, нежели создание специальных брачных контор западного образца, которое всерьез — и тоже не случайно, конечно, — дискутировалось на страницах «Литературной газеты» несколько лет тому назад...

3.

Пусть будет спокоен автор «сердитого письма» в редакцию, тоже, кстати, ленинградец, — тот, который никак не соглашался, чтобы его свободным временем кто-то «управлял». Никто не станет силком отрывать его от любимого телевизора, никто не явится с барабанным боем требовать его на ассамблею, как это делалось во времена Петра Великого. Никто не заинтересован в том, чтобы нарушить философское уединение потенциального Иммануила Канта. Не об этом речь!

Речь о том, что мы вдруг столкнулись с проблемой человеческого общения, его дефицита. Существует множество людей, чувствующих — иногда болезненно — этот дефицит. И это не безразлично обществу. Тому обществу, в самой основе которого лежат начала коллективизма, человеческой общности, неравнодушия к судьбе друг друга.

Мы не сталкивались прежде с этой проблемой. По правде говоря, и не думали, пожалуй, столкнуться с ней когда-нибудь. Что ж, тем важнее вовремя диагностировать ее. Ибо многое, если не все, в нашей власти. В том числе — и «расколдовать заколдованного».

Здесь можно говорить о многом. О том, в частности, что наши дома и дворцы культуры по-прежнему остаются в основном учреждениями просветительными, что отражено и в их названиях, и в архитектуре, и в штатном расписании. Между тем, возможно, именно сейчас функция просветительская должна была бы уступить свою лидирующую роль иной функции — я назвал бы ее коммуникативной. Но, безусловно, «клубный» аспект — лишь один из многих...

С первым, незаконченным вариантом этой статьи в папке я отправлялся в Москву. У окошечка железнодорожной кассы переминалась очередь, нетерпеливая и нервная: билетов могло не хватить. Моей «предшественницей» была старуха с круглым и добрым, обветренным лицом: как видно, из деревенских. Корректная, подтянутая кассирша быстро и четко оформила ей билет: «Вагон восьмой, место тридцать первое. Нижнее! Отправление в двадцать пятьдесят четыре. Не опаздывайте!» Бабка запела было в ответ: «И спасибо тебе, доченька, дай бог здоровья! К сыну ведь еду, к младшему, внучка, слышь, родилась. Старший-то у меня...»

— Следующий! — сказала кассирша.

ЛЕНИНГРАД

КНИЖНЫЕ СТРАСТИ

ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ ОТВЕТА

Эксперимент «Дефицитные книги — в обмен на макулатуру», проводящийся Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Государственным комитетом Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению в десяти городах страны, был встречен книголюбами с большим интересом. В редакцию «Литературной газеты» — инициатора эксперимента — поступили сотни писем читателей с оценкой начинания, с замечаниями и — главное — предложениями об улучшении нового дела. На основе первых двухсот откликов редакция подготовила специальный бюллетень. В него были включены предложения, которые встречались в письмах наиболее часто. Приведем некоторые из них.

«Расширить его вглубь и вширь, то есть охватить больше городов и одновременно увеличить ассортимент книг, выдающихся по талонам».

А. КАЗАРИН

МОСКВА

«Объявлять заранее полный ассортимент книг, чтобы не вводить в заблуждение книголюбов якобы «двухтомным» изданием сказок Андерсена».

В. ГУСЕВА

КИЕВ

«Выяснить, почему выбор пал на Дюма и Коллинза, а не на Бальзака, Гюго, Золя. Почему не на «Тихий Дон» или другие произведения советских писателей?»

Р. ШУМАКЕР

ДОНЕЦК

«Для тех, кто сдал макулатуру, начать запись на подписные издания. При этом «норму» можно увеличить до 50—100 килограммов».

Д. КЕЛЕСИДИ

КЕМЕРОВО

«Тиражи обещанных книг должны быть такими, чтобы ни одна из них не исчезала с прилавка до окончания объявленного срока».

М. КОЛКЕР

МОСКВА

«Должна ли быть одинаковой норма обмена макулатуры на толстую «Женщину в белом» и тоненькую «Собаку Баскервилей»? Эквивалент должен быть разным: за одно издание двадцать килограммов, за другое — пять».

В. БЛИНКОВ

СВЕРДЛОВСК

«Поступило сообщение о том, что с 1 июля вводятся новые талоны. А как же быть со старыми, которые уже нечем «отоваривать»? Считаю, что срок действия первых талонов необходимо продлить».

Л. КУДРЯВЦЕВ

НОВОСИБИРСК

Подготовленный редакцией бюллетень под названием «Читатели об эксперименте по продаже дефицитных книг в обмен на макулатуру» был направлен в соответствующие учреждения и ведомства. Первый официальный ответ получен от заместителя председателя Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли В. Родионова. В нем говорится:

«Госкомиздат РСФСР внимательно ознакомился с присланным вами бюллетенем и согласен с рядом предложений и критических замечаний, содержащихся в письмах читателей «Литературной газеты».

В настоящее время разрабатываются меры к устранению недостатков, связанных с проведением эксперимента. В этих целях на специальной комиссии был заслушан отчет о проведении эксперимента и внесены соответствующие предложения, подготовленные совместно Госкомиздатом СССР и Госкомиздатом РСФСР».

Редакция надеется в ближайшее время получить более развернутые ответы на вопросы, поставленные читателями.

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

ВОЗЬМИТЕ НАШИ ДЕНЬГИ!

Н. САМОХИН

Самая нелепая очередь: люди хотят расплатиться за коммунальные услуги, но чтобы сделать это, надо потратить немало времени. Собственный корреспондент «ЛГ» убедился, что этих очередей можно избежать.

Раз в месяц приходит тихая бабушка-лифтерша с длинным списком жильцов нашей девятиэтажки в руках. В домоуправлении не хватает людей — и лифтершу упросили взять на себя контроль за своевременным внесением квартплаты. Огрызком карандаша бабушка ставит в списке пометки: «упл.», «неупл.». С задолжниками она разговаривает просительно:

— Уж ты, деточка милая, заплати. А то заругают меня.

— Заплачу, заплачу, — обещает хозяйка. — Завтра же заплачу — я назавтра уже и отгул взяла.

— Дак я поставлю завтрашним числом, а ты заплати — не подводи меня.

С бабушкой иметь дело можно. Она жалостливая, вежливая, сама стесняется своей миссии: «Вот хожу, людям надоедаю, старая перечница».

И вообще, домоуправление у нас в этом смысле, слава богу, терпеливое.

Вот раньше мы жили в доме, принадлежащем ЖКО большого завода, — там с нами не церемонились. Чуть что — вывешивали на дверях подъезда черный список неплательщиков — для общего обозрения. Особенно злостных карали отключением воды. А поскольку в отдельной квартире воду не отключишь — вырубали стояк, питающий весь подъезд. Закорачивали, так сказать, на коллективную ответственность — и тогда уж держись, жилец-задолжник!

Правда, к этой крайней мере редко прибегали, но уж конфузить конфузили. Будь здоров как! Одного нашего соседа, известного в городе артиста, законфузили этими списками до того, что он домой заявиться боялся. Пробирался дворами, подняв воротник и надвинув на глаза шляпу. Артиста знал в лицо весь дом, и ему казалось, что люди за ним за спиной пальцами показывают. Вот он, дескать, идет: на сцене — «Человек — это звучит гордо», а в жизни за квартиру не платит.

Это наше горькое проживание в доме ЖКО припомнилось мне в связи с одним случаем. Бежали мы както с товарищем по вечерней Москве, трусили командировочной рысью от магазина к магазину. И вдруг врезались с разгону в хвост какой-то очереди, перегородившей тротуар.

— Чего дают? — спросил товарищ.

— Здесь не дают, — ответил пожилой гражданин, спрятал в карман дочитанный «Футбол-хоккей» и достал из другого кармана «Неделю».— Здесь берут.

Это была выплеснувшаяся на улицу очередь в приходную кассу. Оказывается, чтобы уплатить за квартиру, за телефон, за другие коммунальные услуги, надо хорошенько постоять в очереди. Иногда она подлиннее даже тех, что выстраиваются за модными ныне расклешенными «техасами».

Говорят, в Москве в последнее время очереди значительно укоротились — приняли меры. А в Новосибирске...

Недавно в Новосибирске я провел полтора часа в центральной сберкассе — самой, наверное, просторной в городе — и ушел, до окошка приходной кассы не добрался. Это в центре города, а не на Затулинском, допустим, приэлеодском жилмассиве, где у касс после получки люди часами стоят, чтобы отдать деньги.

Между прочим, в тот вечер подсмотрел я одно интересное явление: некоторые товарищи, заняв очередь, просили впередистоящих: «Отметьте, пожалуйста, что за вами занято, а я пока деньги получу». И отправлялись к прилавку сберкассы — для того лишь, чтобы, забрав деньги в одном окошечке, передать их в соседнее.

Любопытно, не правда ли? Так и просится разумное предложение: а почему бы не перечислять квартплату в приходные кассы непосредственно со сберкнижек? Меня охватил было рационализаторский зуд, но я вовремя вспомнил, что способ такой существует давно и нет нужды открывать Америку.

Словом, на другой день я отправился в Управление трудовых сберегательных касс области не для того, чтобы внести рацпредложение, а чтобы узнать, как оно внедряется в жизнь, насколько сокращает очереди.

— Мы производим такие операции, — ответил начальник управления С. И. Губин, — по личным заявлениям граждан. Правда, пользуются этой возможностью немногие.

— Так, может быть, люди не знают? Может быть, надо разрекламировать это дело в газетах, по телевидению?

— Господь с вами, какая реклама! — испугался товарищ Губин. — Не справимся мы. Так все запутаем — одни неприятности будут.

И объяснил почему: в городе не хватает приходных касс, помещения их не отвечают требованиям сегодняшнего дня, зарплата операторов маленькая и в результате работать некому.

Положение со сберегательными кассами действительно тяжелое. В том же Новосибирске их прибавилось с 1971 по 1974 год всего три. А число операций увеличивается. Если в 1970 году их производилось 8,5 миллиона, то в 1974 году эта цифра выросла до 12 миллионов. Через сберегательные кассы поступает 90 процентов платежей от населения за квартиры и другие коммунальные услуги. В дни пик работники выполняют в среднем по 450—500 операций за смену.

Люди не выдерживают такой нагрузки, уходят.

Правда, в феврале этого года горисполком принял решение о строительстве 18 новых и замене 15 старых сберкасс. Но ориентировочные сроки строительства определены в большинстве случаев на 1978, 1979, 1980 годы. То есть в ближайшее время улучшения не предвидится.

Мои бесконечные «а если... а все же» смутили-таки товарища Губина, он вызвал начальника операционного отдела управления З. К. Смоленцеву, и она подтвердила: да, можно шире практиковать перечисление квартплаты со сберкнижек, хотя и трудно. Однако способ этот вряд ли решительно облегчит положение. Он не популярен. Во всем городе только 69 человек подали в сберкассы такие заявления («приказы» — как их здесь называют). Далеко не у всех имеются сберкнижки, далеко не на всех сберкнижках постоянно хранятся достаточные суммы. Вообще метод хорош для пенсионеров да, может быть, для немногих творческих работников, получающих раз в год гонорар и не связанных с бухгалтерией ежемесячно. А заводскому рабочему, например, к чему этот лишний этап: переводить деньги на сберкнижку, а со сберкнижки — в приходную кассу? Не проще ли высчитывать коммунальные расходы из его зарплаты?

Жизнь отвечает, что проще и лучше. Она давно уже положительно ответила на этот вопрос.

В Томске, например, это делается уже пятнадцать лет. Из зарплаты каждый месяц высчитают за квартиру и коммунальные услуги. Появление на предприятиях машинно-счетных станций еще более упростило, удешевило и упорядочило эту систему. Сегодня ею охвачены все крупные предприятия города и некоторые институты.

Эту систему хвалят все — и те, кто платит, и те, кто производит расчеты.

Однако и в благополучном Томске система эта внедрена лишь на предприятиях, имеющих собственный жилой фонд. Меньше забот стало только у тех, кто живет в ведомственном доме. Опыт не идет вширь — горисполком к нему остается равнодушным.

Вообще проблема эта престранная. Вроде бы все давно найдено и опробовано:

можно переводить плату за квартиру и коммунальные услуги со сберегательных книжек;

можно высчитывать непосредственно из зарплаты в бухгалтериях предприятий и учреждений.

Существует, наконец, приказ № 1 правления Госбанка СССР о выдаче зарплаты через сберкассы. Приказ — не приказывающий, а разрешающий предприятиям использовать эту форму. Рабочие в таком случае не будут знать мороки с платежами: сберкассе перечислит все, что с них причитается, а остаток занесет на личный счет. Приходи и получай, как говорится, чистый доход.

Да что там, система всевозможных вычетов из зарплаты стала обыденностью: отчисляют взносы в сберкассу, берут и за покупки в рассрочку, и за страховку. И даже за ночлег в вытрезвителе...

А между тем очереди в приходные кассы продолжают стоять.

Почему?

Ответ один: всем трудно и никто не желает брать на свои плечи лишние хлопоты, никто не заинтересован в этом кровно.

Скажем, на одном из крупнейших новосибирских заводов — «Сибсельмаше» только половина рабочих, проживающих в ведомственных домах, не обивает пороги приходных касс. Остальных заводская бухгалтерия не очень-то зазывает. Догадается человек принести заявление — ладно, не догадается — ну и не надо. О тех же, кто живет в домах местных Советов, даже и разговора нет. Хорошо, что хоть в своем ЖКО задолжников поубавилось.

Главный бухгалтер «Сибсельмаша» П. Е. Попов как жилец доволен нововведением: с него за квартиру тоже удерживают. Но как главный бухгалтер он ему не очень-то рукоплещет. А уж о расширении и думать боится. Потому, объяснил Прокопий Евстихеевич, что не справится с этим бухгалтерия, «зашьется», несмотря ни на какие машинно-счетные станции.

Другое предприятие прельстилось было возможностью выдавать зарплату через сберкассу согласно приказу № 1. Но когда руководителям завода объяснили, что для этого они должны предоставить помещение под сберегательную кассу первого разряда, оснастить его всем необходимым оборудованием — от кассовых аппаратов до сейфов с сигнализацией, — передать Управлению трудовых сберегательных касс численность (из расчета пять операционных работников на тысячу работающих) и т. д., товарищи остыли к затее и вот уже несколько месяцев не подают голоса.

Так что же делать? Думается, что необходим комплексный, государственный подход к этой проблеме. Я представляю себе решение — не то частичное, что приводилось выше, а другое, всеобъемлющее, принятое, может быть, на более высоком уровне. Решение, которое не только определило бы количество сберегательных касс в городе или области, но и указало, какую часть разгрузочной работы должны взять на себя сами сберкассы, какую — бухгалтерии заводов, фирм, институтов, каким крупным предприятиям надлежит перейти на форму расчетов, разрешенную приказом-выручалкой № 1.

Иначе очереди в приходные кассы — самые нелепые из очередей — будут нарастать, как снежный ком.

А что такое снежный ком — в буквальном смысле — мы, живущие в Сибири, очень хорошо знаем. У нас так бывает: выпадет первый снежок — товарищи, ответственные за очистку улиц, думают: «Авось растает». Выпадет второй — товарищи, поглядывая в окошко, соображают: «Небось притоптется». А потом как забуранит на несколько дней, и, глядишь, через неделю тротуары сузились до размеров спичечного коробка, на проезжей части — заторы, а появившиеся наконец-то очистительные машины захлебываются в неодолимом снегу. И тогда должностные лица выступают по телевизору с призывом к горожанам — умоляют их взять в руки лопаты и метлы, проявить гражданскую активность.

Сейчас в положении таких умоляющих находятся работники трудовых сберегательных касс. «Товарищи, — говорят они.— Ну чего бы вам не идти врастяжку. Зачем вы валом валите после получки и аванса? Не справляемся мы!»

Вряд ли только эти уговоры способны кого-нибудь убедить.

НОВОСИБИРСК

Большая перемена

Фото А. ПАШИНА

Современная наука добилась огромных успехов в познании природы человека. Однако многие [illegible] частности некоторые законы психики человека [illegible] остаются не познанными до конца, и ученые прилагают все новые усилия для того, чтобы стереть «белые пятна» в науке. Ошибки и заблуждения неизбежны на этом трудном пути. Они не опасны, [illegible] в интересах истины стремятся осознать и преодолеть. Беда, когда научные заблуждения становятся объектом различных спекуляций, изображаются перед обществом как сенсационные открытия. Об одном из таких «открытий» рассказывается в перепечатываемой нами из западногерманского журнала статье, которую комментируют советские ученые.

ВЕЩЕСТВО, ИЗ КОТОРОГО СДЕЛАНЫ МЫСЛИ

КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, мозг удерживает воспоминания с помощью совершенно определенного вещества. Оно как бы отпечатывает поступающую информацию в ткани мозга, подобно тому как мелодия записывается на бороздки пластинки. Американец профессор Джордж Унгар, одним из первых открывший вещество памяти, сказал: «Нравится нам это или нет, а придется теперь исходить из того, что наш мозг является в конечном итоге хранилищем и отражающим механизмом для миллионов молекул памяти».

Такие «молекулы памяти» ученые нашли в опытах на животных. У крыс, мышей, золотых рыбок, цыплят и других подопытных животных они вырабатывали строго определенные новые навыки, а затем исследовали, можно ли выделить возникшие таким образом новые молекулы и перенести их из головы одного животного к другому. Это удалось. С помощью инъекций сложные навыки были перенесены из одного мозга в другой. Таким способом научили червей-планарий избегать соприкосновения с электрической решеткой. Посредством инъекций

рыбы освоили новые методы плавания. Крыс научили бояться темноты.

В Хьюстонском университете Д. Унгар впервые сумел вселить в мозг животного искусственно полученную идею. Он убежден, что «недалеко то время, когда мы найдем пути и средства для получения подобным же образом первых полезных молекул познания и для человеческого мозга».

Профессор Д. Мак-Коннелл дополняет его: «Познание в виде порошка в мозгу, — ведь это означает революцию во всех наших представлениях о процессах познания и забывания. Это снимает все наши прежние представления о самих себе. Что же в таком случае «Я»? Что такое личность?»

НЕВЗРАЧНЫЕ черви-планарии — вот кто дал исследователям мозга первые указания на то, что на самом деле происходит в голове человека. Д. Мак-Коннелл поместил червей в плоскую ванночку, подключенную к электросети. Над ванночкой висела лампа накаливания. Когда она загоралась, червяк получал слабый удар током и, пронзенный болью, сворачивался.

[illegible] Мак-Коннелл [illegible] [illegible]

Профессор Р. Гей [illegible] в загон, [illegible] в одном конце и освещенный ящик, в другом — темный. Как и следовало ожидать, животное [illegible] в темный ящик. Но в тот же момент убежище превратилось в камеру пыток: в течение пяти секунд животных мучили ударами электрического тока. Через пять дней крысе научилась бояться. Ничто не могло ее теперь заставить войти в темный ящик.

Перевоспитанную крысу ученый забил, вынул ее мозг и центрифугой отделил твердые частицы. Фильтрат он ввел с помощью шприце крысе, ничего не знавшей о камере пыток. Произошло то, что никто не считал возможным: крыса, которая до этого, не задумываясь, выбирала темные укрытия, теперь не решалась войти в темный ящик. Дрожа от страха, она присела перед ним: страх перешел к ней из мозга убитой крысы.

Такой результат взволновал другие лаборатории. Посредством инъекций крыс начали обучать находить миску с молоком, не бояться пронзительного звука, приучали не сходить с платформы, на которую их посадили. Одну группу крыс научили путем инъекций по световому сигналу убегать налево, а по звуковому — направо. Другая группа была запрограммирована на прямо противоположные действия. Золотых рыбок приучили переплы-

[illegible]

ТЕПЕРЬ, после сотен опытов с передачей заученных навыков, впервые стало ясно: воспоминания удерживаются в мозгу определенным веществом. Но как оно выглядит? Запечатлевается ли знание в одном-единственном субстрате или мозгу требуются для сохранения одного воспоминания десятки и даже сотни веществ? И каким образом выделить из них именно те, с которыми связаны усвоенные новые сведения?

Большинству исследователей эта задача казалась неразрешимой. И тем не менее профессор-фармаколог Д. Унгар определил, что только одно вещество удерживало заново выработанный навык боязни темноты. Ученый назвал его скотофобином (по-гречески скотофобия — мракобоязнь).

Анализ показал, что вещество памяти является белковообразной субстанцией. Профессор Унгар комментирует: «Тем самым мозг выбрал себе прямо-таки идеальный путь для регистрации информации. В естественном белке содержится в целом двадцать различных аминокислот. Каждая из них напоминает букву алфавита. Когда мозг должен что-то выучить, ему нужно только соединить буквы, то есть образовать буквенные цепочки, как бы слова».

Теперь подобные цепочки могут быть образованы и искусственным путем. Уже спустя несколько месяцев немецкий биохимик В. Парр смог продемонстрировать первые микрограммы искусственно полученного скотофобина. С волнением профессор Унгар ввел их подопытным животным. Получится ли таким образом боязнь темноты? «Искусственная идея» сработала точно: животные — словно они сами испытали жестокие пытки в темном ящике — останавливались перед входом в темное убежище, впадали в панику, убегали.

Знание впервые было получено в виде порошка. Мысль обрела форму биотехнической программы. Ее запускали в голову живого организма, и голова реагировала точно по заданной программе — совершенно как робот.

Эта демонстрация синтетического знания производила столь беспокоящее впечатление, что вызвала сомнения даже у исследователей мозга. Но Д. Унгар, между тем, сумел выделить уже вторую молекулу знания, названную амелитином.

УВИДЕТЬ темную дыру, определить ее как неподходящий объект, убежать — и все необходимые для этого «мысли» удержать в одной-единственной молекуле! Узнавать сигнал [illegible], научиться его бояться — и сохранять это знание в мозгу при помощи всего одного вещества! Как все это может происходить?

На такой вопрос до сих пор нет детального, доказуемого ответа. По представлению Д. Унгара, сохранение воспоминаний происходит таким образом, что подлинные миникартины пережитого рисуются на огромной решетке мозга как раз с помощью молекул памяти. Каким образом это происходит, можно пояснить на упрощенном примере.

Предположим, что человек впервые видит цифру «4». Он [illegible] ее запомнить. В этом случае он ее заучивает: глаз превращает форму цифры в [illegible] мозга тысячами нервных путей. Благодаря поступающим электроимпульсам в решетке раздражаются клетки, соединяющие [illegible] именно в форме «4». Цифра появляется в решетке мозга в виде совершенно точной копии. Импульсы тока стимулируют образование совершенно новых веществ — молекул памяти. Эти молекулы памяти отмечают свой путь по волокнам и клеткам. Таким образом, в мозгу образуется своего рода шаблон «4».

В принципе подобным образом происходят все процессы запечатления в памяти.

Количество путей накопления воспоминаний, используемых в решетке мозга, столь велико, что в течение всей жизни оно не может быть исчерпано. Даже у 70- и 100-летних все еще найдется место для новых отпечатков. Правда, в эти годы в голове уже будет от 10 до 100 миллионов различных молекул памяти. Но вся эта «память» не наполнила бы собой даже водочной рюмки: она весила бы около грамма.

Исследователи мозга уже сегодня убеждены в том, что с этим достижением науки для человеческого сознания наступает столь же ослепительный, сколь и пугающий период. Впервые открывается возможность рассмотреть знания под лупой, в лабораторной пробирке. Но на ум приходит и нечто иное. С тех пор как существуют люди, они всегда искали средства и пути овладения как можно большим количеством знаний. Простейшим путем познания было бы образование синтетических «молекул информации». Вместо школы существовали бы «фабрики знаний», вместо учителя — шприц. И все муки ученья сменились бы легкой болью от укола в плечо. Дойдет ли дело когда-нибудь до этого?

В принципе это не вызывает возражения исследователей мозга. Если все виды информации сохраняются в молекулах памяти, то это относится и к таблице умножения, и к английскому языку, и к материалам урока по биологии.

Однако на практике пройдет еще много времени, прежде чем такие элементы памяти станут доступны нам в пакетиках. Исследование мозга умерших людей позволило бы найти подход к молекулам памяти. Но Д. Унгар предупреждает: «Прежде чем мы сможем приступить к этому, нам нужно будет существенно улучшить наши методики выделения тех или иных веществ».

Считается вероятным, что молекулы знания животных будут производить то же действие и в голове человека. Порошок боязни темноты — скотофобин, полученный из мозга крыс, вызывает страх также у мышей и других животных. Амелитин, молекула «привыкания к звонку», действует аналогичным образом на животных самых различных видов. Теперь профессор Д. Унгар решил провести рискованный опыт на самом себе. Он хочет ввести себе амелитин — порошок крысиной памяти и понаблюдать, что же после этого произойдет. «Быть может, — говорит он с усмешкой, — я буду первым человеком, которого крысиная мудрость приведет к познанию».

Сокращенный перевод из журнала «Штерн» (ФРГ)

ЗАМАНЧИВАЯ ГИПОТЕЗА И СТРОГИЕ ФАКТЫ

СОМНИТЕЛЬНОЕ ВЕЩЕСТВО, ОШИБОЧНЫЕ ИДЕИ...

В ПОСЛЕДНИЕ годы на страницах многих газет и журналов различных стран все чаще публикуются сообщения о новой научной сенсации — «химическом переносе памяти». О возможностях такого «переноса» и связанных с этим надеждах для человечества уже поведали и многие советские издания.

Что же новая сенсация обещает человечеству? Оказывается, не будет больше долгих и трудных лет учения. Не будет проблемы овладения сложной научной информацией. Для этого достаточно будет проглотить вещество, выделенное из мозга человека, уже владеющего такой информацией. Или даже искусственно синтезированный аналог этого вещества. В. Сергеев в книге «Тайны памяти», изданной в серии «Эврика» издательства «Молодая гвардия», в главе «Пилюля из нашего дедушки» пишет:

«Потребность читать отпадет. С романами Ремарка и Хемингуэя молодежь познакомит жевательная резинка. Школьных занятий и лекций в вузах не будет. Сроки обучения сократятся до минимума. Студентам [illegible]»

Примерно в таком же роде излагается дело и в других изданиях. И статья из западногерманского журнала «Штерн» [illegible]: «Вместо школы существовали бы «фабрики знаний», вместо учителя — шприц. И все муки ученья сменились бы легкой болью от укола в плечо».

Стоит ли обращать внимание на преувеличения, свойственные порою научной популяризации? [illegible]

В ПОПУЛЯРНЫХ изданиях усиленно создается впечатление, что результаты опытов по «переносу памяти» [illegible] в опытах Мак-Коннелла планария, съевшая другую планарию, у которой был выработан условный рефлекс на свет, подкреплявшийся током, сама стала обладательницей этого рефлекса, такой рассказ звучит убедительно. Беда только в том, что до сих пор еще не удалось доказать, что у планарий вообще можно выработать условный рефлекс. Американский ученый Кэлвин, потративший три года на попытки выработки у планарий четких условных реакций, не смог получить хоть какого-либо устойчивого, воспроизводимого эффекта, позволявшего без колебаний отличить обученное животное от необученного. Это было подтверждено целым рядом других работ. Можно ли говорить о «переносе обучения», когда сам факт обучения не доказан?

Любое неприятное, необычное раздражение (ток, свет, пересадка планарии в экспериментальную камеру и т. п.), по-видимому, вызывает у нее общее неспецифическое повышение возбудимости. Вот этот неспецифический эффект может проявляться и у планарий-каннибалов, съедающих своих «обученных» собратьев. Анализ статистических данных самого Мак-Коннелла, приведенный на одном симпозиуме, показал, что доказательства специфического «переноса» у планарий обучения основываются на неправильных экспериментальных данных.

Может быть, более убедительны данные по «переносу памяти», полученные на мышах, крысах — животных, способность которых к обучению не вызывает сомнения? Следует сразу несколько разочаровать тех, кто поверил заверениям прессы о мгновенной «пересадке знаний»: в научных исследованиях речь идет лишь о некотором ускорении, облегчении обучения у животных-«реципиентов», находящихся в тех же экспериментальных условиях, в которых обучались «доноры». Например, крысы, которым введен «скотофобин», не только не «впадают в панику» и не убегают, но заходят в темную камеру и проводят там от трети до половины времени эксперимента, хотя никто их не заставляет их входить туда. Именно по количеству времени, которое животное проводит в темном отделении, а вовсе не по паническому бегству оценивают результаты эксперимента.

Однако опыты с переносом «боязни темноты» были только началом. Теперь появляются сообщения, что, вводя «мозговой экстракт» обученных животных в брюшную полость необученных, можно научить их избегать синий, зеленый или красный цвет, «перенести» умение нажимать на рычаг или открывать дверцу при звуке щелчка. В одной из последних статей профессора Унгара утверждается, что таким способом крысам удается «передать» даже такие навыки, как последовательность поворотов (до шестнадцати!) в сложном лабиринте. (Отсюда, действительно, рукой подать до химического переноса высшей математики!) Однако анализ результатов обучения и в этом случае показывает, что никаких принципиальных отличий в овладении навыком у «обученных» крыс нет — есть лишь небольшое ускорение времени добегания до цели: у контрольных крыс после 6 дней обучения оно равно примерно 30 секундам, а у крыс, которым «перенесли память о лабиринте», при такой же длительности обучения оно на 4—5 секунд меньше.

Таким образом, рассмотрение результатов опытов по «химическому переносу памяти» показывает, что смысл этих фактов значительно скромнее, чем это пытаются представить.

НО ДАЖЕ и эти результаты становятся сомнительными, когда их, как это принято в науке, начинают проверять другие исследователи. И здесь мы сталкиваемся с поистине удивительным обстоятельством: факты «химического обучения» обнаруживаются в некоторых лабораториях и не обнаруживаются во многих других.

Еще в 1966 году представители 27 американских лабораторий выступили с заявлением о невозможности воспроизвести феномен «переноса информации». Анализ исследований, подтверждающих и опровергающих «перенос памяти», [illegible]

[illegible] чение 6 дней «перенос» есть, в течение 7 дней его нет), направление движения (если животное учат обходить препятствие справа — «перенос» есть, а при обучении обходу слева — нет) и т. д. Более того, имеет значение даже место работы ученого. Так, Унгар в США и Циппель в ФРГ получали золотых рыбок для опытов по «переносу памяти» от одной и той же итальянской фирмы. Циппель обнаружил, что эти рыбки имеют сильное врожденное стремление к красному свету и избегают зеленого. Эту естественную тенденцию он у них преодолел и новый навык «перенес» необученным рыбкам. В то же время у американца Унгара рыбки почему-то обнаружили врожденное предпочтение к зеленому свету и отвращения к красному.

Мы приводим здесь лишь наиболее анекдотические из условий воспроизведения «переноса памяти». Есть и другие, с научной точки зрения не менее удивительные. Одно ясно из анализа конкретных опытов: здесь нарушается основное и непреложное требование науки — воспроизводимость результатов. Вы можете потратить время на опровержение феномена «переноса», а вам скажут, что вы просто живете в другой стране. Все это угрожающе напоминает ситуацию с парапсихологией, где факты и доказательства всегда есть, всегда на уровне «фифти-фифти» и всегда требуют для своего воспроизведения счастливого стечения обстоятельств и соблюдения десятков ритуальных условий. Таким образом, достоверность и воспроизводимость фактов «переноса памяти» в действительности таковы, что уже пятнадцать лет эти работы не выходят из категории сомнительных.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ на основании таких экспериментов выдвигаются теоретические представления о химических механизмах памяти. Профессор Унгар и его не слишком многочисленные [illegible] «молекулярном кодировании памяти». Позиция сторонников этого направления сводится к тому, что [illegible] Только допуская это, можно говорить о «химическом переносе памяти» и надеяться на создание «порошка знания».

Могут ли, однако, клетки мозга вырабатывать для каждого нового события внешнего мира новое особое вещество, новую особую «молекулу памяти»? Хорошо известно, что любое вещество может вырабатываться клеткой только в том случае, если оно «запрограммировано» в генетическом аппарате данной клетки. Отсюда следует необходимый вывод: вся информация о внешнем мире, если она может записываться в молекулах, должна быть записана в генетическом аппарате клетки, а поскольку генетический аппарат один и тот же у всех особей всех поколений биологического вида, то, договаривая мысль сторонников «молекулярного кодирования» до конца, следует сказать, что все, что открыто и создано человечеством от века, было заранее вложено (кем? когда?) в мозг каждого человека. У некоторых счастливцев лишь складывались условия, снимавшие запрет с одной из нереализованных генетических возможностей, и тогда рождались новые открытия или произведения искусства.

Можно, например, представить себе, будто уже в мозге человека — скажем, X века — спали готовые системы для рождения «Гамлета» или теории относительности. Для их реализации просто не сложилось подходящих химических условий... Более того, выходит, что в каждом из нас живет «память будущего» — невостребованным грузом в нашем мозге лежат уже готовые творения XXV, XXX и прочих грядущих веков... Конечно, все сказанное — доведение точки зрения сторонников «молекулярного кодирования» до абсурда. Но несомненно также и то, что все это логически вытекает из развиваемой ими концепции.

Все основные биохимические вещества, вырабатываемые нервными клетками, принципиально не меняются в ходе эволюции — от [illegible] животных, способных к примитивному обучению, до человека, обладающего огромным багажом информации. Вместе с тем известно, что в ходе эволюции поразительным образом возрастает число нервных элементов, а также число и степень сложности контактов между ними. На этом и других основаниях большинство ученых в настоящее время считают, что запечатление новой информации зависит от тонких пластических перестроек взаимодействия нервных клеток под влиянием сигналов, поступающих в мозг из внешней среды, и имеет системную организацию, возникающую в каждый акт обучения. Разумеется, функционирование клетки обеспечивается определенными молекулярными системами, но это не значит, что существуют особые «молекулы памяти». Есть «молекулы мышечного сокращения», но нет «молекул входа в зону» у хоккеистов, как нет и «молекул антраша» у балерин. Далее, никто, конечно, не будет отрицать существования биохимических процессов, протекающих в мозге во время его активной работы. Однако никто не доказал, что эти процессы при запоминании цифр «4» или «5» качественно различаются. В этом и заключается, по сути дела, разница в оценке роли биохимических механизмов памяти сторонниками и противниками «молекулярного кодирования информации». (Кстати заметим попутно, что представление об «изображении» цифры «4» в коре головного мозга, приводимое журналом «Штерн», находится в вопиющем противоречии с фактами. В этой связи стоит привести слова крупного американского нейрохимика Лоури: «Молекулярный подход к памяти напоминает попытку взять телевизор и вычислительную машину, размолоть их в порошок и, производя химический анализ, пытаться определить, где же находится источник всех красивых цветных изображений и сложных вычислений».)

Несомненно, что те опыты сторонников «переноса памяти», в которых удавалось наблюдать некоторые изменения поведения животных, могут найти рациональное объяснение вне рамок представлений о «молекулярном кодировании». Науке известно достаточно много веществ, формирующихся в самом организме (гормонов) или вводимых в него (психофармакологических средств), которые могут вызывать различные изменения поведения. Скажем, введением определенных гормонов можно вызвать у крыс такие сложные формы деятельности, как строительство гнезда, материнское поведение, оборонительные реакции. Но подобные изменения являются следствием сложных биохимических сдвигов внутренней среды организма, изменения уровня работы некоторых центров мозга и других органов, но не результатом получения какой-то информации о событиях, происходящих во внешнем мире. Голландский биохимик де Вид проанализировал влияние различных частей молекул одного гормона, а также «скотофобина» на разные формы поведения животных. Он показал, что эти части молекул обладают совершенно аналогичным действием. Именно вследствие такого сходства и может возникнуть ложное впечатление «переноса обучения». Эта точка зрения подтверждается некоторыми работами американских исследователей (Беннета, Франка и др.), которым удалось «перенести память» не экстрактами мозга, а экстрактами печени обученных животных. Поскольку печень невозможно считать хранилищем памяти, остается полагать, что эффекты так называемого «переноса памяти» имеют иное объяснение, чем то, которое предлагается сторонниками «молекулярного кодирования поведения».

Мы думаем, приведенных примеров достаточно для того, чтобы читатель понял, что речь идет не просто об «упрямстве» и «консерватизме» приверженцев классической концепции памяти. Если бы факты «молекулярного переноса» оказались надежно воспроизводимыми, если бы их нельзя было объяснить известными механизмами работы нервных клеток, физиологи, разумеется, признали бы эти факты. Однако огромный экспериментальный материал, накопленный нейрофизиологией, говорит о том, что претензии «молекулярного кодирования» совершенно неосновательны.

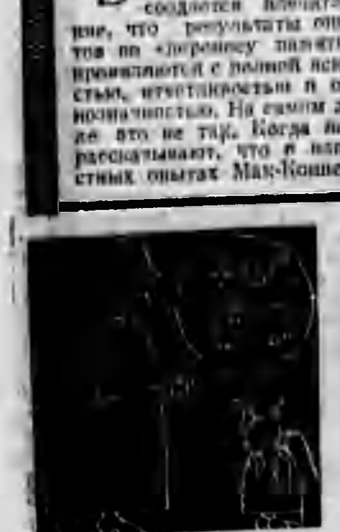
ПОЧЕМУ ЖЕ при всем этом работы по «переносу памяти» развиваются в нарастающем темпе? Причин тут, по-видимому, несколько. Это может быть искренняя, но излишняя увлеченность, подогреваемая практической перспективностью задачи. Не исключена такая причина, как недостаток знания смежных разделов биологии. А иногда возможны и менее простительные причины. Поразившая капиталистический мир инфляция не могла не затронуть финансирование научных работ. Крупные ассигнования, отпускавшиеся на научные исследования в 1950—1960-х годах, в настоящее время резко сокращаются. Закрывается много второстепенных научных организаций, масса ученых вынуждена искать себе применение вне сферы научно-исследовательской работы, получение фондов для продления договоров на следующий год становится труднейшей проблемой. В этих условиях совесть ученого подвергается тяжкому испытанию. Те, кто не выдерживает его, зачастую избирают шаткий, но на время спасительный путь создания «научной» сенсации. Для этого нужно по возможности избрать идею, во-первых, сулящую немалые практические выгоды, а во-вторых, достаточно простую и доходчивую, ибо люди, от которых зависит финансирование науки, не всегда способны разобраться в сложностях научного исследования. А что может быть заманчивее для человечества, чем обучение без обучения, обучение без труда, обучение за обеденным столом? Однако, если современная наука действительно могущественна, вряд ли она может избавить человека от необходимости думать и превратить его из человека разумного в человека переваривающего. Сотни тысяч лет биологической эволюции и тысячи лет социального развития человека наделили его способностью усваивать опыт предшествующих поколений и создавать новое иными способами, чем «поедание родителей». Мы сохраним веру в науку и ее способность различными путями — за счет лучшей организации потока информации, познания законов психики, фармакологических воздействий на физиологию и биохимию мозга — облегчить каждому человеку труд овладения грандиозным интеллектуальным богатством, накопленным человечеством. Однако отнесемся с уважением к опыту наших дедушек и не будем делать из них... пилюли.

И давайте осторожнее относиться к научным сенсациям, в особенности когда от нашего отношения к ним зависит, в какой степени научные силы общества будут отвлекаться на создание очередного «регретиум mobile». Заметим в заключение, что, возражая критикам, сторонники «молекулярного кодирования знаний» указывают, что многие великие научные теории встречались поначалу «в штыки», но это не помешало им со временем занять истинное место в науке. Это, конечно, так, но история науки знает несравненно больше теорий, претензии которых оказались в конце концов несостоятельными. Мы уверены, что теория «химического переноса памяти», несмотря на ее необычайно заманчивые перспективы, имеет крайне мало шансов войти в фонд той совокупности знаний о реальном мире, которая составляет науку.

М. ЛИВАНОВ, академик, [illegible] Академии наук СССР

О. ВИНОГРАДОВА, заведующая лабораторией [illegible]

С. РОЗАНОВ, [illegible]



Фотокомментарий В. СМИРНИЦКОГО

1975 — Международный год женщины

Вновь появились улыбки на лицах женщин освобожденного Южного Вьетнама

Фото из газеты «Вархайт» (ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН)

Итальянские женщины активно участвуют в борьбе за экономические и социальные права

Фото из журнала «Нои донне» (ИТАЛИЯ)

«Работу немедленно», — требует участница демонстрации в Нью-Хейвене (США).

Фото из газеты «Дейли уорлд» (США)

Эдуард РОЗЕНТААЛЬ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ВСТРЕЧИ В СТРАНЕ «СОЦИАЛЬНОГО МИРА»

ЖЕНЕВА нас не приняла. Туман. В Цюрихе тоже был туман, но Цюрих принял.

Обычно часы ожидания в транзитных залах аэропортов тянутся мучительно долго. Но на этот раз мне повезло. Мой спутник мосье Инэбнит оказался разговорчивым собеседником. Он вполне сносно знал русский.

— О, вы знаете, мы в восторге от России. В Женеве вы обязательно приедете к нам как гость. Договорились?

Мадам Инэбнит согласно кивала головой. Оказалось, что она тоже знает русский язык и что вообще она русская. Родители привезли ее в Швейцарию еще девочкой, и здесь она познакомилась со своим будущим супругом. Впоследствии Вера Инэбнит разыскала своего брата, который живет в Москве, и вот уже пятый раз дружная чета навещает его.

— Он живет с семьей в Теплистане. — Мадам Инэбнит заглядывает мне в глаза. — Знаете, это такое место в Москве?

— В Теплом Стане?

— Это далековато от центра, и у них еще не поставили телефон... — начинает объяснять мадам Инэбнит, но мосье Инэбнит перебивает ее:

— Мы им во многом завидуем. Мы всем вам завидуем, потому что вы обитаете в России... Стабильность. Это очень много в наше время. Но я хочу говорить о другом! У вас, как бы это лучше сказать, совсем иной амбьянс... да, да, атмосфера.

Он устал подбирать русские слова и перешел на французский:

— Ваши люди более жизнерадостны. И, что нас всегда раньше поражало, а сейчас мы стали к этому привыкать, — у вас везде много друзей.

— Но ведь вы не хотите сказать, что у вас нет друзей.

— Да, да, именно это я и хочу сказать. У нас, конечно, тоже есть знакомые.

— Это не друзья, а партнеры по бриджу, — сказала мадам Инэбнит. — Они приходят к нам по вечерам, и мы играем в карты. Коротаем время. Но, когда я тяжело заболела, никто из них ни разу не навестил нас. Ведь я не могла тогда играть в бридж. Это, должна вам сказать, очень грустно.

— Очень грустно, — подтвердил мосье Инэбнит. — Вы оптимисты потому, что у вас есть не только стабильность, но и перспектива. А наши перспективы, — он невесело усмехнулся и махнул рукой. — А, что там говорить, сами все увидите. Кстати, можно поинтересоваться, зачем вы приехали в Швейцарию? Если не секрет, конечно.

Узнав, что я журналист, что в течение нескольких лет работал в Швейцарии и теперь после двухлетнего перерыва приехал сюда в командировку, он воскликнул:

— Все понятно. Вы хотите лично присутствовать при кризисе капитализма.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мосье Инэбнит — ведущий инженер и администратор небольшого частного завода, производящего материалы из пластика. «Маленький президент», как выразился он сам.

— Наш завод выпускает высококачественный товар. С нами ведут дела японцы, французы, западные немцы...— И тут же поправился: — Вели. В последнее время заказов стало значительно меньше. И не только у нас, конечно.

Он закончил по-русски:

— Все катится к чертовой бабке.

...Объявили посадку на самолет. Через полчаса мы были в Женеве. Мосье и мадам Инэбнит долго трясли мою руку.

— Так вы обязательно нас навестите? Будем вас очень ждать.

...Вице-президент Лозаннского отделения «Банк попюлер» мосье Клавель встретил меня в холле и провел в свой кабинет. Сел за письменный стол и предложил мне место в кресле напротив. Бросил взгляд на стенные часы — было 11.30. Потом посмотрел на меня выжидательно-вежливо. Как бы давая понять, что время — это по-прежнему деньги. Я поспешил задать свои вопросы. И тут же получил ответы. Четкие и скупые, удивительно гармонировавшие со строгим костюмом мосье Клавеля и подчеркнуто скромным убранством его кабинета.

— Кризис? Больше воображение журналистов. Определенные трудности — согласен... Лично я? Оптимист... Разоряются мелкие предприятия и маленькие банки. Не смогли сэкономить и накопить вовремя... Банки, подобные нашему? Нет проблемы. У нас достаточные жировые накопления... Да, да, вы правы, мы и сейчас их наращиваем. Выпускаем долгосрочные займы... Не далее как сегодня начинаем размещение 50 миллионов франков. Под восемь процентов годовых. Сроком на 12 лет... Клиенты? Нет проблемы. Они встревожены конъюнктурой и охотно отдают свои капиталы под гарантию солидных банков...

— Таких, как ваш?

— Разумеется. Судите сами: у нас 24 отделения и 110 филиалов только в одной Швейцарии. Публика нам верит... Мелкие банки? Совсем другое дело. Они сами стараются избавиться от денег, дают их под процент мелким клиентам. Барахтаются.

Мосье Клавель криво усмехнулся и сделал лирическое отступление. Единственное.

— Помните басню «Стрекоза и муравей»? Так вот, для стрекоз нынче наступила зима.

Он снова посмотрел на меня выжидательно. Стрелки на часах показывали ровно двенадцать...

Вернувшись в гостиницу, я стал листать швейцарские газеты.

...За пять лет в Швейцарии разорилось 2487 мелких промышленных предприятий и банков.

...Сумма прибылей трех крупнейших банков страны поднялась до полумиллиарда франков в год. Пять банков, в число которых входит и «Банк попюлер», сосредоточили в своих руках 130 миллиардов франков.

Когда мосье Инэбнит говорил, что все катится к чертовой бабушке, он имел в виду свой заводик и тысячи ему подобных. Можно понять и мосье Клавеля, оптимизм которого растет с накоплением золотых слитков в сейфах «Банк попюлер».

Конечно, объяснять это усердием муравья и беззаботностью стрекозы проще всего. И спокойнее.

Только басня тут ни при чем. Мосье Инэбнит не менее усерден, чем мосье Клавель. Просто большие усердные муравьи поедают маленьких усердных муравьев. И не в басне, а наяву. Поедают по всем правилам науки. И не придерешься. Все логично. Если, разумеется, иметь в виду логику капитализма.

...В витрине банка выставлен телевизор. На его экране беспрерывно мелькают цифры. Валютные курсы, курсы акций крупнейших международных компаний. Пожилой мужчина смотрит на экран и время от времени заносит пометки в блокнот. Сокрушенно качает головой.

— Что, плохо?

Секунду он глядит на меня, потом снова впивается в экран телевизора:

— Плохо? Скажите лучше: грабеж. 2,50!

Когда в 1968 году я приехал впервые в Швейцарию, американский доллар оценивался в 4 франка 75 сантимов. И вот теперь стоимость того же доллара упала до 2 франков 50 сантимов. А это значит, что пожилой швейцарец, который, поверив рекламе, покупал акции американских компаний, потерял только на одной разнице в курсе около половины своих сбережений.

Синьор Сатини, часовщик из Женевы, тоже жалуется:

— Мы расплачиваемся сегодня за американскую авантюру во Вьетнаме. Эти янки привыкли перекладывать свои неприятности на чужие плечи.

Синьор Сатини обводит рукой полки и стеллажи, сплошь заваленные часами всевозможных размеров и форм: от старинных традиционных с кукушкой до современных электронных без циферблата и стрелок.

— Все это покупали иностранцы. А теперь хоть закрывай лавочку и увольняй свою жену.

Он взглянул на продавщицу:

— Ты не будешь бунтовать, Колетт, если я тебя уволю?

И он сокрушенно качает головой. Точь-в-точь, как тот пожилой швейцарец у экрана телевизора.

Если синьор Сатини подумывает, закрывать ли ему свою лавочку, то хозяева Генерального общества часовой промышленности намерены преодолеть трудности сбыта иным путем.

Генеральное общество — самое крупное объединение часовой промышленности Швейцарии. На его предприятиях занято около 16 тысяч рабочих и служащих. В 1973 году валовая продукция общества оценивалась в 1 миллиард 270 миллионов франков, 38 процентов оборота всей часовой промышленности страны.

Подсчитав «убытки», то есть процент снижения прибылей, администрация общества опубликовала коммюнике, в котором объявила о сокращении рабочего дня и о соответствующем снижении заработной платы рабочим и служащим на 10—20 процентов. Чем не выход?

Впрочем, это далеко не единственный выход из положения. Помимо сокращения рабочего дня, можно не выдать ежегодную надбавку в связи с ростом стоимости жизни. А можно и дать рабочим дополнительный неоплачиваемый отпуск.

Как это сделали, например, хозяева «Дюби» — компании по производству вязальных машин.

«Учитывая нынешние затруднения, испытываемые нашей компанией, — заявили они, — и в целях сдерживания роста затоваренной продукции дирекция решила продлить отпуска персоналу всех заводов и лабораторий компании».

Для 1800 рабочих и служащих предприятий «Дюби» это лаконичное извещение означало: их отпуска продлили на шесть с половиной дней. Разумеется, не заплатив ни сантима.

...Эдуар Марлета, вязальщик завода в Куве, работает на компанию «Дюби» вот уже 25 лет. Но он не хочет отдыхать лишнюю неделю.

— Я не могу позволить себе такую роскошь, как дополнительный отпуск. У меня трое детей. Жена работает полдня... Мы требуем оплатить нам эти шесть с половиной дней, но если профсоюз не добьется отмены постановления администрации, придется покориться. Я не хочу терять свое место.

На протяжении последних 30 лет профсоюзам удавалось договариваться с хозяевами. Правда, это были годы высокой экономической конъюнктуры. Обе мировые войны прошли мимо Швейцарии. И национальный капитал использовал выгоды подобной ситуации. Постоянный нейтралитет помог привлечь сюда огромные денежные средства. Вот эти капиталы и бросили швейцарские финансисты в различные отрасли промышленности ослабленных второй мировой войной западноевропейских стран. А непрекращавшийся во время войны и после нее приток иностранного золота в местные банки способствовал дальнейшему упрочению экономики.

В этих условиях хозяева готовы были выделить из своих сверхприбылей мизерную долю во имя сохранения «социального мира». Теперь, в период экономического спада, они все более открыто обирают рабочих.

Лидеры профсоюзов встревожены.

— Это грубейшее нарушение трудового договора, — Клод С. из профсоюза рабочих часовой промышленности объяснял мне ситуацию и все больше распалялся. — Ведь в контрактах черным по белому записано, что в случае безработицы хозяева проявят максимум заботы о своем персонале. Чего стоит пресловутый «социальный мир»? Можно в него верить?

Вопрос наивный. Но в устах реформистского лидера, всегда выступавшего с позиций классового соглашательства, он отражает растерянность и признание того очевидного факта, что реформизм оказался у разбитого корыта.

* *

...Такого Женева не видела давно. Многотысячная колонна трудящихся, движущаяся от заводов Шармий к центру города. Бурный митинг в переполненном зале Фобур. Четкие пункты резолюции:

— Нет безработице!

— Нет сокращению рабочего дня без компенсации!

— Нет политике раскола между швейцарскими и иностранными рабочими!

— Предупреждение патронату: «Всякое посягательство на жизненный уровень трудящихся, как швейцарских, так и иностранных, будет расценено, как провокация, и вызовет ответ методами классической борьбы рабочего класса»...

Швейцарию на Западе принято считать страной благополучной. Кое-кто не прочь даже изобразить ее своеобразной лабораторией «просвещенного капитализма». Без эксцессов и кризисов. Без забастовок и безработицы.

Иллюзии не выдержали столкновения с реальной действительностью...

ЖЕНЕВА — МОСКВА

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ КОММУНИСТА ДЭН ТО

ПЕКИНСКИЙ май 1966 года запомнился мне шествиями молодежи с портретами Мао Цзэдуна, пропагандистской шумихой по поводу термоядерного испытания, а более всего — статьями против Дэн То.

Первой его атаковала «Цзефанцзюнь бао» — армейская газета. Она потребовала «вырвать с корнем» все, что написал популярный в Китае публицист. Через день тот же призыв с удвоенной яростью повторили две шанхайские газеты: они поместили статью Яо Вэньюаня, в которой Дэн То и сотрудничавшие с ним публицисты были названы «волчьим логовом», «гнездом ядовитых змей». Далее к хору подключились журнал «Хунци», провинциальные органы печати. Так начался первый, «литературно-критический» этап «культурной революции», непосредственно подготовивший разгром пекинского горкома, своего рода прелюдия к провозглашенному Мао Цзэ-дуном «огню по штабам».

«Вырвать с корнем» творчество Дэн То оказалось для маоистов, однако, делом непосильным. С какой бы яростью ни уничтожались хунвэйбинами его книги, они не могут не оставить заметного следа в китайской литературе. Публицистика Дэн То была за последнее время издана в ряде стран, недавно вышла отдельной книгой и в Советском Союзе*.

Знакомясь с «Вечерними беседами в Яньшани», читатель безусловно с первых же строк по достоинству оценит и глубину эрудиции, и непринужденность стиля Дэн То, но многие, вероятно, спросят: где же здесь «крамола»? За что «идеологи» маоизма «искореняли» автора в 1966 году? В самом деле, публицистические миниатюры Дэн То по преимуществу ограничиваются далекими от сегодняшней политики сюжетами древней китайской истории. Это своеобразные притчи, в которых идет речь о простых истинах: образованность и здравомыслие, умение дорожить друзьями и бережное отношение к плодам человеческого труда — хорошо, а деспотизм и мстительность, страсть к пустословию и невыполнение собственных обещаний — плохо. Но в том то и дело, что в нынешних условиях, существующих в Китае, простое утверждение элементарных норм морали уже выглядит политической демонстрацией.

Так, слова древнекитайского сановника Гуань Чжуна — «Не браться за недостижимое, сообразовываться с силами народа» — прозвучали отнюдь не безобидно в апреле 1961 года, когда Дэн То процитировал их. Ведь в то время китайский народ как раз пожинал горькие плоды разрухи от волюнтаристской затеи с «большим скачком», и любое упоминание о здравомыслии выглядело даже бо́льшим вызовом, нежели слово «веревка» в доме повешенного!

А притча насчет амнезии! «Они быстро забывают увиденное, не помнят сказанного ими самими и даже собственных поступков. Они часто не выполняют обещанного, не держат слова», — писал Дэн То о людях, пораженных таким «недугом». Какое обличительное звучание обретали эти слова в стране, чьи лидеры сначала подстегнули трудящихся лозунгом «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья», а потом, потерпев фиаско, объявили, что «для строительства социализма в Китае потребуется сто, двести, а возможно, и больше лет»!

Чрезвычайной остротой отличалась публицистическая миниатюра, в которой Дэн То цитировал ученого эпохи Сун: «Надо выбирать друзей, которые сильнее тебя. Это принесет пользу, потому что у них можно учиться, как расти самому». Аналогичную мысль содержал и старый анекдот о самодовольном невежде, заканчивавшийся моралью: «Пренебрегать учителем и полагаться только на свои способности — значит ничему не научиться». Не опасно ли было провозглашать эти «простые истины» в то самое время, когда маоистская группировка взяла курс на разрыв отношений с КПСС и советским народом, на отказ от опыта строительства социализма в СССР и других социалистических странах?

Маоистам всюду и во всем чудятся враждебные намеки и политическая крамола. Мне довелось читать газетную статью, в которой как выпад против «великого кормчего» толковался девиз «знание — сила» (нет, только «идеи Мао Цзэ-дуна — сила», — возражала газета). Помню, как композитора Хэ Лу-цина «прорабатывали» за пометку «с тонким чувством» в партитуре к одной из ораторий (это было истолковано как стремление «принизить боевой пафос большого скачка»).

Немало людей в Китае пали жертвами маоистской мании преследования только за то, что они попросту высказывали элементарные истины, не вкладывая в них никакого иного смысла. Как же было маоистам не обрушиться на Дэн То, публицистика которого сознательно несла в себе иносказания, болезненно жалила Мао тонкими и точно нацеленными аллегориями?

Дэн То — один из тех преданных народу, высокообразованных китайских коммунистов, которые уже в разгар «большого скачка» понимали пагубность этой маоистской авантюры для страны, видели в ней предательство интересов революции. И таких людей было немало.

Летом 1959 года на Лушаньский пленум ЦК КПК, по просочившимся на Запад сведениям, с мест приходили письма от партийных работников с просьбой отменить «скачок»; эти письма были написаны... кровью. На пленуме против Мао Цзэ-дуна, как известно, выступил маршал Пэн Дэ-хуай — член Политбюро ЦК КПК и министр обороны, поддержанный рядом видных государственных и военных деятелей. Правда, группа Мао сумела благодаря ловким интригам нейтрализовать Пэн Дэ-хуая, объявив его «правым элементом». Однако народное хозяйство Китая было в столь бедственном положении, что не отступить от политики «большого скачка» было невозможно. И хотя в китайской пропаганде по-прежнему звучали утверждения о «победе большого скачка», на практике в КНР осуществлялось «урегулирование», базировавшееся на частичном восстановлении основ планирования, оплаты по труду, материальной заинтересованности и прочих принципов социалистического хозяйствования.

В этой курьезной ситуации, похожей на какой-то гибрид маоизма и здравого смысла, Дэн То, занимавший пост секретаря Пекинского горкома КПК, бросил вызов официальным догмам. С марта 1961 года по сентябрь 1962 года в газете «Бэйцзин ваньбао» и в журнале «Цяньсянь» было напечатано свыше 150 публицистических миниатюр Дэн То, У Ханя и Ляо Мо-ша, эзоповским языком метко атаковавших маоизм. Об их популярности свидетельствовала обильная почта, приходившая к Дэн То. Их перепечатывала провинциальная пресса, их зачитывали с эстрады.

До поры до времени маоисты предпочитали делать вид, что они не замечают намеков. Но когда «культурная революция» была подготовлена, Дэн То, У Хань и Ляо Мо-ша стали первыми ее жертвами.

«Простые истины», провозглашенные Дэн То и его друзьями в статьях под рубриками «Вечерние беседы в Яньшани» и «Записки из села Трех», представляли собой акт высокого мужества. Прекрасно сознававший, что от маоистов ему пощады не будет, Дэн То черпал творческое вдохновение в твердой уверенности, что его позиция соответствует коренным национальным интересам, отвечает революционной, социалистической перспективе. Маоизм же — это Дэн То знал твердо — исторически бесперспективен.

В фельетоне, опубликованном в ноябре 1961 года, Дэн То, изложив басню о синице, грозившей «море зажечь», сформулировал следующий назидательный вывод: «Когда ее ложь раскрылась, синица всего-навсего сконфузилась да улетела: ей, конечно, повезло. Но надо иметь в виду, что в иных условиях обманутые люди не так-то легко отпустят морочившего их обманщика, когда раскроется его чудовищный обман». Такое пророчество, видимо, привело Мао в изрядное бешенство. Не случайно позднее, в июне 1966 года, «Цзэфанцзюнь бао», бесясь от собственного духовного бессилия, выдвинула против людей вроде Дэн То такое обвинение: «У них обличье человека, а душа дьявола». До чего только не договоришься, когда нет аргументов!

Наступит время, и китайский народ открыто воздаст должное таким, как Дэн То, — мужественным коммунистам, не только осознавшим бесперспективность и обреченность маоизма, но и вступившим с ним в борьбу. Они верили в свой народ. Недаром притчу о слепце, который оступился и изо всех сил вцепился в перила, ошибочно думая, что висит над пропастью, Дэн То завершил такими словами: «Мы революционеры, и разве из боязни опасностей мы откажемся от революции? Необходимо лишь понимать практическую обстановку и, случайно оступившись, не удариться в панику: ведь мы знаем, что, «стоит только разжать руки, и под ногами будет твердая почва»!

Все подлинные китайские патриоты и их друзья верят, что это пророчество коммуниста Дэн То в конечном счете осуществится.

А. КРУШИНСКИЙ

* Дэн То. «Вечерние беседы в Яньшани». Издательство «Прогресс». М. 1974.

МАОИСТОВ ТЯНЕТ К РЕЙНУ

НИ ДЛЯ КОГО не секрет, что маоистский Китай делает все, чтобы «остановить» разрядку, обострить международные отношения и столкнуть капиталистические государства с Советским Союзом. В этом сейчас главное направление огня пекинской дипломатии. Судя по всему, так она намерена действовать и впредь.

По тому же пути фактически идут западногерманские реваншисты во главе со Штраусом. Где-то те и другие встречаются. Происходит нечто вроде политического сговора ультраправых и «ультралевых» — явление, вполне закономерное в нашу эпоху.

Вот почему недавно вышедшая в свет книга А. И. Степанова «ФРГ и Китай», несомненно, своевременна*.

Это добросовестная работа, опирающаяся на большой, терпеливо собранный фактический материал. Автор исследует отношения между ФРГ и КНР с 1949 по 1974 год с разных сторон: дает очерк экономических связей, рассказывает о дипломатических контактах, упоминает и о секретных сношениях в годы пребывания у власти ХДС/ХСС.

В книге подчеркивается, что нынешних сторонников тесного сближения ФРГ и КНР из числа западногерманских крайне правых сил объединяет с Пекином общая антисоветская программа. В свое время сообщалось, что в качестве платы за сделку с реваншистами Мао Цзэ-дун был готов выступить за пересмотр границы по Одеру—Нейсе и, по существу, даже за поглощение ГДР Западной Германией.

На что рассчитывают в кругах международной реакции, гадать не приходится. Их точку зрения еще в 60-х годах предельно откровенно выразила американская газета «Дейли ньюс», заявив: «Так давайте же натравливать друг на друга Красную Россию и Красный Китай, чтобы они разорвали друг друга на куски».

Автор отмечает реалистический курс «восточной политики» нынешнего боннского правительства. В то же время не может быть сомнения, что такие деятели, как Штраус, только и выжидают своего часа, чтобы попытаться разыграть «китайскую карту». Пекин надеется — было недавно сообщено на секретном совещании деятелей ХСС, — что «Штраус мог бы объединить» Западную Европу». Читай: помешать созданию системы европейской безопасности. Слепота или хуже?

Говоря о стремлении крайне правых сил в Западной Германии использовать Пекин в реваншистских целях, А. И. Степанов в заключение пишет: «В наши дни политика, направленная против мира, мирного сосуществования и добрососедского сотрудничества государств, политика противопоставления одного народа другому обречена на провал. У нее нет будущего».

Это, конечно, верно. Но верно и то, что, пока будущее станет настоящим, авантюристы и в Западной Европе, и на Дальнем Востоке могут не раз пытаться отравить атмосферу на земле. Надо оставаться начеку. Тем же, кто любит заниматься политическими авантюрами, не мешало бы подумать о том, что произошло 30 лет назад.

Эрнст ГЕНРИ

* А. И. Степанов. «ФРГ и Китай». Издательство «Международные отношения». М. 1974.

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИТЕЗСЛАВА НЕЗВАЛА

РОВЕСНИК ВЕКА

26 мая В. Незвалу исполнилось бы 75 лет. Ровесник века, он жил всеми его надеждами и тревогами. Поэт-коммунист, яркий новатор стиха, он обогатил сокровищницу чешской культуры, оказал сильное влияние на современную поэзию Чехословакии.

Творческое наследие Витезслава Незвала огромно: поэт выпустил за свою сравнительно недолгую жизнь (умер в 1958 году) около ста книг. Среди них не только сборники стихов, но и романы, эссе, критические статьи, пьесы для театра и радио, книги для детей, киносценарии, мемуары. К тому же поэт был одаренным художником и талантливым музыкантом.

Вся жизнь В. Незвала — это жизнь страстного борца за идеалы социализма, за прогресс, демократию и мир. В 1924 году поэт вступил в ряды Коммунистической партии Чехословакии. Его замечательная поэзия прославляла дерзание человека-борца, воспевала труд и красоту мира. Недаром к вершинам его творчества принадлежит прославленная поэма «Песнь мира», за которую поэт был удостоен Золотой медали Всемирного Совета Мира. «Написать поэму о мире для

меня значит написать поэму о красоте жизни, — говорил В. Незвал. — Доводы за мир — это доводы за жизнь, а жизнь — это самое поэтическое».

Незвал боролся за новую жизнь после освобождения своей родины от фашистского ига не только своим страстным поэтическим словом. Он очень много сделал для развития культуры социалистической Чехословакии.

Незвал был большим, искренним другом Страны Советов. И в нашей стране у него было множество друзей и среди писателей, и среди читателей. Поэзия Витезслава Незвала пользуется горячей любовью и широкой популярностью в Советском Союзе. И не случайно, что первой книгой, выпускаемой в 15-томной «Библиотеке литературы ЧССР», стал представительный сборник произведений чешского поэта.

Витезслав НЕЗВАЛ

Приход весны

Весны пока немножечко.
Как будто невзначай
серебряною ложечкой
помешивает чай.
Учитель строгий, воробей
уже добрался до дробей,
до высшей математики
цветенья мать-и-мачехи.

Дорогу переходит воз,
в грязи по шиворот увяз,
сереет у обочины,
а листья позолочены.

Трамвай промчался
мимо окон,
и дом раскрылся, словно
кокон.

Звенит по улице вагон —
весенних мод конфекцион.

Дым очертил навечно
галку,
пенсионер отбросил палку,
на мостовой,
удрав из школ,
мальчишки забивают гол.

Дождь золотой расцвел
в саду.

Не солнце!

Кто там жмется зябко!
Наворожи нам счастье,
бабка.

Эй, работяги, честь труду!

Перевел с чешского Олег МАЛЕВИЧ

НАШ ДАВНИЙ И ВЕРНЫЙ ДРУГ

АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЛОЙД БРАУН РАССКАЗЫВАЕТ О ПОЛЕ РОБСОНЕ

ЕГО ИМЕНИ нет в справочнике «Кто есть кто в Америке». Его песни не звучат по радио, его не увидишь по телевизору. Нелегко разыскать пластинку с записью его голоса, могучего, как Миссисипи. Заговор молчание вокруг Поля Робсона— замечательного певца, актера и общественного деятеля — продолжается.

Недавно ваш корреспондент долго беседовал с другом и биографом Робсона, американским писателем Ллойдом Брауном. Вот как он объясняет причины того, что Робсон, по выражению газеты «Нью-Йорк таймс», остается «запрещенным негром».

— В свое время, — говорит Браун, — церковь была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы Вольтер перед кончиной заявил о своей вере в церковь и в бога. Больше того, после его смерти пустили слух, будто он сказал накануне какому-то священнику: «Церковь была права, а я ошибался». В Соединенных Штатах найдется немало людей, которые хотели бы, чтобы Поль Робсон выступил с нападками на Советский Союз, заявил, что ему не нравится советский народ и советская система. Такое выступление оценили бы здесь в миллион долларов, потому что многие до сих пор продолжают видеть в Москве главного противника.

Ллойд Браун вставляет кассету в магнитофон. Звучит знакомый голос:

— Хотя вот уже несколько лет, как я не могу быть активным, я хочу, чтобы вы знали — я все тот же, прежний Робсон, преданный, как всегда, делу борьбы человечества за свободу, мир и братство... Вместе со сторонниками мира — народами социалистических стран и прогрессивными силами во всех других странах — я радуюсь большим достижениям движения за мирное сосуществование и тому, что сторонникам «холодной войны» и «сдерживания» приходится отступать.

Это слова из выступления Поля Робсона, которое было записано на пленку для юбилейного вечера в Карнеги-холл два года назад, в дни его 75-летия.

Я прошу Брауна рассказать подробнее о Поле Робсоне сегодня.

— Я понимаю, — говорит Браун, — беспокойство советских друзей Поля Робсона, которые давно ничего непосредственно от него не слышали. Хочу их заверить, что он сохраняет чувство дружбы по отношению к ним. Но его друзья должны знать, что он отошел от активной деятельности по причине хронической болезни—атеросклероза. В целом он чувствует себя неплохо, живет в Филадельфии вместе с сестрой Марианной. Робсон любит теперь уединение, не признает никаких чествований. Из дома он не выходит. Марианна правильно считает, что двум пожилым людям гулять по Филадельфии небезопасно...

— Как-то, когда Робсону было только 50, — вспоминает Браун, — мы обсуждали секрет долголетия нашего друга Уильяма Дюбуа, который скончался в 95 лет. Я полушутя предложил изучить и принять на вооружение его рекомендации, как прожить лет до ста. Поль тогда сказал: «Для тебя это, может быть, и годится, но не для меня». Я спросил, почему же. И он ответил: «Я не могу представить себя стариком». Он никогда не болел, не лежал в больнице. Теперь он смирился со своим состоянием и решил избрать уединение, потому что он страдает, когда его просят о чем-то, а он физически не может активно работать.

Ллойд Браун сейчас пишет биографию Робсона. Он услышал о Поле еще мальчиком, когда Робсон был знаменитым футболистом. Потом, перед войной, в Питтсбурге, Браун слушал, как Поль пел песню о Джо Хилле в концертном зале, заполненном преуспевающими буржуа.

— В 1945 году, — вспоминает Браун, — Поль Робсон был самым популярным черным американцем в стране. У него сложились дружеские отношения с президентом Франклином Рузвельтом, он был частым гостем Белого дома. В годы войны Робсон стал как бы символом дружбы с Советским Союзом. Помню, как он пел в Вашингтоне «От края и до края» и другие красноармейские песни.

...Все переменилось, когда началась «холодная война». Робсона лишили возможности петь, выступать по радио, сниматься в кино. Из магазинов исчезли пластинки с записями его песен. В 1949 году на Первом всемирном конгрессе сторонников мира в Париже Поль Робсон заявил о том, что нельзя себе представить, чтобы черный американец согласился воевать против Советского Союза. В Америке это заявление вызвало целый взрыв. Никогда в жизни не видел я такого пропагандистского шквала против одного человека. Его поставили в положение полной изоляции. В те годы я был как бы его секретарем и администратором. В 1958 году вышла его книга «На том я стою». Ни одна газета, ни один журнал из числа массовых на ее появление не откликнулись. Я лично отнес экземпляр в редакцию «Нью-Йорк таймс» — они заявляли потом, будто ничего не получали. Лишь в 1972 году книгу Робсона переиздало издательство «Викинг пресс» в Бостоне. Я написал предисловие...

Браун рассказывает далее о том, что делается для сохранения культурного наследия великого артиста:

— Его друзья и родственники учредили «Поль Робсон аркайвс инкорпорейтед». Президент — Поль Робсон-младший, секретарь — Мартин Поппер, а я — вице-президент. У нас есть помещение, работники, и месяцев через пять-шесть мы закончим микрофильмирование многочисленных документов, связанных с деятельностью Поля Робсона. И тогда у нас будут готовые копии «Рассказа о Поле Робсоне», и микрофильм можно будет использовать в учебных заведениях многих стран.

— Я знаю, что советские люди горячо любят Поля Робсона, — говорит Ллойд Браун в заключение. — Они любят его как певца, как человека и как американца, протягивавшего им руку дружбы в самые недружелюбные времена. Передайте им, что Поль живет спокойно, но уединенно, рад весточкам от друзей, следит за событиями, хотя и решил сам в них больше не участвовать, поскольку у него уже нет тех сил, какие были прежде. Как сказал сам Поль, «болезнь вынудила меня уйти на покой, но вы можете быть уверены, что сердце мое продолжает петь...»

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК, май

ОТЧАЯНИЕ, КОТОРОМУ НЕТ ГРАНИЦ

Р. СОБОЛЕВ

Заметки о недавнем кинофестивале «Фильм интернэшнл» в Роттердаме, о трудных поисках жизненных ценностей современной молодежью Запада.

«Движение «новых левых», иногда приобретавшее в 60-х годах сенсационные формы взрывов молодежного протеста, сегодня, по мнению западной прессы, вошло в спокойное русло. Недавние «протестанты» вернулись в университеты и офисы, многие подстриглись и даже надели галстуки. Что же касается недовольства, то оно будто бы выражается теперь исключительно в том, что она, молодежь то есть, творит, — в ее книгах, спектаклях, фильмах. «Революция улиц кончилась, — заметил в беседе с автором этих заметок один из бывших вожаков «новых левых», — сегодня идет революция духа».

Стоит присмотреться, что же на самом деле за «революция» происходит в искусстве.

«ФИЛЬМ ИНТЕРНЭШНЛ»

Известно, что демонстранты 60-х годов выражали свои чувства в песнях и познавали себя через «биты» молодежных ансамблей. Стихийности движения соответствовал спонтанный характер музыки. «Протестант» представал перед миром человеком с гитарой.

Но «десятилетие гитары» кончилось, идет «десятилетие кинокамеры». Сегодня молодежь пытается рассказывать сама о себе посредством фильмов на узкой пленке. Для этих попыток есть, конечно, свои причины: и психологические — выросло поколение, в жизни которого звуко-зрительные виды искусства занимают небывало большое место; и технологические — благодаря прогрессу в кинотехнике снять фильм стало не труднее, чем написать картину.

Такова, так сказать, эмоциональная сторона ситуации. Само собой разумеется, что в основе этих внешних различий между поколениями молодежи 60-х и 70-х годов лежат серьезные и сложные сдвиги, которые произошли в западном обществе в минувшие годы, прежде всего связанные, с одной стороны, с изменениями в политической атмосфере мира, с другой — с углублением кризисной ситуации в странах капитала. Инфляция, рост безработицы — все это в первую очередь ударило по молодежи и заставило ее всмотреться в жизненные реалии по-новому, вдумчивее и аналитичнее. И тогда-то и пришла очередь кинокамеры.

Время от времени фильмы молодых и по большей части никому не ведомых кинематографистов показываются на фестивалях. Последний по времени фестиваль такого рода состоялся в Роттердаме под названием «Фильм интернэшнл». По замыслу, он должен был показать «завтрашний день» кино, собрать фильмы авангардистские, оригинальные по форме и взгляду на мир, которые обычно не находят места в коммерческом прокате.

Однако руководитель «Фильм интернэшнл» голландский киновед Хуб Бальс удачно расширил программу, допустив, во-первых, дебютные ленты, сделанные с помощью профессионалов, а во-вторых, показав фильмы даже очень известных мастеров, если они по тем или иным причинам могут быть интересны молодежи.

«Фильм интернэшнл» — киносмотр, не похожий на обычные фестивали. На нем нет парадов «звезд» — зрители интересуются только авторами фильмов. И сценаристы, и режиссеры должны после показа своих фильмов выходить перед залом и отвечать на вопросы, причем иногда возникают острые дискуссии. Нет жюри — зрители перед просмотрами получают бюллетени, в которых и оценивают картины. Нет никаких официальных встреч — фотографии гостей висят в фойе, по ним зрители отыскивают нужных им людей и могут завести разговор здесь же, в холле, коридоре, баре...

Многое здесь непривычно, и многое располагает к себе. Начиная с помещения — это не какой-нибудь парадный кинотеатр или «дворец кино», а более чем скромный дом с тремя небольшими залами, отданный муниципалитетом молодежи и превращенный ею в клуб. В нем все делается руками в основном студентов — вплоть до уборки помещения, которую производят неумело, но старательно изящные, с интеллектуальными лицами девушки. И делается все с энтузиазмом, из любви к десятой музе.

Необычайно интересно было беседовать с этими юношами и девушками, в большинстве трезво и резко судящими действительность, которая их окружает, свободными от анархистских увлечений, свойственных их предшественникам 60-х годов, но часто располагающими информацией, мягко говоря, неточной, особенно в том, что касается нашей страны. Еще интереснее было вместе с ними смотреть и обсуждать фильмы.

Надо сразу подчеркнуть, что первые места, по решениям зрителей, получили фильмы не экспериментальные или «подпольные», а сугубо традиционные по форме, в том числе реалистическая драма «Маленькие любовники» француза Ж. Эсташа, раскрывающая внутренний мир подростка, вынужденного оставить школу, чтобы поддержать своими заработками семью. Можно допустить, что в этой камерной картине молодых людей заинтересовал показ «возрастных проблем», с которыми они и сами повседневно сталкиваются. Но одно из первых мест получил и нереалистический по форме фильм «По мелкому поводу» грека Т. Псароса, рассказывающий о попытке крестьян создать кооператив, чтобы защититься от произвола скупщиков их продукции. Это была до жестокости правдивая и строгая картина, менее всего предназначенная для развлечения. Ее сюжет строился на истории убийства соседом соседа, когда тот предал интересы общины. Для меня это было неожиданностью: я привык, что споры и страсти вызывали ленты иного рода. Объясняя это противоречие, можно, очевидно, отметить поиск молодежью каких-то бесспорных ценностей. Она продолжает страстно обсуждать то, что ее волнует, но отнюдь уже не считает, что на ее возрастных проблемах исчерпывается жизнь. Объективность — новая черта, неизвестная поколению 60-х годов.

ЭХО «ЛЕВОГО ВЗРЫВА»

Несколько лет назад в США появился мультипликационный фильм, вызвавший фурор. «После Диснея мир не видел ничего лучшего», — писали критики. Фильм назывался «Кот Фриц», о его авторе Ральфе Бакши сначала было известно только то, что он очень молод. «Кот Фриц» хоронил смехом «новых левых». Это была предельно злая сатира на «революционную» болтовню леваков, их игру в «партизан» и их пропаганду — «словом и делом» — «сексуальной революции». Но сквозь смех у Бакши все время чувствовалась горечь. Она усилилась и превратилась в неизбывное отчаяние в следующем его фильме — «Насыщенное движение». Посредством коллажа, то есть совмещения разнородных приемов съемки и соединения документа с мультипликацией и игровым кино, Бакши показал трагическую судьбу обыкновенного ньюйоркского парня. Прием избран удачный, позволяющий избежать ограничений, например, актерского кино и показывать почти невозможное. Говорят, фильм автобиографичен, но не столь уж важно, кого Бакши показывает — себя или соседского парня. Главное — типичность судьбы. По Бакши, герой фильма обречен на гибель или от наркотиков, или от сексуальных маньяков, или от пули. Дух обреченности пронизывает «Насыщенное движение», не оставляя ни одной надежды. Всем равно достается от Бакши — рабочим и полицейским, сионистам и идеалистам, молодым и старым. Очевидно, Бакши отразил растерянность части молодежи, наступившую после «взрыва», который ничего не изменил в «обществе потребления».

Отчаяние, ставшее лейтмотивом творчества Бакши, свойственно и ряду фильмов молодых, показанных на «Фильм интернэшнл». Так, Джон Уотерс показал сразу два фильма, сделанных с одной и той же труппой. Трудно представить, как он мог собрать компанию таких уродов, но еще труднее рассказать, что они вытворяют на экране. Искусственное осеменение женщин с показом подробностей крупным планом, зверские убийства, поедание экскрементов — и это еще, можно сказать, наиболее пристойные кадры. При этом Уотерс явно дает понять, что показывает не монстров, а рядовых обывателей.

Документальный кадр, использованный в ряде молодежных фильмов

Кадр из фильма «Марта»

— Знаете, ваши фильмы вызывают тошноту, — сказали ему.

— А я к этому и стремился, — парировал Уотерс. — Сегодня критика общества должна быть шоковой, чтобы быть действенной.

— Но это означает, что с грязной водой вы выплескиваете и ребенка. После такой критики у человечества не остается ничего, ради чего стоило бы жить.

Уотерс развел руками. Знакомая реакция. Шоковых кадров было предостаточно в картинах и шведа Греде, и западного немца Герцога, и грека Папайтопулоса, и многих других. Язвы буржуазного общества настолько очевидны, что все знают, с чем надо бороться, что отрицать. Хуже дело с вопросом: во имя чего бороться? Между тем уже нельзя жить на одном отрицании. Время резко разделило мир на различные социальные и идеологические системы, и быть «между» невозможно. Отсутствие какой-либо позитивной программы уводит художника в тупик, порождает отчаяние, которому нет границ. А в области формы знаменует своего рода возрождение сюрреализма, который, по словам его апологетов, «никогда не выдавал себя за литературный или художественный стиль, но прежде всего — за некое мировоззрение». Смутность представлений о действительности и путях ее изменения «органично» вошла сегодня в проторенное русло неофрейдизма и сюрреализма.

В ряде фильмов насыщенность эротикой превышала даже «норму» коммерческого кино, а искажения формы заставляли вспоминать самые извилистые пути модернизма. Однако ленты, повторяющие эстетику «маскульта» и полные шокирующих кадров, отражают прошлые настроения — это как бы эхо «левого взрыва».

ВРЕМЯ ПОИСКОВ

Нет сомнений, что новое время родит новые фильмы. На это позволяют надеяться пока одинокие, но весьма симптоматичные картины, свидетельствующие о жизненных поисках молодежи, о ее желании подвергнуть действительность анализу и взять из нее все нестареющее. Например, швед М. Вексельман показал сатирический фильм «Вигген-37», выступающий в защиту политики шведского нейтралитета. Этот фильм, удачно соединивший мультипликацию с документами, был показан «в поучение», как писали критики, нидерландскому правительству. И еще более яркий пример: студенты нидерландской Киноакадемии сняли фильм о героях Сопротивления — сняли в тот момент, когда профессионалы потоком выпускают ленты, принижающие и чернящие время и людей, боровшихся с фашизмом. У молодого режиссера Ф. Фолингера на экране предстала группа подпольщиков, жертвующих жизнью, чтобы приблизить час победы.

Можно назвать еще ряд картин, накрепко связанных с жизнью и реальными проблемами, стоящими перед молодежью. Среди них, конечно, особое место занимает фильм «С кулаками против танков», смонтированный из кинодокументов, фотографий, свидетельских показаний очевидцев событии в Чили. Это яростное, доказательное и трагичное по фактам обвинение Пиночета и его хунты в преступлениях против человечности. В названии фильма четко выражена позиция авторов — пусть с кулаками против танков, но борьба продолжается...

Документальные фильмы касались всех сторон действительности — охраны среды, спорта, телевидения как средства одурманивания зрителей, проблем больших городов, расизма и т. д. Не все они были четкими по авторской позиции. Так, молодые канадцы в картине «Видео» не столько подвергли критике телевидение, сколько вслед за Маклюэном представили его какой-то демонической, не подвластной человеку силой.

«Фильм интернэшнл», однако, призван не только показать через фильмы внутренний мир современников, но и выявить талантливых молодых кинематографистов, сегодня никому не ведомых, но которые завтра, может быть, станут соперниками Феллини. Пока, конечно, Феллини может не беспокоиться, но фестиваль выявил группу очень одаренных людей.

Целую коллекцию фильмов привезла молодежь из ФРГ. Фильмы «Грубость Франса Блюма» Р. Хауфа, «Каждый сам за себя и бог за всех» В. Герцога, «Подснежники цветут в сентябре» К. Зайфер, «Марта» Р. Фашбиндера и некоторые другие заставляют думать, что в кино ФРГ появляется еще одна «новая волна». Например, «Марта» — тонкая психологическая зарисовка современного положения женщины, которую муж может освободить от работы, но вместе с тем превращает в служанку.

Любопытную короткометражку под названием «Твиск» привез на фестиваль молодой американец по фамилии Орлов. «Твиск» — это глухая станция в прериях, где ждут поезда очень разные люди. Ждут давно — между рельсами выросло деревце. И дождутся. Но поезд возьмет и увезет немногих, тех, кто чист душой, прежде всего детей. А остальные опять — кто лежа, кто сидя, но все равно лениво — будут ждать. Как видим, перед нами — притча, притом грустная, полная сожаления к людям, которые проспали свой поезд. И сделана она на редкость лирично и тонко, так, что невольно вспоминается Чехов...

В заключение признаем, что все эти фильмы не способны дать полный портрет молодого человека Запада 70-х годов. Они дают лишь абрис его. Но даже по штрихам можно понять, что это человек более сложный, чем его буйные предшественники, более требовательный и трезвый.

РОТТЕРДАМ—МОСКВА

НОВОЕ О СТАРОМ

УЛЫБКА ВОЛЬТЕРА

Осенью 1779 года в петербургский Эрмитаж было доставлено множество больших ящиков. В них находились книги и рукописи Вольтера, скончавшегося за год до этого. Они были куплены по приказу Екатерины II у племянницы покойного философа, вдовы Дени, за 135 318 ливров 4 су в деньги, что составляло 30 тысяч тогдашних рублей. Около 7 тысяч книг и 37 томов рукописей двигались со специальным провожатым сначала сушей до Любека, а оттуда на русском корабле — до Петербурга.

В Эрмитаже библиотека Вольтера хранилась обособленно, доступа к ней не имел почти никто: за всю первую половину прошлого века к ней был допущен в 1832 году, по особому разрешению царя, лишь А. С. Пушкин, которому нужны были материалы по истории России при Петре I (пять томов рукописей Вольтера относились к этой теме).

В 1861 году книги Вольтера были переданы в Публичную библиотеку (ныне — Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) и стали доступны для историков и литературоведов, но сначала — с рядом ограничений.

Это замечательное собрание давно подробно описано, издан его каталог. Однако из рукописей на русский язык до сих пор переведено лишь немногое. Между тем в числе их — знаменитый «Sottisier», сборник с записями Вольтера, большая часть которых была использована им для книги «Век Людовика XIV». В нем около 300 страниц, исписанных рукою Вольтера.

Фернейский отшельник предстает здесь перед нами в халате и туфлях, записывающий без всякой системы мысли, приходившие ему в голову, всевозможные мелочи, характеризующие придворную и литературную жизнь, антирелигиозные и исторические анекдоты, эпитафии и эпиграммы, в которых крепко достается его врагам, и т. д. Ни в одно собрание сочинений Вольтера — а их было несколько десятков — этот альбом не вошел. Он был воспроизведен отдельно, на французском языке.

Приводим из него несколько анекдотов и эпиграмм, заслуживающих, на наш взгляд, внимания широкого читателя.

Речь блохи-проповедника

— Возлюбленные братья и сестры—блохи! Вы— главнейшие и наилучшие из всех творений господа бога, и вся вселенная создана им для вас. Бог сотворил людей, дабы они были вам пищей, солнце — дабы освещать вас, звезды — дабы радовать ваши взоры...

***

Служка объявил прихожанам:

— Завтра кюре в своей проповеди расскажет о чуде, как пять человек были накормлены тремя тысячами хлебов и пятью тысячами рыб.

Раздался смех.

— Что ты мелешь? — вмешался кюре. — Наоборот, как пять тысяч человек были накормлены тремя хлебами и пятью рыбами!

— Но если бы я сказал так, то смеялись бы еще больше.

***

Если свет от ближайшей звезды идет к нам 25 лет, то Адам первые 25 лет своей жизни не мог видеть звезды.

***

У девы Марии был только один сын, а сколько из-за него пролилось крови! Что если бы она родила двоих? Вся земля обезлюдела бы.

Эпитафия Клермон-Тоннеру, епископу Нуайонскому

При жизни скромности
не знав,
Под сею скромною плитой
Клермон — персона
не простая —
Едва ль нашел себе покой,
Попавши в рай, он, говорят,
Столь недоволен был
приемом,
Что предпочел спуститься
в ад,
К своим сиятельным
знакомым.

***

Иногда глупцы говорят очень умные вещи.

Эпиграмма на аббата д'Омона

Вы из семьи, похоже,
знатной,
Вы и на вид —
аристократ...
Но хоть глядеть на вас
приятно —
У вас нет многого, аббат,
Природа, видно, захотела
Облагородить ваше тело
И наделила красотой,
А тот, кому подвластен
разум,
Творение окинув глазом,
Решил махнуть на вас
рукой.

Эпиграмма на аббата Дефонтена

Нужда, Нахальство,
Клевета,
С литературой
не расправясь,
Суд учредили неспроста,
Где председательствует
Зависть.
Диктуют приговор суда
Четыре гнусные злодейки,
И Дефонтен в нем
без труда
Находит тему для статейки.

Публикация и перевод Вал. ДМИТРИЕВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

Научная конференция в Братиславе

Недавно в Братиславе состоялась научная конференция «30 лет развития чешской и словацкой литератур после освобождения Чехословакии Советской Армией».

На конференции были заслушаны доклады, посвященные итогам послевоенного развития чешской литературы — Ш. Влашин и критики — Г. Грзалова, словацкой литературы — С. Шматлак и критики — К. Розенбаум.

В работе конференции приняли участие видные чешские и словацкие ученые из академических институтов, университетов, других научных и педагогических центров республики, литературные критики, а также приглашенные советские специалисты — Н. Верштейн, Ю. Богданов, С. Влэза, В. Хорев, С. Шерлаимова.

Фильм о любви к родине

Мужеству и самоотверженности вьетнамского народа в минувшей войне против американского империализма посвящен новый фильм кинематографистов Демократической Республики Вьетнам «Сердце зовет в бой».

Главный герой фильма, солдат Нам, в одном из боев получает тяжелое ранение, его должны отправить в тыл. Но горячая любовь к родине, ненависть к захватчикам, сознание необходимости быть на передовой в тяжелое для отечества время, мастерство врачей госпиталя помогают Наму вернуться в строй.

Фильм поставлен режиссером Чан Даком; совместно с Хо Фыонгом и Хонг Лыком он является и автором сценария. В главной роли — актер Зунг Ньи.

Кадр из фильма «Сердце зовет в бой»

УГОЛОК БЮРОКРАТА

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ВКУС ЖИЗНИ

ВСЕ ПОЛУЧИЛОСЬ как в известной притче.

Двое ухаживали за девушкой.

Первый носил роскошные, как бобровый воротник, бакенбарды и вертел на пальце ключ от автомобиля. А второй варил по утрам ячневую кашу из брикетов и сам подшивал себе бахрому на брюках.

И все-таки девушка вышла замуж за... первого.

Словом, все получилось таким пошлейшим образом, что второй решил умереть.

Звали его Охлупин. Разумеется, и до того момента, когда ему дали от ворот поворот, он не воображал о себе черт знает чего. Глядя в зеркало, Охлупин сознавал, что внешность, например, у него далеко не на всякий вкус, а, наоборот, скорее на любителя. И должность на службе он исполнял не такую уж особенную, чтобы своим исчезновением оставить в рядах зияющую брешь.

Однако Охлупин как-то прочел из-за плеча соседа по электричке рассказ писателя Рея Брэдбери о том, как один сэр совершил путешествие в прошлое и, где-то в этом прошлом оступившись, раздавил мезозойскую бабочку или, может быть, древесного клопа. И будто бы от подобного мелочного пустяка так выбилось из колеи последующее течение жизни, что этот неаккуратный сэр, вернувшись домой, обнаружил совершенно изменившуюся картину мира.

Охлупин подивился тогда ужасности вымысла писателя, но с той поры подозревал, что выпадение любого, самого крохотного винтика из четко налаженного механизма природы действительно может повлечь за собой губительные последствия.

Вот почему, прежде чем наложить на себя руки, Охлупин решил оповестить кого надо, чтобы запасная деталь на его месте была уже готова и равновесие в природе сохранилось.

— Вот попрощаться пришел, — сказал Охлупин третьему заму директора.

— Вечно у вас, Охлупин, пляжное настроение, когда работы навалом, — недовольно сказал третий.

— Будете там в курвалах распивать массандры с чужими женами, а тут рук не хватает!

— Так я же вроде бы насовсем, — возразил Охлупин, заробев. — Так сказать, навечно.

— Что, и приказ уже есть? — спросил третий.

— Приказа, собственно, нет, — сказал Охлупин. — Да и какой уж тут приказ? Я ведь, собственно, в мир иной отбываю.

— За рубеж? — спросил третий. — Туристом в круиз?

— Да не совсем в круиз, — сказал Охлупин. — Я, так сказать, к праотцам. В общем, вешаюсь. Или, может быть, дуст приму.

— Ну, а я-то лично чем могу помочь? — удивился третий.

Охлупин смутился:

— Да нет, я ни в чем не нуждаюсь. Просто считал своим долгом предупредить вас как лицо вышестоящее.

— Так, — сказал третий, — ясно. Вы не сочтите за перестраховку, за волокиту или еще за какую-нибудь мерзость, но я такие дела решать не уполномочен. Да не убивайтесь вы так. Вон, глядите, в лице ни кровинки. Вы загляните ко второму заму...

— Садись! — сказал второй. — В кресло садись. Чаю хочешь? Не хочешь? И правильно! Чай — он силу расслабляет! О чем мужику с мужиком за чаем говорить, так? Ну, что тебе сказать? Слыхал я уже и рад, очень рад. Рад, что какие-то вещи ты прежде всего несешь в коллектив. Отговаривать не буду. Мы с тобой мужики, и слабость нам не к лицу. Говорю, как родному: давай! Прямо к первому заму! Мне, ты ж понимаешь, самому решать неэтично. Что я — какой-нибудь удельный князек?

— Видите ли, — сказал первый зам, выслушав скупой рассказ Охлупина, — запретить этот акт я вам, конечно, не могу. Нет к тому формальных оснований. Но ведь и для разрешения оснований нет. Или у вас есть они, я не дослышал?

— Она меня с носом оставила, — уперся Охлупин. — Для меня жизнь потеряла свою прелесть.

— Это, Охлупин, повод для венка сонетов, — ответил первый. — Если мы будем давать согласия на основании, простите меня, флюидов, нас гнать надо в три шеи с наших кресел. Ступайте-ка вы к директору...

— Олег Иванович! Дорогой ты мой человек! — сказал директор. — Ну, допустим на секунду, что я был бы рад помочь тебе как человек человеку. Но ведь ты, милый мой, канешь, как говорится, в вечность, а мне куда деваться? Ведь моему-то, брат, поступку одна оценка — самодурство. А у меня жена Регина, два пацана, теща нездоровая!

— А со мной-то как же? — спросил Охлупин.

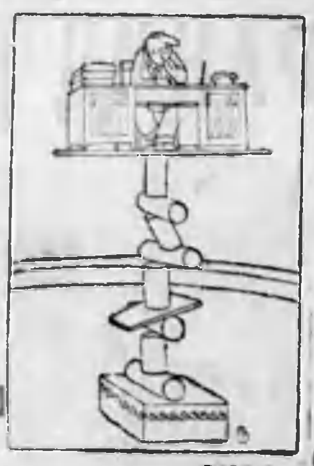
— Я так разумею, — сказал директор, — тебе к начальнику главка надо наведаться. Разумею, вопросы такого масштаба — в его компетенции...

В ожидании приема у начальства Охлупин вдруг ощутил, что окончательно теряет вкус к самоубийству. Он затревожился и стал было насильно распалять себя призрачными картинами несостоявшегося семейного уюта. Однако прежней досады уже не было, а от проникшего в форточку запаха жареного окуня захотелось есть, запить еду бутылкой кваса и провести отпускной июнь, рыбача на Яхроме.

И когда наконец в заветном кабинете Охлупин был спрошен: «По какому вопросу?» — он заплакал, не удержавшись, и сказал:

— Да так... Я просто хочу сказать вам спасибо!..

Ему снова хотелось жить.



В. ЛЕСКОВ

АКАДЕМГОРОДОК «КЛУБА ДС»

БЫЛ МАЙ. В актовом зале института шла научная конференция. Сменив предыдущего оратора, к кафедре уверенно подошел Олег Христофорович Пробойнов, маститый член-корреспондент с непроницаемыми колючими глазами. Поправив очки, он раскрыл папку, откашлялся и начал:

— Коллеги! Обсуждаемая сегодня проблема комплексного анализа художественного произведения имеет для литературоведческой науки огромное значение. Я хочу слегка раскрыть перед вами удивительное эстетическое богатство произведения Порфирия Елистратова «Огонь и дым», пульсирующее в каждой строке страстью и волнением.

Маститые и простые ученые, аспиранты, заинтригованные преамбулой, чинно притихли.

АЙ ДА ПАРЕНЬ!

М. БОГУЧАРСКИЙ

Пробойнов, отпив глоток чаю, на мгновение замер, а потом обрушил на седые, лысые и кудрявые головы литературоведческую лавину:

— Я сделал открытие! Я долго шел к этому и пришел. Роман Порфирия Елистратова — вещь архисложная, полифоническая и даже фуговая. В произведении есть эпилог, круто закрученный сюжет, оригинальнее композиция, присутствуют образы, само собой как главные, так и второстепенные, наличествуют пейзаж, лирические и публицистические отступления, внутренние монологи, диалоги и прочее. Но гвоздь романа — язык. В романе 45 глав, 4751 предложение, из них простых 830, сложносочиненных 1024, сложноподчиненных 2897. Существительных 15202, прилагательных 13115, глаголов 14908, числительных полторы тысячи ровно, местоимений 2001, наречий 704, причастий 2018, деепричастий 1203, междометий 1417.

Слушатели заметно поскучнели.

— А теперь посмотрите, что делается с членами предложения, — рассвирепел Пробойнов. — Подлежащих в романе 12713, сказуемых 12309, дополнений 7420, определений 6811, обстоя... — он поперхнулся, пустил петуха и залпом выпил весь чай.

— Очень душно! — закрутил головой сидевший в первом ряду профессор и распахнул окно. Его примеру последовали другие. В зал ворвался свежий весенний воздух, пахнущий цветущими яблонями и сиренью. Аудитория ожила. Очнулись даже те, кто не переносит статистики.

А оратор, набирая силу, продолжал:

— Эпитетов в романе 199999, метафор 1300 ровно, аллегорий 443, идиоматических выражений 145, инверсий 114, синонимов 777, омонимов 432, антонимов 819, пословиц 58, поговорок 117...

Весенний воздух пьянил, а голос Пробойнова укачивал, как на волнах... Не дремали только закаленные, тренированные. Профессор Игнатьев, позевывая, смотрел на двухэтажный особняк во дворе института. Он давно обратил внимание на вихрастого паренька, стоящего у металлической лестницы. Это был Юра, студент первого курса. Он оглядывался по сторонам, то и дело глядя на часы. Затем Юра взобрался по лестнице на крышу особняка, уселся у самого края крыши и, держась за решетку, свесил ноги. Вскоре из подъезда вышла девушка в голубом коротком платье и тоже полезла на крышу.

— Смотри, смотри, Иван Захарыч, — толкнул Игнатьев полудремавшего соседа. — Она к нему, видишь!

Тучный Иван Захарыч, еле повернувшись в кресле, глянул на крышу и причмокнул губами.

Юра подхватил девушку и помог ей взобраться.

А Пробойнов неистовствовал:

— В романе 487 обращений, 17 внутренних монологов, 337 диалогов, 440 случаев прямой речи и 715 — косвенной...

— Каков шельмец, а? — не выдержал Игнатьев и хлопнул соседа по плечу. — Ну, хорош парень...

Зал, забыв о докладчике, смотрел на крышу.

— Перехожу к выводам, — звучал издалека голос Пробойнова. — Автор глубоко знает современную жизнь. Страницы, посвященные описанию любви, потрясающи. Дух захватывает — сколько здесь вопросительных и восклицательных знаков!

...И тут парень решительно поцеловал свою подругу.

— Спасибо за внимание! — закончил Пробойнов.

— Молодец! — воскликнул профессор Игнатьев.

— Браво! Браво! — понеслось со всех сторон.

Олег Христофорович онемел. Затем, вытерев лоб, стал кланяться:

— Благодарю, благодарю, коллеги!

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

● ВУНДЕРКИНД

В детском саду № 2 есть удивительный мальчик. Он не сочиняет симфоний, не дирижирует оркестрами, не пишет стихов и романов, не увлекается живописью, не поет оперные партии, не занимается высшей математикой, совсем не владеет иностранными языками и не обыгрывает гроссмейстеров в шахматы. Все время он копается в песочнице и играет.

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

На конкурсе анонимных псевдонимов, проведенном в «Клубе ДС» под председательством известного ассенизатора и людоведа Евг. Сазонова, решено первый приз не присуждать никому. Вторую премию посмертно получил «М. Ивашкина» (мужчина), который, как нам сообщили, скончался от острой злопыхательской недостаточности и внезапного желчеизлияния.

ДОБРЕ ДОШЛИ, БРАТУШКИ!

«И сокращаются большие расстояния, — не первый год говорят среди юмористов. И никто не умеет так сокращать большие расстояния, как газеты. Не надо садиться в самолет или в поезд, билетов покупать не нужно: развернул газету — и, пожалуйста, ты уже там, где хочешь.

Сегодня «Клуб ДС», сокращая большие расстояния, переносит вас к болгарским юмористам. В эти дни в Габрове проходит юбилейный, десятый фестиваль юмора и сатиры.

Администрация «Клуба ДС» имеет удовольствие сказать: «Добре дошли, братушки!», что в переводе означает: «Дорогие болгарские юмористы! Печатайтесь в «Клубе ДС» сколько душе угодно!».

ГАБРОВСКИЕ АНЕКДОТЫ

Всемирную славу болгарскому городу Габрово принесли анекдоты. Когда-то они возникали в народе. Но в наш век было бы наивно ожидать, когда же наконец появится новый анекдот. Габровская газета «Балканско знаме» (кстати сказать, каждый месяц один из ее номеров полностью посвящен сатире и юмору) ежегодно проводит конкурс на лучший габровский анекдот. В нем участвуют не только габровцы: например, в прошлом году, кроме «чистых» габровцев, премии за анекдоты получили авторы из Тырговиште, Кырджали и Стара-Загоры.

Администрация «Клуба ДС» предлагает новые анекдоты, сочиненные габровцами.

● ВЕЛИКОДУШИЕ

Молодой габровец, пытаясь намекнуть отцу, что ему нужно хоть немного денег, говорит:

— Ты знаешь, папа, мне приснилось, будто я нашел десять левов.

— Великолепно, мой дорогой сын. За примерное поведение можешь оставить их себе.

Стефан ФОРТУНОВ

● КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Во время обеда ребенок сказал, что кусок мяса, который ему положили в тарелку, слишком маленький.

Отец снял очки, дал их сыну и озабоченно сказал матери:

— Ну, если он и теперь будет говорить, что ему мало, придется сходить с ним к глазному врачу.

Лучо ЛУЛЧЕВ

● СОЛОНОЧКА

Габровец пришел в хозяйственный магазин и стал искать на полках самую маленькую солонку. Он перебирал их одну за другой, пока наконец продавщица подыскала ему то, что надо:

— Вот эта, кажется, самая маленькая.

— Солонка-то маленькая, — ответил габровец, — да дырки очень уж большие.

Весьо ТОТЕВ

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

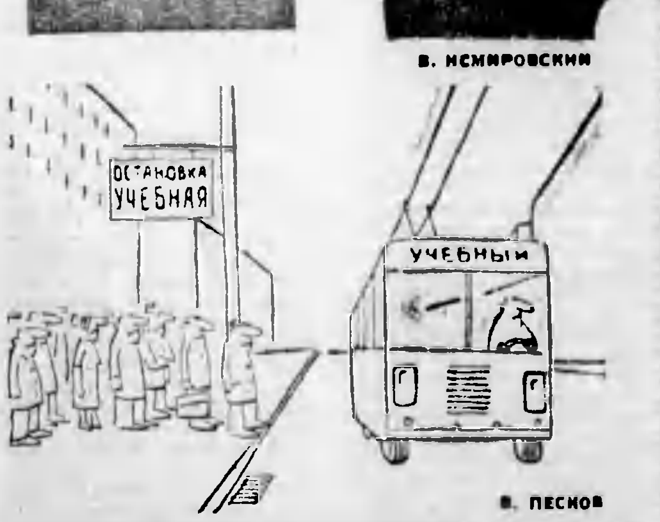
Владлен БАХНОВ

Сказка о том, как опасна лень

Жил-был ленивый
человек,
Лениво дни листав.
Не знал еще
наш быстрый век
Подобного лентяя.
Бывало, ляжет на кровать
И спит часов по двадцать:
Ему уж неохота спать,
Да лень, брат,
просыпаться.
А если этот индивид
Опустит в кресло чресла,
То так весь день
и просидит:
Лень подниматься с кресла.
А ежели, осилив лень,
Он встанет честь по чести,
То так и простоит, как пень,
Не двигаясь,
На месте.

Но как-то раз,
С большим трудом
Передвигая ноги,
Пошел лентяй
погожим днем
Пройтись
Вдоль по дороге.
Он час идет, и три, и пять...
Уж солнышко садится...
Лентяй уже устал шагать,
Да лень остановиться!
Ему бы повернуть домой,
Да лень шагать обратно,
И вдаль ушел он по прямой,
И где он —
Непонятно!
Найти беднягу нелегко...
И тут сказать удобно,
Что очень, очень далеко
Лень завести способна!

В. НЕМИРОВСКИЙ



В. ПЕСКОВ

АХИНЕЯДИ «КЛУБА ДС»

Евгений ГЕРЗОН

ШУЗЫ ИЗ КОМИССА

НИКОЛАЙ Николаевич возвращался домой в превосходном настроении. Наконец-то закончен и сдан заказанный ему перевод книги английского специалиста. Теперь можно и сыном заняться, а то уж забыл, как он выглядит...

В дверях к нему бросилась заплаканная жена.

— Что стряслось? — спросил Николай Николаевич.

— Коленька, — запричитала она, — с Аликом плохо, очень плохо.

— Да что с ним?

— Плохо, — рыдала жена, — я совсем перестала его понимать. Сегодня, например, идем с ним мимо комиссионного, и вдруг он просит, чтобы я ему какого-то... Шузю, что ли...— Слезы не давали ей говорить. — Представляешь?.. По-моему, он стал заговариваться. У них в десятом такие нагрузки... Что делать?..

Николай Николаевич бережно отстранил супругу и решительно прошел в комнату сына. Алик лежал в кресле, забросив ноги на письменный стол. Занавешанного волосами лица не было видно.

— Хэллоу, фадзэр! — пробасил он, встряхнув гривой.

«Фадзэр» слегка опешил от неожиданности.

— Объясни, — потребовал он, — чем ты расстроил маму?

— Найсово! — хохотнул Алик. — Уже стукнула?

Николай Николаевич поморщился:

— Так я жду!

— Да что там спикать — виноват, расстроил старуху. Набей мне фэйс, и дело смэйкано.

«Нра была права, он действительно заговаривается», — подумал Николай Николаевич. Но вдруг в голову пришла неожиданная мысль:

— Дело смэйкано, говоришь? — живо переспросил он сына.

— Йес, — одобрительно засмеялся Алик. — Понимаешь, в комиссе лежат штатские шузы на платформе — финиш! Ну, я к мадзэру присосался — возьми да возьми. А она: «Не понимаю» и в слезы... А из-за чего? Всего твэнти файв — четвертак по вашему, андэстэндаешь?

— Конечно, андэстэндаю, чего же здесь не понять, — в тон сыну заговорил Николай Николаевич. — Так какая прайса — твэнти файв, говоришь? А уверен, что шузы-то штатские, лэйбла фирменная есть?..

— Есть, — неуверенно протянул Алик.

— Найсово! А они не очень олдовые?

Алик, открыв рот, глазел на отца и молчал.

— Не очень старые, спрашиваю, шузы то? — наступал отец. — И сайс твой — сорок первый?.. Ну, вот что, я сейчас только по телефону ринганy и двинем в комисс, андэстэндаешь?

— Папа... — чуть слышно начал было Алик.

— Что, папа? — перебил Николай Николаевич. — Нечего сидеть, стэндапай — надо дело мэйкать...

Алик выскочил из кресла, почему-то сделал несколько шагов вокруг отца и вдруг, умоляюще взглянув на него, сказал:

— Неужели ты не можешь говорить по-человечески?!

ВРОЖДЕННЫЙ ТАЛАНТ

ПЕРЕВОДЫ

Весил ЦОНЕВ

САМОЕ трудное, по-моему, это определить, для чего человек рожден.

Появляется на свет паренек, его отец сразу решает:

— Сделаю его заготовителем!

И вот растет дитя, растет, а когда все уже получено — и специальное образование, и работа, — выросшее дитя начинает писать оды и поэмы, и, к удивлению родных и знакомых, становится руководителем местной художественной самодеятельности.

Нечто подобное случилось и со мной.

Отец захотел сделать из меня маляра. С этой целью он брал меня — еще мальчишку — со своей малярной артелью и заставлял красить двери и окна. Я махал кистью направо и налево пока артельный повар куда-то не сбежал.

Что делать? Работали мы на маленькой станции недалеко от Карлово. Кругом — ни одной живой души. Слева — Старая гора, справа — Средний лес, между ними — мы.

Когда положение стало совсем угрожающим, я сказал:

— Давайте, я сварю обед.

Все, разумеется, засмеялись:

— А ну тебя!

Однако со мной происходило то же, что и с тем поэтом-заготовителем. Наверно, так чувствовал себя Колумб, когда решил, что может открыть путь в Индию.

Других желающих стать поваром не оказалось, и мою просьбу удовлетворили...

Не скажу сейчас точно, что это было: уха, суп или жаркое. Помню лишь, что, когда мое блюдо попробовали, все вытаращили глаза: они, наверно, присвистнули от восхищения, если бы рты не были набиты!..

Три месяца я готовил малярам пропитание и чувствовал себя отлично. Как поэт!

Передо мной всегда лежали продукты — куски мяса, лук, кабачки, чеснок, сельдерей, мята; на ветвях висела кислая алыча, росли кругом душистые перцы и даже лекарственные травы. И я, словно старая колдунья, выбирал кусочек мяса, осматривал, прощупывал, обнюхивал его, определял, что именно к нему нужно и в каком количестве.

Вы, конечно, скажете: легко тебе было — столько продуктов! Но не спешите: рассуждая так, великих поэтов следовало бы вербовать среди машинисток — ведь у них в изобилии и пишущие машинки, и кипы бумаги!

Итак, я рос, но маляра из меня не вышло. (После я пять лет был летчиком-истребителем. Еще пять лет изучал архитектуру.) Но меня тянуло к природе, и поэтому мне показалось, что я рожден, чтобы стать писателем.

И вот меня назначили писателем и отправили в лето господне тысячу девятьсот шестьдесят первое в село Г. вместе с поэтом Николой И. в творческую командировку: на траве полежать, вдохновиться и что-нибудь написать!..

Предоставили нам чудесный домик на берегу маленького озера.

Сели мы с Николой за столы, поставили перед собой машинки и начали ломать головы: он — над будущей поэмой, я — над будущей повестью.

Совсем случайно посмотрели мы на озерко, а там — рыба! Плавник к плавнику! Лишь кое-где между рыб вода просвечивает.

— Думаю, что мы не совершим преступление, — сказал Никола, — если немного... Так просто — поймаем рыбку и обратно бросим...

Тогда-то я и понял, что он родился рыбаком.

Но во мне жил не рыбак, а повар! Потому я сказал:

— А зачем рыбку обратно пускать? Я бы уху сварил...

> P. S. Панегирик «Клуба ДС». В связи и по поводу первого пятидесятилетия заграничного друга «Клуба ДС» Весила Цонева администрация имеет удовольствие поздравить его и пожелать всяческих благ.

Через три секунды мы стояли на берегу. Никола одну за другой вытаскивал рыб, а я выхватывал их у него из рук и тут же чистил, потрошил и бежал прямо в кухню, а там швырял в кипящий котел.

Где-то около полудня мы проголодались. Я взял решето и процедил сварившуюся массу. Получился густой ароматный бульон.

Заправил я этот бульон четырьмя яйцами, добавил немного кислого молочка, поджарил хлебца, и сели мы с поэтом все это похлебать. Разлили наш суп в деревянные мисочки, взяли деревянные ложки, висевшие как украшение на стене, и...

Точно в этот момент в комнату вошел один очень большой начальник. Тот самый, который нас пригласил, чтобы мы в стихах и в прозе воспели возглавляемый им район. Он и пришел посмотреть, что мы тут написали. Но еще в дверях он поднял нос, с наслаждением вдохнул мужественный аромат моего супа и вдохновенно сказал:

— Стррршно!..

Потом сел рядом с нами и начал хлебать суп прямо из котла. Хлебает и повторяет:

— Страшшшшно!..

А когда супа в тарелках и в котле не осталось ни капельки, начальник поглядел кругом.

— Жжаль! — сказал он.

И тут я вспомнил, что у меня есть еще целая заначка.

Дело в том, что пока Никола ловил рыбу, я ее чистил, один петух, еще почти цыпленок, но отъявленный нахал, болтался у меня под ногами и клевал потроха. Он мешал мне, я не удержался и...

Так вот именно этот петушок и стоял — уже изжаренный — на пачке. Поджарен он был на чистом масле, с мелко нарезанным луком.

Когда и от петушка остались лишь мелкие косточки, большой начальник взял мою голову в ладони, поцеловал в лоб и сказал:

— Благодарю! Мне кажется, что я побывал в раю!..

И — пошло.

Изо дня в день! Никола ловил рыбку, я ее готовил, а из города шли люди, хлебали мою уху, ели жареных цыплят, а потом вздыхали и шептали:

— Стрраашшшно!..

Никола написал свою поэму год спустя. Я же вообще ничего не написал — некогда было. Но если вы побываете в том районе и спросите про нас, все вам скажут:

— Исключительно талантливые люди! Великие писатели!

Перевел с болгарского Георгий КОФМАН

ФРАЗЫ

● За такую жизнь полжизни отдать не жалко!

● У каждого свое шестое чувство.

● Бывает, еще ни с кем не выпил, а тебя уже уважают.

● Если уж есть начальство глазами, так делать это с аппетитом.

● Если мир материален, значит — чего нет, того нет.

● Что бы там ни утверждали ученые, а человек произошел от родителей.

● В графе «Социальное происхождение» писал: «Из снабженцев».

● Всякая самодеятельность хороша, если она под художественным руководством.

● Чтобы стать большим ученым, достаточно сдать минимум.

Данил РУДЫЙ

ОДЕССА

Рисунки И. ПЕКАРЕВА (БОЛГАРИЯ)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—10099 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 407 ИНДЕКС 50067